

Главный редактор –
И.Ю. ГОЛУБНИЧИЙ

Шеф-редактор –
С.Г. ЗАМЛЕЛОВА

Зав. редакцией –
Г.В. МАМОНТОВА
galina-mamontova@mail.ru

Ответственный секретарь –
В.И. РУСАКОВ
pechat-vr@yandex.ru

Художник-верстальщик –
Р.А. ВОДЕНИНА

Редактор-корректор –
Н.Б. АЛЕКСЕЕВ

Специальный редактор –
Д.П. ВОРОНИН

Редакция:

ООО «Издательский дом
ВЕЛИКОРОССЪ»
141730, Московская область,
г. Лобня, ул. Крупской,
д. 16, кв. 111

Рукописи и отзывы
принимаются по e-mail:
pechat-vr@yandex.ru

Электронная версия:
www.velykoross.ru

В номере:

Слово главного редактора3

ЮБИЛЕЙ

Алла НОВИКОВА-СТРОГАНОВА
Пророческий дар Гоголя.....4

ПОЭЗИЯ

Александр ПРОХАНОВ
Звезда афганского похода10

Виктор КАШКИН
«В небе – птичьей стаи клин...»26

Светлана ГОРОШИЛОВА
«Что-то там за туманом...»43

Юрий БОГДАНОВ
Зов (венки сонетов).....58

Мамед ХАЛИЛОВ
«Нет причины для сердечной смуты...»68

Лариса ЖЕЛЕНИС
«Над прялкою дремлет Бессмертие...»71

Нина ГОЛОВАНОВА
Свидание с прошлым.....74

Анатолий СМИРНОВ
«Слова меняют смысл, как человек желанья...»..90

Валерий ГОЛИКОВ
«Вы подпойте мне, братцы-славяне!...».....115

Дмитрий МИЛОВ
«Я остаюсь с тобой наедине...»118

Надежда ОХРИМЕНКО
«Так пусть сильнее звенит души струна...»..126

Валентин ЛУШИН
«Промчались кипучие годы...»134

Владимир СЕРОВ
«В себе самом я строил храм...»146

Алексей СЕРГЕЕВ
«Лишь молитва оживляет дух...»155

Антонина ШМАТКОВА
«Замру на кромке тишины...»174

Анатолий УВАРОВ
«Все хлебом Пахаря согреты...».....190

Некоммерческое издание
Литературно-исторический
журнал **ВЕЛИКОРОССЪ**
№1(31) 2019

Выходит четыре раза в год
Распространяется бесплатно

16+

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций
06.07.10.

Свидетельство о регистрации:
ПИ №ФС77-40753.

Учредитель и издатель:
С.Г. Макеева

141301, Московская область,
г. Сергиев Посад, а/я 16.

Подписано в печать 15.04.19.
Формат 70x108/16.
Усл. печ. л. 16,8.
Тираж 1000 экз.
Заказ F-2101

Отпечатано
в цифровой типографии
«Буки Веди» на оборудовании
KonicaMinolta
ООО «Ваш полиграфический
партнер», 127238, г. Москва,
Ильменский пр-д, д. 1, корп. 6.
Тел.: (495) 926-63-96,
www.bukivedi.com,
info@bukivedi.com

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Юрий РЫЧЕНКОВ
Грани таланта Владимира Бояринова19

ПРОЗА

Андрей РАСТВОРЦЕВ	
Ворона	28
Бродяга к Байкалу подходит	33
Евгения ПОЛЯКОВА	
Рассказы	47
Татьяна ЧЕРНОВА	
Акула	65
Евгений ПРУДЧЕНКО	
«Зимние письма» Зарисовки в прозе	77
Василий ПОЛЯКОВ	
Если курите, ваше дело – табак	121
Александр КУЩ	
Конкурс «Супердедушка».	
Взгляд изнутри	130
Марат ВАЛЕЕВ	
Борода	140
Татьяна ЛЕТНЕВА	
Из цикла «Признание без капли лжи»	
Поэт – поэту	149
Александр ЮДИН	
Торжество правосудия	158
Супер марио	165
Юлия АЛЕКСАНДРОВА	
Неугасимая лампада	171

ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ

Марина ЗАМОТИНА
Страна чингизидов 93 |

ПУБЛИЦИСТИКА

Николай ПЕРНАЙ
Пора искать дорогу вперед 177 |

Слово главного редактора

Уважаемый читатель, дорогой соотечественник!

Сегодня на наших глазах, возможно, начинается долгожданный новый период мировой истории. За последние годы так много говорилось о неизбежности перемен, что эти ожидания стали общим местом. Но, тем не менее, с каждым днём и часом, с каждым сколько-нибудь значительным событием становится всё более очевидно, что та «либеральная» модель мироустройства, которая была навязана народам и государствам мировой закулисой, оказалась выморочной и подерживается сейчас исключительно искусственными средствами. Презренный античеловеческий культ материального начала, предательства и всеобщей продажности, являющийся стержнем «либеральной» идеологии, давно уже привёл общество к тотальному подспудному стрессу. «Либерализм» убивает человеческий дух, убивает здоровое нравственное начало в человеке, убивает всё лучшее и возвышенное, что было выработано и выстрадано человечеством на его тернистом пути. Особенно это заметно по тому, какие произведения литературы, кинематографа, театра настойчиво и безапелляционно предлагаются сегодня человеку-потребителю «либеральными» СМИ. Пропагандируются низменные инстинкты, претенциозная бравада, а зачастую просто унылый абсурд, замешанный на патологии, русофобии и антисоветских штампах. От индустрии этой «культуры», порой откровенно состоящей на содержании у Запада и под его защитой, сытно кормятся ловкие дельцы и явные психи, которые готовы идти до конца в своём стремлении сохранить материальное благополучие и возможность безнаказанно вызывать отвращение у нормальных людей. Но и эти механизмы начинают всё чаще давать сбой. «Либерализм» онтологически надоед здоровому большинству, и сегодня становится всё очевиднее, что так, как было, дальше быть не может.

Журнал ВЕЛИКОРОССЪ твёрдо и последовательно стоит на позициях поддержки традиционных ценностей и того художественно-нравственного направления, которое завещано нам великой литературой нашего Отечества – единой многонациональной России.

Иван ГОЛУБНИЧИЙ
Кандидат филологических наук
Заслуженный работник культуры Российской Федерации
Заслуженный работник культуры Чеченской Республики
Заслуженный работник культуры Республики Дагестан

Мнение редакции необязательно совпадает с мнением автора. Авторы несут ответственность за приводимые в материалах факты. Редакция в переписку не вступает. Рукописи не рецензируются. Принятые рукописи могут быть отредактированы. Любое воспроизведение материалов или их фрагментов на любом языке возможно только с письменного разрешения правообладателя.

© Литературно-исторический журнал «Великороссъ», 2019
© Авторы, 2019

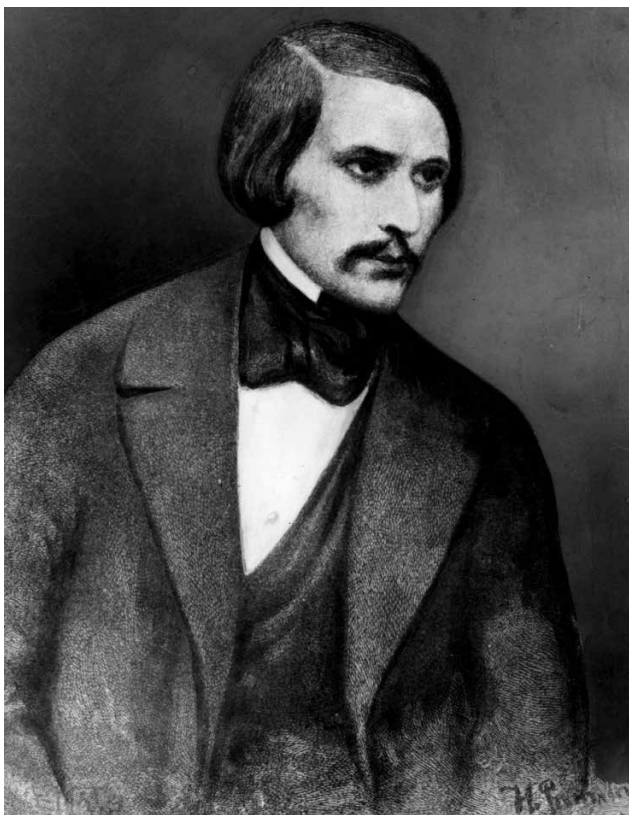
ЮБИЛЕИ

К 210-летию великого русского писателя

Пророческий дар Гоголя

210-летний юбилей Николая Васильевича Гоголя (1809–1852) с новой остротой ставит вопрос об изучении его творческого наследия в свете христианского идеала. Подобно пушкинскому пророку, Гоголь, «духовной жаждою томим», искал пути к её утолению, духом припадая к животворному источнику – Евангелию.

«Выше того не выдумать, что уже есть в Евангелии», – утверждал великий русский писатель. Призывая к обновлению всего строя жизни на началах христианства, Гоголь пророчески утверждал: «Один только исход общества из нынешнего положения – Евангелие».

Алла НОВИКОВА-СТРОГАНОВА

Алла Анатольевна Новикова-Строганова – доктор филологических наук, профессор, член Союза писателей России, историк литературы.

Живёт в Орле.

Алла НОВИКОВА-СТРОГАНОВА

По справедливому суждению, гений Гоголя до сих пор остаётся неизвестным в желаемой полноте. Прикоснуться к тайне гения, духовной стороне его жизни и творчества помогает «апокрифический рассказ» о Гоголе Николая Семёновича Лескова (1831–1895) «Путимец» (1883). Истинный художник-христианин Лесков – наиболее близок Гоголю по духу – также постоянно говорил о важности Евангелия, в котором «сокрыт глубочайший смысл жизни», и горячо ратовал за восстановление «духа, который приличествует обществу, носящему Христово имя».

Рассказ «Путимец» художественно воссоздаёт облик молодого Гоголя-лицеиста, обнаруживая напряжённую внутреннюю жизнь будущего писателя, его пророческий дар, замечательную способность с первого взгляда постигать характер и саму сущность человека, воздействовать словом на самые глубокие струны человеческой души.

Художественный образ Гоголя как литературного персонажа соотносится с духовным обликом Гоголя как реальной личности. Лесковский текст предоставляет широкие возможности сцепления с литературно-публицистическим, эпистолярным гоголевским наследием, позволяет восстановить синхронный литературный контекст и его сокровенную сущность – контекст евангельский, который определяет смысл заглавия рассказа «Путимец». Концепт «Путь» в его высоком новозаветном значении: «Аз есмь Путь, и Истина, и Жизнь» (Ин. 14:6) – становится сверхмыслом и идейно-художественным центром произведения. Кульминация рассказа – духовное обновление человека на пути к Богу. В подтексте задан христианский вектор: «И будет там большая дорога, и путь по ней назовётся путём святым <...> идущие этим путём, даже и неопытные, не заблудятся» (Ис. 35:8). Это магистральное направление, указанное в Библии, отразилось и в русских народных пословицах: «За Богом пойдёшь, добрый путь найдёшь», «Бог пути кажет», «Нужный путь Бог правит», «Призывай Бога на помощь, а святого Николая в путь».

Молодой Николай Гоголь с первых страниц повествования – в пути – в прямом и метафорическом смысле. В этом плане он тоже «путимец». Образ вечного путника, каким видел себя писатель, хранит вся его переписка – от раннего возраста до зрелости. Будучи юношей, в 1827 г. он писал своему другу Г.И. Высоцкому: «в глубоком раздумье стоял я над дорогою жизни, безмолвно обсматривая будущее». «От ранней юности моей у меня была одна дорога, по которой я иду <...> совершилось всё это не без воли Божией», – признавался Гоголь двадцать лет спустя – в январе 1847 г. – С.Т. Аксакову.

В лесковском рассказе Гоголь горячо выступает в защиту русского человека, «русской удали», отрицает националистическую узость, не разделяет «крайностей малороссийской нетерпимости» к «кацапам». Заведя беседу «о типическом ямщике великорусском, человеке по преимуществу общительном, разговорчивом и весёлом», герой рассказа восклицает: «великоросс совсем другое: с тем всего какой-нибудь один час проедешь – и перед тобою вся его душа выложится; вся драма его жизни тебе станет открыта. “Душа нараспашку...”»

В <Авторской исповеди> (1847) Гоголь подробно объяснял: для постижения русской природы, чтобы уяснить «себе самому определительно, ясно высокое и низкое русской природы нашей, достоинства и недостатки наши <...>, следует узнать получше природу человека вообще и душу человека вообще»; «занятием моим стал <...> человек и душа человека вообще».

Стремление к познанию человеческой души привело Гоголя к самопознанию и Богопознанию: «О, как глубже перед тобой раскрывается это познание, когда начнёшь дело с собственной своей души! На этом-то пути поневоле встретишься *ближе* с Тем, Который один из всех доселе бывших на земле показал в Себе полное познание души человеческой». Неизбежное следствие самопознания – самовоспитание: «узнавать душу может один только тот, кто начал уже работать над собственной душой своей». Писатель указывает путь к уяснению сложных духовных вопросов: «Найди только прежде ключ к своей собственной душе; когда же найдёшь, тогда этим же ключом отопрёшь души всех»; необходимо «покрепче всматриваться в душу человека, зная, что в ней ключ всего».

Основополагающий «ключ всего» Гоголь нашёл в Боге: «Всё, где только выражалось познание людей, от исповеди светского человека до исповеди анахорета и пустычника, меня занимало, и на этой дороге, нечувствительно, почти сам не ведая как, я пришёл ко Христу, увидевши, что *в Нем ключ к душе человека* и что ещё никто из душезнателей не всходил на ту высоту познания душевного, на которой стоял Он». Исследуя и изображая жизнь, писатель «не совращался с своего пути» и закономерно «пришёл к Тому, Кто есть источник жизни <...>, Который один полный ведатель души и от Кого одного я мог только узнать полнее душу».

Гоголь размышлял о действии Высшего Промысла в его писательской судьбе: «были такие обстоятельства, <...> которые заставляли меня, против воли моей собственной, входить глубже в душу человека»; «крутым поворотом, происшедшим не от моей воли, наведён я был заглянуть глубже в душу вообще и узнать, что существуют её высшие степени и явления».

Обострённое стремление разгадать человека владело Гоголем сизмальства: «От малых лет была во мне страсть замечать за человеком, ловить душу его в малейших чертах и движеньях его»; «жажда знать душу человека так томила меня постоянно от дней моей юности»; «прежде, чем сделался писатель, уже имел я охоту: к наблюденью внутреннему над человеком и над *душой человеческой*».

Историю раннего духовного и идейно-эстетического развития писателя подтверждает его эпистолярное наследие. Уже в первых письмах из Нежинской гимназии, адресованных «дражайшим папеньке и маменьке», 15-летний Гоголь осознаёт себя взрослым и ответственным человеком: «Как будто бы ещё о сю пору я ещё ребёнок и ещё не в совершенных летах и будто бы на меня ничего нельзя положиться», – с укором обращался он к родителям, угадав их желание оградить сына от тревог. «Но как много ещё и от меня закрыто тайною и я с нетерпением желаю вздёрнуть таинственный покров», – писал он матери в первые дни пребывания в Петербурге.

Впоследствии автор «Ревизора» и «Мёртвых душ» в письме С.Т. Аксакову признавался: «внутренно я не изменялся в главных моих положениях. С 12-летнего, может быть, возраста я иду тою же дорогою, как и ныне, не шатался и не колебался никогда во мнениях главных <...> шёл далее своей дорогой; и точно Бог помогал мне <...> И теперь я могу сказать, что в существе своём всё тот же, хотя, может быть, избавился только от многого, мешавшего мне на моём пути».

Таким образом, Лесков – автор «апокрифического рассказа о Гоголе» – нисколько не погрешил против истины, отмечая в личности своего юного героя черты прозорливого и вдумчивого «душеведа»-христианина, который

выражал горячее убеждение в способности падшей человеческой природы к быстрому духовно-нравственному возрождению: «всё, что тебе ещё угодно, можешь отыскать в них дурного, а мне в них всё-таки то дорого, что им всё дурное в себе преодолеть и исправить ничего не стоит; мне любо и дорого, что они как умственно, так и нравственно могут возрастать столь быстро, как никто иной на свете. Сейчас он такой, а глазом не окинешь – как он уже и перекинется, – и пречудесный».

Дар предвидения, духовного проникновения, которым был наделён Гоголь, не укрылся ни от него самого, ни от окружающих. «К числу мечтательностей своих иногда желаю быть ясновидцем»; «какая-то невидимая сила натолкнула меня, предчувствие вошло в грудь мою»; «тайное какое-то предчувствие мне предрекает», – делился он с родными в ранних письмах. Ещё в лицее была замечена незаурядная проницательность Гоголя: «Говорили, что я умею не то что передразнить, но *угадать* человека, то есть угадать, что он должен в таких и таких случаях сказать, с удержаньем самого склада и образа его мыслей и речей».

Впоследствии Гоголь производил «строгий анализ над собственной душой». Исповедальный мотив покаянного самоуглубления воспроизводится в <Авторской исповеди>, проникнутой пафосом строгой самовзыскательности Гоголя: «писатель-творец творит творенье своё в поученье людей. Требования от него слишком велики – и справедливо». Гоголь убеждён, что нет оправданий писателю, который «сказал глупость или нелепость, или же выразился вообще необдуманно и незрело».

Ведя непрестанную внутреннюю работу, Гоголь ощущал себя и субъектом, и объектом самонаблюдения. Он признавался, что «наблюдал над собой, как учитель над учеником, не в книжном ученье, но и в простом нравственном, глядя на себя самого как на школьника». Это духовное самообразование, согласно гоголевской исповеди, было предопределено «желанием совершенства, если сходил за тем Сын Божий, чтобы сказать нам всем: “Будьте совершенны так, как совершен Отец ваш Небесный”».

Указанному в Евангелии пути совершенствования нет конца, не поставлено никаких пределов. Поэтому писатель не вправе быть скорым на обвинения несовершенному человеку. Гоголь размышляет: «Не мешало бы подумать <...>: “Не ошибаюсь ли я сам? Ведь я тоже человек. Дело здесь душевное. Душа человека – кладёзь, не для всех доступный иногда <...> Часто и наискуснейшие врачи принимали одну болезнь за другую и узнавали ошибку свою только тогда, когда разрезывали уже мёртвый труп”».

Отсюда – осознание величайшей ответственности за непраздное, учительное слово в полном соответствии с поучением Христа: «за всякое праздное слово, какое скажут люди, дадут они ответ в день суда: Ибо от слов своих оправдаешься и от слов своих осудишься» (12:35–36). Слово, обладающее жизнестроительной силой, включается в евангельский контекст: «И Слово стало плотью и обитало с нами, полное благодати и истины» (Ин. 1:14). Саркальное Слово: «Вначале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог» (Ин. 1:1) – соотносится с творящим словом вообще, которое есть дар Святого Духа: «Святой Дух научит вас в тот час, что должно говорить» (Лк. 12:12).

Гоголь-писатель обострённо ощущал священную сущность слова: «чувствовал чутьём всей души моей, что оно должно быть свято <...> словесное поприще есть тоже служба». Слово имеет разительную силу, обладает действенной духовной энергией. Оно способно изменить устремления души и

самую судьбу человека. Просвещённый Божественным откровением ум Гоголя впоследствии привёл его к основным писательским установкам: «Опасно шутить писателю со словом»; «Чем истины выше, тем нужно быть осторожнее с ними»; «Обращаться с словом нужно честно. Оно есть высший подарок Бога человеку». Эти афористически выраженные христианские убеждения определили смысл главы IV «О том, что такое слово» «Выбранных мест из переписки с друзьями» и пафос книги в целом: «Слово гнило да не исходит из уст ваших! Если это следует применить ко всем нам без изъятия, то во сколько крат более оно должно быть применено к тем, у которых поприще – слово и которым определено говорить о прекрасном и возвышенном. Беда, если о предметах святых и возвышенных станет раздаваться гнилое слово; пусть уже лучше раздаётся гнилое слово о гнилых предметах».

Уже с юности Гоголь почти *неземной*: «душа моя хочет вырваться из тесной своей обители». Он жалуется на «существователей», которые «задавили корою своей земности, ничтожного самодоволия высокое назначение человека». Ему чужда мысль, «как бы добыть этих проклятых, подлых денег, которых хуже я ничего не знаю в мире»; претят «мошеники», которые «дерут предорого и ни на грош не приносят пользы».

Подлинное глубокое выражение внутренней жизни молодого Гоголя находим в примечательном письме из Нежина 1 марта 1828 года Гоголь пишет матери, что претерпел «столько неблагодарностей, несправедливостей глупых, смешных притязаний, холодного презрения и проч.», и признаётся: «Всё выносил я без упрёков, без роптания, никто не слышал моих жалоб, я даже всегда хвалил виновников моего горя <...> Уроки, которые я от них получил, останутся навеки неизгладимыми <...> Вы увидите, что со временем за все их худые дела я буду в состоянии заплатить благодарениями, потому что зло их мне обратилось в добро».

Жертвенный путь с ранних лет привлекал Гоголя: «даже в детстве, даже во время школьного учения <...> мне всегда казалось, что в жизни моей мне предстоит какое-то большое самопожертвование». Стезя великого русского писателя, обрётшего себя «на нищенскую и скитающуюся жизнь», – это аскетический путь бесприютного странника. «Как будто нарочно дала мне судьба тернистый путь», – говорил Гоголь.

Религиозные искания на пути духовного освобождения в последние годы жизни писателя вызвали в нём острое «томление духа». Духовная жажда утоляется во Христе, в праведной жизни по Его заповедям: «Жаждающий пусть приходит, и желающий пусть берёт воду жизни даром» (Отк. 22:17); «кто жаждет, иди ко Мне и пей» (Ин. 7:37). Беседа у колодца с самарянкой, Иисус возвестил: «всякий, пьющий воду сию, возраждет опять, а кто будет пить воду, которую Я дам ему, не будет жаждать вовек; но вода, которую Я дам ему, сделается в нём источником воды, текущей в жизнь вечную» (Ин. 4:13–14).

Мысль о монашестве не оставляла Гоголя: «Не дело поэта втираться в мирской рынок. Как молчаливый монах, живёт он в мире, не принадлежа к нему, и его чистая, непорочная душа умеет только беседовать с Богом». Это образное сравнение, подчёркивающее духовную высоту писательского труда, «художнически-монастырской работы», постепенно перерастает в убеждение: «нет выше удела на свете, как званье монаха». В письмах Гоголь признаётся, что больше годится «для монастыря, чем для жизни светской».

Укреплению православного идеала способствовало глубокое вхождение писателя в молитвенный духовный опыт, обращение к святоотеческому

наследию. Так, Гоголь просил прислать ему в Рим «молитвенник самый пространнейший, где бы находились все молитвы, писанные отцами Церкви, пустынноиками и мучениками». Писатель по-монашески «келейно» штудировал труды Святых отцов, делал выписки из богослужебных книг, создавал собственную духовную прозу. На сохранившемся в Оптиной пустыни первом томе «Мёртвых душ» автор отметил: «Здравую психологию и не кривое, а прямое понимание души встречаем лишь у подвижников-отшельников».

Писатель много и усердно молился: «Помолюсь, да укрепится душа и соберутся силы, и с Богом за дело», – писал он накануне паломнической поездки по Святым местам.

В предсмертных записях Гоголь оставил истинно пасхальный завет воскресения «мёртвых душ»: *«Будьте не мёртвые, а живые души. Нет другой двери, кроме указанной Иисусом Христом, и всяк прелезай иначе есть тать и разбойник»*. Великий писатель-классик горячо ратовал за восстановление образа Божьего в «пошлом», «холодном, раздробленном, повседневном характере» человека, опутанного «всей страшной, потрясающей тиной мелочей». Эта задача остаётся не менее плодотворной и сейчас, ибо «цели христианства вечны».

ПОЭЗИЯ

Александр ПРОХАНОВ

АЛЕКСАНДР ПРОХАНОВ

Александр Андреевич Проханов – писатель, поэт, публицист, общественный деятель. Родился в 1938 г. Главный редактор газеты «Завтра». Председатель Изборского клуба. Член Высшего творческого совета Союза писателей России.

Живёт в Москве.

Звезда афганского похода

Последний летописец

Мне долгий век кукушка нарыдала.
Должно быть, знала, вещая, она,
О том, что терпеливо поджидала
Меня далёкая нездешняя война.

Давно остыл ожог афганского загара,
Утихла боль в прострелянной груди.
Но снятся мне предгорья Кандагара,
И взорванный КАМАЗ пылает впереди.

Он штурмовал тот призрачный дворец.
Всадил он пулю в шею президента.
Был гроб его наряжен, как ларец.
На нём венок и траурная лента.

Среди божественных мечетей,
Среди сияющих шатров,
Среди фонтанов и соцветий
Погиб от пуль сержант Петров.

Я помню роз волшебный аромат,
Герата перламутровое утро.
Ты мне принёс трофейный автомат.
На нём сиял цветок из перламутра.

Они два дня лежали под горою.
К ним не дерзнул спуститься ни один.
Разъятый пулями, оплавленный жарою,
Живот напоминал лиловый георгин.

Среди песков в пустыне Регистан,
Там где текли ночные караваны,
Мой пулемёт без усталости хлестал
В боках верблюдов вспарывая раны.

Река бурлива и светла была.
Я опалённые омыл в ней брови.
Передо мной, качаясь, проплыла
Чалма, пропитанная кровью.

Я расстрелял последний магазин.
Раздался звук пронзительный и тонкий.
И наливник, стоящий на бетонке,
Взорвал свой огнедышащий бензин.

Прекрасен вид рассерженных бровей,
Орлиный нос и твёрдых губ румянец.
И автомат, лежащий на траве.
Таким он был, убитый мной афганец.

Гранатомёт попал в живое тело.
Взрывной волной отбросило назад.
Но впереди ещё рука летела.
Стремилась в бой, сжимая автомат.

Я снайпер, и ношу в кармане нож.
Закончив бой, в спасительной прохладе
Спокойно, не испытывая дрожь,
Убитого врага пометить на прикладе.

Мы два часа его пытали током.
И, погибая от смертельных ран,
Он сдался в состязании жестоком,
Когда мы стали рвать его Коран.

Над городом прошла снарядов буря.
Ракета пронесла отточенный резец.
Я видел сквозь прицел, как капелькой лазури
Сияет на земле разбитый изразец.

Нам перед боем местный властелин
Прислал под сень своих ажурных арок
Двенадцать девушек, восточных балерин.
Мы приняли его ночной подарок.

Я был обмотан пулемётной лентой.
Кто я такой? Кто слышит пули свист?
Перед уходом в горы документы
У нас забрал прилежный особист.

Застава не казалась нам твердыней.
Мы вырыли под нею катакомбы.
Всю ночь над ней, как золотые дыни,
Висели осветительные бомбы.

Враги его подбили из зенитки.
Его несло на скалы у реки.
За ним тянулись огненные нитки.
Он прокричал: «Прощайте, мужики!»

За рекой, за горным поворотом
Мы всегда испытывали страх.
Там, где неудачливая рота
Пала в лазуритовых горах.

Я присел на высохшую глину,
Чтоб заклеить крохотную ранку.
И у ног моих увидел мину,
Врытую на тропке «итальянку».

Мы отступали из страны жестокой.
В колоннах под прикрытием зениток.
Так уходили русские с Востока.
Империя сворачивалась в свиток.

На Родине нас ждали не объятья.
Не радужные речи Президента.
Нас ждали оскорбления и проклятья.
Был наш поход, как траурная лента.

Я остаюсь последний летописец.
Пусть надо мной смыкает время своды.
В бездонном небе надо мною высится
Лучистая звезда афганского похода.

Дырочка в виске

Я был готов вонзить в него свинец.
Я целился ему в сплетенье жил.
Но на винтовку мне слетел скворец,
И я мою винтовку отложил.

У автомата ложе из берёзы,
Коричневый берёзовый приклад.
Вдруг из приклада выступили слёзы,
И стал зелёной веткой автомат.

Я улетаю из пыльного Шинданта.
Наш фюзеляж был полон мертвецов.
Я не запомнил имя лейтенанта,
Но помню его мёртвое лицо.

Был караван разбит. Отряд спецназа
Раскладывал трофеи на песке.
Тому досталась голубая ваза.
Тому досталась дырочка в виске.

Он умирал, объят смертельной дрожью.
Пил воду утомившийся верблюд.
Отряд остановился у подножья
В зелёном камне вырезанных Будд.

Тряслись верблюдов пыльные горбы.
И воздух был горячий и белесый.
Нам из Союза привезли гробы
С медовым запахом распиленного леса.

Он говорил о женщине чудесной,
Как к ней вернётся, невредим и цел.
Висел портрет в его камерке тесной.
Я поправлял мой сбившийся прицел.

В наш отряд приехала певица.
Был прекрасен цвет её лица.
Капитан хотел на ней жениться,
А женился он на капельке свинца.

Я не пустил на дно моих глазниц
Картины окровавленного ада.
Я вижу рынок золотой Газни,
Лазурную мечеть Джелалабада.

Никогда он в жизни в церкви не был.
Он лежал и стискивал винтовку.
«Господи, возьми меня на небо,
Как берёшь ты божию коровку».

«Ты не кайся, не проси прощенья.
В жизнь назад из смерти не зови»...
Снилось ей, как падает в ущелье
Взорванный горящий грузовик.

Он снял мешок, потряхнул пустую фляжку,
И, поплевав на грязные ладони,
Установил незримую «растяжку».
Вновь побежал, спасаясь от погони.

Его «шальная» клюнула в затылок.
Он тонко вскрикнул, будто изумился.
Когда мы подбежали к зампотылу,
Его окурок всё ещё дымился.

Она была из тех безмужних женщин,
Заброшенных в стреляющий Герат.
Сперва комэска с нею был повенчан.
Потом начфин. А уж затем комбат.

Рассветный луч окровенил скалу.
Пылили танки, выли «бэтээры»,
Мы шли уничтожить Мусакалу,
Оплот врага, его священной веры.

Среди разноголосого народа,
В мясных рядах, в час утренний и ранний
В меня стрелял пуштун чернобородый,
Но пуля угодила в мозг бараний.

Мы мчались в ночь. Недвижные, как глыбы,
Сидели на броне солдаты.
Нас ждал Герат. Как фосфорные рыбы
Светились в «бэтээре» циферблаты.

Враг наступал, росли потери.
Мы отбивались восемь дней подряд...
Его нашли в сгоревшем «бэтээре».
В обугленной руке оплывший автомат.

Небесный виноград

Ты видишь на плече моём рубцы?
Они краснеют, словно позументы.
Так грызли кожу медные зубцы
Меня обвившей пулемётной ленты.

Мы убивали недругов жестоко.
Дарили нам посмертные награды.
Но там, на небесах, в саду высоком,
Кормили мы друг друга виноградом.

На танке уходил из Кандагара,
Держась за башню пыльными руками.
И мальчуган, весь чёрный от загара,
Метнул в меня прощальный камень.

Я улетаю под вечер из Кабула
С пробитым пулями походным рюкзаком.
Прощаясь навсегда, страна меня лизнула
Своей зари холодным языком.

Мой «бэтээр» наткнулся на фугас,
Когда дивизия вела бои в Кундузе.
И белый свет в глазах моих погас.
Я долго заикался от контузии.

Однажды я очнулся на заре,
Три ночи проведя в забвенье вязком.
Была кровать. Был душный лазарет,
И на груди кровавая повязка.

То рваная солдатская панама.
То синева десантного берета.
То полная бинтов кровавых яма.
Мне снятся сны и стоны лазарета.

Я умирал в походном лазарете.
Последний час мне оставалось быть.
Он прилетел на сумрачном рассвете.
Сказал: «Живи!», и я остался жить.

Я не открыл священнику грехов,
Он не добился от меня признаний.
И только льётся из моих стихов
Кровавый пот моих воспоминаний.

Выносил меня из боя вертолёт.
Трубки капельниц мерцали в огоньках.
Мне казалось, подо мной сияет лёд,
Я летаю на серебряных коньках.

Казалось, что хирург со мною говорит
На странном языке сквозь узкое оконце.
И чудилось, что надо мной горит
В кровавые бинты замотанное солнце.

Снаряд разворотил ему бедро.
Он матерился и клеймил врага.
И звякнула, ударив о ведро,
Хирургом отсечённая нога.

Откуда явились, скажи мне сестрица,
В разбитой моей голове
На синем снегу золотая лисица
И розовый лось на траве?

Мне в медсанбате ногу отпилили.
Тянулась ночь. Горел свечи огарок.
Врачи за стенкой шумно спирт делили
И целовали пьяных санитарок.

Моя душа счастливо улетела.
Забыла на прощенье улыбнуться.
Забыла на прощанье оглянуться,
Как остывает брошенное тело.

Не приходи ко мне в мою палату
И надо мной не голоси навзрыд.
Мне выбило глаза ручной гранатой,
Последнее, что видел в жизни – взрыв.

Лес родной, зелёная волна,
Я в тебя укроюсь с головою.
Чтобы я не встретился с войною,
Чтобы не нашла меня война.

Боже, сделай так, чтоб смолкли пушки.
Боже, отпусти мои грехи.
Отведи меня к лесной опушке,
Где серёжки розовой ольхи.

Я видел, как взрываются селенья,
Как старец голову оторванную нёс.
Меня Господь лишил за это зренья.
Глаза истаяли потоком мутных слёз.

Бабочка, красавица ночная,
Прилети, присядь у изголовья.
Может, это матушка родная
Весточку прислала мне с любовью.

Он думал о любви, когда упал снаряд.
В него вонзилась тысяча осколков.
Он думал, как снимал с неё наряд,
И слышал звук струящегося шёлка.

Мой милый доктор, добрый военврач,
Всё вижу сквозь туманную дремоту,
Как «бэтээры» проносились вскачь,
И по горам стреляли пулёметы.

Не приходи в покои лазарета.
Не умоляй дрожащими губами.
В тот год цвело и полыхало лето,
И синева лежала под дубами.

Ты, в красных брызгах, полевой хирург,
Не отсеки мне памяти случайно
О белизне её душистых рук,
О золотом колечке обручальном.

Он падал на подбитом самолёте,
И чёрный дым за ним тянулся следом.
Теперь вся жизнь его в мучительной дремоте,
Обрубки ног его накрыты тёплым пледом.

Пусть боль не жжёт пробитой головы,
Пусть не мерцает капельницы склянка.
Летели волны ветряной травы,
И в них металась бабочка-белянка.

Не докучайте мне в мучительном бреде.
Пусть все уйдут, и вдруг тогда приснится
Тот день, когда в сверкающем саду
Свистела мне восторженная птица.

Приснилось мне, что вместо прежних рук,
Оторванных шальной афганской миной,
Две лёгких ветки появились вдруг,
В листьях зелёных и цветах жасмина.

Парад

Я верю, что когда придёт пора,
Когда оставят Родину невзгоды,
Грядёт на Красной площади парад
Седых солдат афганского похода.

Пусть перед строем, отдающим честь,
Протащат ржавый корпус «бэтээра»,
Его огнём изрезанную жечь,
Подорванную на камнях Панджшера.

Пусть караул торжественно замрёт,
Пускай приспустит боевые стяги,
Когда ввезут на площадь вертолёт,
С дырявым баком, без винтов и тяги.

Пусть затуманится Кремля прекрасный лик,
Когда тягач с трудом ввезёт на площадь
На ободах сожжённый «наливник».
Пусть флага алый шёлк над ним полощет.

И пусть ещё помедлят танков лязги,
Пускай замрут войска недвижимым строем,
Когда покатают инвалидные коляски,
И в них – безрукие, безногие герои.

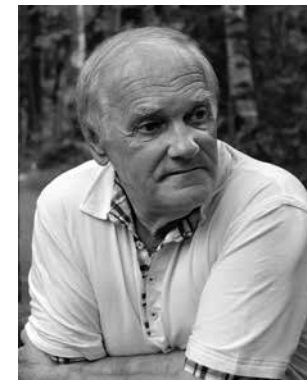
Тогда полки пройдут священным маршем.
Им честь отдаст с высокого гранита
Моей страны победоносный маршал.
Крест золотой. Звезда из лазурита.

Грани таланта Владимира Бояринова

*Да, мы по-прежнему мечтою сердце лечим,
В недетский бред вплетая детства нить...*

М.И. Цветаева

Юрий Алексеевич Рыченков – член Союза писателей России. Награждён Золотой Есенинской медалью. Дипломант литературной премии имени Н.А. Некрасова «За вклад в сохранение народной традиции в русской поэзии». Победитель Международного конкурса «Литературный Олимп» в номинации «Поэзия» Лиги Писателей Евразии. Автор двух поэтических книг: «В объятьях памяти», «Иду осенним полем...» и многих поэтических сборников. Автор рецензий и критических статей.

Живёт в Москве.

Всем, кто интересуется русской классической и современной поэзией, хорошо знакомо имя Владимира Бояринова, как поэта, которому под силу самые различные поэтические жанры. Времена меняются, но основные, наиболее важные темы поэзии остаются неизменными. Читая книги Владимира Бояринова, мы с удивлением узнаём в нескольких строчках свои собственные чувства и переживания. Множество примеров связи времён можно найти в его лирике. Его поэзия словно вступает в противостояние с расхожими утверждениями, что «люди теперь не те, что прежде». На самом же деле, во все времена людей разных стран волновали схожие темы – тема любви, родной страны, смысла жизни, жизненных ценностей. Во все времена осуждалась чрезмерная оторванность поэта от жизни. Очевидно, что истинный поэт должен быть связан с обществом, со своей эпохой. Чтобы его стихи стали истинными стихами, в них должна проследиваться «судьба поэта». Да, писать на «высокие темы» проще, но как мы можем легко увидеть, в истории остаются в основном поэты, равнодушные к своему времени, живущие не только своей фантазией, но и настоящим. Наверное, поэтому недавно появилась книга Владимира Бояринова «Украинские пляски». Поэт не мог остаться равнодушным к переломным событиям в судьбе двух братских народов: русского и украинского, выступив в совершенно новом качестве, проявив себя мастером тонкой сатиры.

Поэту хорошо известен постулат, который гласит, что талант даётся не каждому, но талантливый человек тем более должен много работать, чтобы не остановиться в своём развитии. И вот Владимир Бояринов удивляет, в хорошем смысле этого слова, совершенно неожиданной новой

книжкой «Медведь с мышкою дружил». Книгой для детей! И в этом тоже проявляется его глубинная связь с русской классической поэзией: думать и творить, продолжая великие русские традиции. Стихи, написанные специально для детей, традиционно занимают существенное место – это значительное явление русской литературы и культуры в целом. Дети должны расти на стихах – ритм, рифменное ожидание, чистота звука, неожиданные образы, словесная игра – всё это воспитывает вкус, чувство меры и такта, а главное, исподволь формирует в человеке любовь к родному языку и навыки литературной речи. Для настоящего поэта – это отдельная тема. Вспомним, например, что О. Мандельштам провозгласил детское сознание желанной нормой человека:

*Только детские книги читать,
Только детские думы лелеять,
Всё большое далёко развеять,
Из глубокой печали восстать.*

Одним из источников вдохновения для И. Бунина был мощно бьющий родник детских воспоминаний. Вот строки из его стихотворения «При свече»:

*Сердцем помню только детство:
Все другое – не моё.*

На самом деле, далеко не в каждом взрослом сознании сохраняется эта уникальная детская способность выдумывать целые миры, такие настоящие для ребёнка. Может быть, в какое-то время поэт вдруг понимает, что огромный пласт литературы проходит мимо. Ведь детская поэзия – самая чистая, самая трогательная, она – как колыбель мира. В детской поэзии совсем нет времени. Это нетронутый никем, рождающийся, чистый мир. Достаточно окунуться в стихию творчества К.И. Чуковского, С.Я. Маршака, С.В. Михалкова, А.Л. Барто. Существует множество категорий детской поэзии. Каждая из них направлена на проработку важнейших составляющих личности ребёнка: одна работает с психологией ребёнка, другая – с его речью, третья – с его мировоззрением, четвёртая – с воображением. Но чтобы всё это дошло до сознания ребёнка, нужно владеть особым языком. Вспоминается выражение А.И. Куприна: «Русский язык в умелых руках и опытных устах красив, певуч, выразителен, гибок, послушен, ловок и вместителен». Можно сказать, что А.С. Пушкин (для всего народа в целом), и К.И. Чуковский (для ребятёшек в частности) – великие творцы того драгоценного русского языка, которым мы с вами владеем. Сколько сил отдал Чуковский, изучая становление детской речи! И ещё интересно его замечание: «Не думайте о детях, когда пишете детские стихи...» Классическая детская поэзия не устарела и в наши дни. Наоборот, она приобретает особое значение, ведь она воспитывает вкус не только к литературе, но и к языку, бесконечно стёртому и замусоренному в наших буднях. Безусловно, сама необычность образов, более глубокий смысловый ряд поэтических произведений Серебряного века и в наши дни способствуют развитию молодой личности. Читаем стихотворение «Так» М. Цветаевой:

*«Почему ты плачешь?» – «Так». –
«Плакать “так” смешно и глупо.
Заревать, не кончив супа!
Отними от глаз кулак!
Если плачешь, есть причина.
Я отец, и я не враг.*

*Почему ты плачешь?» – «Так». –
«Ну какой же ты мужчина?
Отними от глаз кулак!..»*

Или вдруг строчки В. Маяковского «Этот зверь зовётся лама, / Лама-дочь и лама-мама...» Хлёсткие, музыкальные, сочные, чёткие. Поэты играют не со словом. Они играют со всем вокруг, вертят наш закостенелый, традиционный мир, задают неудобные вопросы, переворачивают всё с ног на голову. Взять вот хотя бы Юнну Мориц. Почитайте фрагмент её знаменитой «Бабушки»:

*Ленивая кошка
Не ловит мышей.
Ленивый мальчишка
Не моет ушей.
Ленивая мышка
Не выроет норку.
Ленивый мальчишка
Не любит уборку.
Ленивая мушка
Не хочет летать.
Ленивый мальчишка
Не хочет читать!*

И ещё одно замечание: детская поэзия – это род искусства, только особого. И настоящий детский поэт – явление уникальное. Возможно, даже более редкое, чем талантливый поэт для взрослых. Лучшие детские стихи – законные факты поэзии. Даже М. Горький со своего политического олимпа вещал: «Я утверждаю, что с ребёнком надо говорить забавно, ибо говорить детям суконым языком проповеди – это значит вызывать в них скуку». Воображение у ребёнка работает иначе, чем у взрослого. Детская поэзия – это поэзия чувства. В своих «Заповедях старого сказочника» К. Чуковский перечисляет критерии стиха: «Графичен ли стих? подвижен, разнообразен и изменчив ли сюжет? лирична ли словесная живопись? высока ли музыкальность? являются ли рифмы главными носителями смысла фразы? и т.д.» Такие оценки могут делать взрослые дяди и тётки, посещающие литературные студии. А ребёнок оценивает стих целиком – «нравится или нет»?

Читая книжку Владимира Бояринова, первое, что хочется отметить: поэт обладает тончайшим чувством юмора, обращённого и к детям, и к взрослым одновременно; он великий мастер комедии положений. Чуть ли не каждый его сюжетный стих – это маленькая история, но рассказанная с таким задором, с такой поэтической лихостью, так точно по интонации и остроумно с точки зрения стихотворной техники, что чтение превращается в большую радость. Эти стихи вроде бы непритязательны, и мир детства в них традиционен, спокоен и привычен. Нужно иметь по-настоящему поэтическое зрение, чтобы вычленив в нём главное, а этим главным, как нередко бывает, становится то, что ускользает от глаза, и только взгляд любопытного ребёнка (вернее, взгляд поэта, которым тот одаривает ребёнка) способен остановиться на этой до поры до времени скрытой тайне. Так в стихотворении «Такие разные бабушки» творятся истинные чудеса:

*И гроза грохотала,
Как будто железную книгу листала.*

*И с каждой страницы
Слетали зарницы.
А ветер был сильный и смелый какой!
За молнии голой хватался рукой.
Он брал их в охапку
И складывал в шапку!*

В стихотворении «Чудеса в решете» на небесах случаются невероятные события:

*Медведь по небу летает,
Тучку рваную латает, –
В ней огромная дыра –
Дождик льёт, как из ведра.*

Но оказывается, что невероятные события после этого совершаются и на земле:

*Дима поутру проснулся,
Сам оделся, сам обулся
И зарядку сделал сам.
Тут конец чудесам.*

Или: «Тучка солнышка ждала. / А под утро ей приснилось, / Будто в лебедь превратилась...». Или: «Месяц молодой / Вышел из тумана / В полный рост, / Вынул из кармана / Пригоршню звёзд. / Посмотрел на север, / Посмотрел на юг. / Звёздами засеял / Всё вокруг!» С истинно детской фантазией написано стихотворение «Что может котёнок». Оказывается ему вполне по силам: «Покатить яблоко к пруду», чтобы: «Сделать яблоко луной». А какое изумительное превращение в стихотворении «Весеннее утро»: «Лещ хлестнул хвостом об лёд – / И начался ледоход». Какая прелесть «хлестнул хвостом». Невозможно без улыбки представить себе ситуацию, когда отставной солдат Тарас спас от пожара загоревшуюся речку:

*Он огонь потушил,
Себе славу заслужил:
«Я тушил не водой,
А своей бородой!»*

Эти простые, но такие неожиданные сопоставления превращают весь мир в загадочный ребус, который хочется – и необходимо! – разгадать маленькому читателю или слушателю. А книжка, между тем, обретает многофункциональную мягкость и лиричность. Ведь дети радуются новому – как никто! Новые впечатления приносят им чувство обновления и насыщают духовный мир. Но как же непросто научиться определять эту «дозу» новизны, и затем нешаблонно, и действительно поэтически передать в стихах свои чувства, естественную метафоричность, сказочность. Как стать для ребёнка первооткрывателем?! Мне кажется, Владимиру Бояринову это удалось в полной мере.

И вот почему. Читая книгу, становится совершенно очевидным, что это не просто собрание стихов для маленьких детишек. Автор находит ответы на вопросы, без которых вообще не может существовать поэзия для детей. А именно: оказывает ли стихотворение неизгладимое впечатление? Заставляет ли стихотворение увидеть мир по-новому? Пробуждает ли желание задуматься? Даёт ли импульс к фантазии, будит ли воображение? Хочется ли такое стихотворение заучить наизусть и поделиться радостью с другим?

Присутствует ли в стихотворении весомая поэтическая суть, под которой можно подразумевать глубокую мысль или неясное, на первый взгляд, поэтическое очарование, которое воспринимается не только разумом, но и прежде всего чувствами, потрясает как открытие и, вследствие этого, ощущается как неожиданная эстетическая радость. Кроме всего прочего, стихи просто обязаны нести функцию и познавательную, и воспитательную. Virtuозно написана, я бы сказал, настоящая поэма для детей «Меня потеряли». Поэма об отважном котёнке, который, преодолевая страх, идёт на зов и спасает потерявшихся тигрят. И как вознаграждение за смелый поступок, маленький герой услышал в свой адрес восторженные восклицания:

*Какой полосатый!
Чудесный какой!
И даже усатый!
И весь золотой!*

Или в стихотворении «Хорошо» про трудягу бобра безо всякого назидания: «Хороша поленница! / Хорошо тому живётся, / Кто не ленится». Как ароматно звучит совет озабоченному Федоту: «Надо выполнить работу: / Прогнать сон / За семь сёл. / Леня – за семь деревень». Сказка «Про упрямого бычка» перекликается со знаменитой «Бабушкой» Ю. Морიც:

*Ты сиди, а я пойду
За тебя играть в саду.
Я поем на завтрак кашку.
Выпью чашку молока.
Расскажу ребятам сказку
Про упрямого бычка.*

Маленькое стихотворение «Золотое зёрнышко», понятное и интересное, несёт скрытый и глубокий смысл, разгадывая и понимая который, ребёнок на ступеньку выше поднимается из своего детского состояния к более взрослому уровню миропонимания и мировоззрения. Помочь ребёнку научиться самостоятельно мыслить – это ли не цель детского поэта? Приведу стихотворение полностью:

*Выглянуло из тумана
Утреннее солнышко,
Выронило из кармана
Золотое зёрнышко.*

*Как из этого зерна
Всходит колосом весна,
Всходит, прорастает,
Снег с полей сметает.*

Или ещё пример, который непременно заставит задуматься маленького читателя: «Дуб зелёный услышал, / Долго думал думу, / Долго ветками махал, / Много было шуму. / За ночь листья пожелтели / И наутро облетели».

Но может быть, самая главная функция детской поэзии – это прививка доброты маленьким читателям и слушателям. Путь к разуму через сердце – это тот самый надёжный путь воспитания и формирования личности, который надёжней всяких окриков, приказов или плакатов, призывающих любить природу, не делать тот или иной нехороший поступок, лучше долгих и

нудных наставлений и разъяснений. Дети остро чувствуют доброту и сердечное тепло. С радостью воспринимают эти высокие чувства. Здесь совершенно уместно напомнить о продолжении души поэта. Именно через стихотворения – душа автора легче всего находит своё продолжение в душах читателей. Зла не существует в детском сказочном мире. Если обратиться к русской классике, то в сказочном мире К. Бальмонта царит та же идиллия, что и в раннем детстве. От грозы фея улетает на спине стрекозы, волк служит феям и питается травой. Бальмонт утверждал естественное право детей на радости, красоту и бессмертие. Его называли «Паганини русского стиха», восторгаясь музыкальностью его речи. Слово и музыка рождают поэтический образ. Вот пример из «Золотой рыбки» (из сборника «Только любовь»):

*В замке был весёлый бал,
Музыканты пели.
Ветерок в саду качал
Лёгкие качели.*

Чувство сопереживания, соучастия живут только в доброй душе, поэтому Владимир Бояринов привлекает внимание маленького читателя просьбой о помощи одинокому сому, потому что: «*И сому очень трудно одному*». Или как по-доброму начинается стихотворение «Что за гость»: «*Ни ружья у меня, ни собаки*». Наконец, поэт просто ведёт доверительную беседу со своими маленькими читателями в стихотворении «Доброе слово»:

*Надеюсь, ребята, вам тоже понятно,
Что доброе слово и кошке приятно.
А мы забываем сказать – и не редко!
«Сударыня кошка, вот ваша котлетка».*

Поэт вместе с читателями радуется за маленького зайку, который сумел обмануть охотников и убежать от них: «*Вы, охотнички, бегите – / На мой хвостик поглядите!*» Или радуется подарком медвежонка-карапуза: «*Подай-ка лапку, / Получай-ка шапку*».

Владимир Бояринов изменил бы самому себе, если бы и в его детской поэзии не присутствовали философские нотки, которые будят мысль маленького читателя, призывая его к размышлению о прочитанном. Как тут вновь не вспомнить отважного котёнка. Совсем непросто разобраться в истории с «Белой Варварой», которая: «*Всё грозит: “ Подожду / И дубы подожду”, чтобы: “Получить миллион муравьиных яичек!*». Но в итоге: «*Разрыдалась, присев на полешко*», потому сгорели её: «*Спички и дурные привычки!*..» Или занимательная история, которая произошла с непутёвым мечтателем медведем Никодимом в стихотворении «Главное дело». Если вместо дела только фантазии и мечты, то вместо дома: «*Висят на паутинке / Меж ветвей сосновых / Три вчерашние картинки / И семнадцать новых*». И становятся понятными слова комара: «*Спасибо. время летнее, / Спасибо за последнее, / Недолгое тепло!*», и хитрая уловка голодного козла, который перед сном говорит жадному борову:

*Обычно я под голову
Кладу кочан капустный,
Чтоб сон приснился вкусный...*

В своих придуманных историях поэт точен, мудр, гуманен, говорит на понятном для маленьких читателей языке, чтобы завоевав их доверие и любовь,

взять затем за доверчивую руку и потихоньку повести вперёд к вечным и светлым радостям, и мудростям жизни. И незаметно происходит чудо взросления, когда маленький человечек ведёт себя, как мужчина:

*Заигрался, зазевался –
В полынью попал, промок.
И куда-то задевался
От пальтишка поясок.*

*Я о нём и не жалею
И расплаты не боюсь.
Я и плакать не умею,
Я смеюсь, смеюсь, смеюсь...*

А взрослея, человек учится любить окружающий мир и проникаться чувством любви к родной земле. Поэтому у Владимира Бояринова в стихах появляются строчки: «*Шапки снимают: / Декабрь-боярин, / Январь-воевода, / Февраль-удалец*». И возникает яркое ощущение прекрасного в стихотворении «Дудка»:

*Даже небо стало ниже,
Даже месяц повидней,
Даже звёзды стали ближе
И земля ещё родней!*

В книге прослеживается глубинная связь с русским народным фольклором. Можно было приводить множество тому примеров, но в этом нет никакой надобности. Сам поэт освободил меня от этого, посвятив вторую часть книги «потешкам», песенкам и народным загадкам. Не буду подробно останавливаться на технических тонкостях организации стиха. Замечу лишь, что автор в полной мере использовал весь набор тропов и, так называемых, «фигур речи», что позволило ему добиться в целом необходимой в этом случае эвфонии. Стихи, вошедшие в книжку, веселы, остроумны, ритмически отлично организованы, поэтому звучат естественно, по-доброму и понятны для самого маленького читателя и слушателя. Частое использование богатой рифмы вполне оправдано: создаёт нужную звукопись и способствует лёгкому запоминанию текста.

Книга Владимира Бояринова «Медведь с мышкою дружил» – убедительное свидетельство того, что современная детская поэзия живёт и в наше суматошное время. Перед нами талантливые стихи, написанные большим поэтом. С ними можно бегать, прыгать, петь, а ещё можно научиться думать. Умение думать – самое важное достоинство человека. Попробуйте учиться думать, начиная с этих стихов. Новая книжка Владимира Бояринова приносит в наши дома праздничное настроение. Причём праздник этот достаточно необычный – это встреча с богатствами родного языка, детской речи, тонко и со вкусом интерпретированной автором. И на этом поэтическом поле, где самое важное – это лаконичность, простота, отсутствие назидательности и красота самой поэзии, он заявляет о себе как о большом искуснике и знатке детской психологии.

Многое в поэтическом мире забылось, а милые детские «пустяшки», которые знакомы – не преувеличу – доброму десятку поколений, которые наши бабушки помнили с гимназических лет – сохранились. Сохранятся и детские истории Владимира Бояринова.

ПОЭЗИЯ

Виктор Михайлович Кашкин – известен по публикациям в московских газетах, журналах, коллективных сборниках. Автор книг «Я берега свои искал» и «Всего дороже». Член МГО СП России и Академии российской литературы.

Живёт в Москве.

Виктор КАШКИН

«В небе – птичьей стаи клин...»

Тропку, к церкви близ стоящей,
Расписали на Покров
Позолотой шелестящей
Листья клёнов и дубов.

Снова радостно полянке
В красках осени цвести,
Паучихе спозаранку
Кружева свои плести.

И воршкам из компашки
Непоседливых сорок
На полях озимой вспашки,
Словно кляксам между строк.

И дроздам, игравшим в прятки
На плантациях рябин...
Всюду радость, день в порядке,
В небе – птичьей стаи клин.

Замечу, русская природа,
Тем паче в кружеве зимы,
Задумчивее год от года,
Взрослея с возрастом, как мы,

Когда в тумане снегопада
Уже не прикоснуться мне
К ветвям заснеженного сада,
Подобным вишне по весне,
Цветущей в свадебном наряде
За перекатами снегов...
А здесь со мной седые пряди
Ракит с молочных берегов.

Ещё не стаяли снега
На вешних водах,
Уже щебечут берега,
Поёт природа,
Неймётся чайкам, спор ведут
За небо в луже,
Где тоже огарям приют,
Двум рыжим, нужен.

Апрельским утречком в лесу
Прохлада солнечна. Приятно
Щекой с ветвей стряхнуть росу,
Когда всё близко и понятно:
...И перекличка певчих стай.
...Румянец бархатных полянок.
...И шевеление куста,
Где промышляет спозаранок
Напомнивший скворца мне дрозд.
...Стволы, влажнеющие соком,
В прозрачных платьицах берёз.
...Всегда зелёная сосна.
Да, всюду вечная весна
С её недолговечным сроком.

Полнолуние в парке. Пруд,
Лето, лебеди и фонтан –
Мой обычный теперь маршрут
К скромным слабостям пуритан.

Здесь искусственный водопад.
И стихи мне напрасно врут,
Что своей я старости рад.
Просто бок луны очень крут.

Рассказы

Ворона

1.

Не понравилась Никитину эта ворона. Сразу не понравилась. Что ей тут, в лесной глуши делать? Лес здесь мелкий, плотный, стволы и кроны переплелись меж собой так, что не то, что летать – пройти трудно. А эта ворона здесь, словно хозяйка.

Взъерошенная, неопрятного чёрно-серого окраса, стояла она посередине лесной дороги и, склонив голову на бок, внимательно поглядывала на Сергея. Приближения его не испугалась, подпустила почти в упор. И только тогда, когда показалось, что её уже можно достать рукой, не спеша, чуть припадая на левую лапу, хрипло покаркивая, поскакала через колею к ближайшим деревьям. Протолкнувшись между тонкими, плотно стоящими стволами ольхи и орешника, спряталась за большим стволом замшелой осины. Лишь крупный широко открытый клюв да чёрная бусинка немигающего глаза, выглядывавшие из-за ствола, выдавали её присутствие...

«Тьфу, нечисть! Только настроение испоганила!»

Чем и как ворона испоганила ему настроение, Никитин, спроси его сейчас, ответить не смог бы. Просто ощущение какой-то смутной тревоги и близкой опасности ворохнулось в душе. Отойдя подальше от неприятного места, на повороте дороги Сергей оглянулся.

Там, где недавно разгуливала ворона, стоял кабан...

Секач. Центнера на три точно. Матёрый. Один его грязно-жёлтый клык обломан наполовину, второй загнут почти в кольцо. Зверь, вздыбив шерсть на холке и прижав к голове острые уши, маленькими мутными глазками буравил Сергея.

«Вот и поохотился...» – Никитин прекрасно понимал, что секач его сейчас порвёт в клочья, и ружьё не спасёт – в нём патроны дробью заряжены.

Андрей Васильевич Растворцев – родился в 1958 г. в Амурской области, учился в Ленинграде. Работает начальником топографо-геодезической партии Средневожского предприятия. Автор ряда поэтических сборников и книг для детей. Часто печатается в общероссийской литературной периодике.

Живёт в Чебоксарах.

Хотя, такую массу спрессованных мышц и жакан не остановит, стрелять в грудь этому кабану бесполезно – там громадной крепости калган наслоён – бронеплита настоящая...

Позади кабана из леса вышла старуха. В неопрятном чёрно-сером одеянии со включенными седыми волосами. Подойдя спокойно к секачу, старуха положила руку ему на спину. Вздыбленная шерсть на загривке кабана тут же опала, уши приподнялись. Захрюкав, как молодой полосатик, кабан вытянутым своим пятакон стал рыхлить усыпанную прелой листвой лесную дорогу.

Старуха легонько стукнула ладонью по крупу кабана – секач мгновенно взъярился, глаза его налились кровью и он, пригнув голову к земле, с места набирая скорость, кинулся на Никитина!

Старуха подняла глаза. Сергея словно кто-то молотом ударил в грудь. Он не удержался, его откачнуло в сторону. Хрустнула под ногой толстая ветка, Никитин поскользнулся. Упасть ему не дал ствол старой осины за спиной...

Кабан, отдавая его запахом болотной тины и брызгами слюны из пасти, проскочил мимо.

Сергей выдохнул и медленно сполз по стволу осины на землю – кабаны, промахнувшись, атаку не повторяют...

Дорога была пуста. Лес стоял тих и опрятен. Шуршала, опадая, листва да невесомый ветерок курчавил в прохладно-синем небе лёгкие белые облачка. Осень – отдохновение души...

2.

День нарождался ясным. Утренняя прохлада сходила на нет и тонким сыроватым туманом расплзалась по низинам. Идти в ту сторону, в которую пробежал кабан, Сергею не хотелось – мало ли, кто знает, что у этой груды мяса в голове? – бережёного Бог бережёт, и он повернул обратно, на кордон. Раз уж охота не задалась, так хоть с Петром Егоровичем за жизнь наговориться, а то и успели-то вечером в гостевом домике только парой-тройкой фраз перекинуться да чайком на травах побаловаться...

Усадьба лесника на поляне у озера, в обрамлении жёлтых клёнов и красных рябин казалась игрушечной. Надворные постройки, гостевые домики и конюшня были покрыты толстым слоем павших листьев, и только двускатная крыша жилого пятистенка с мансардой гордо отливала серебром некрашеного железа.

Высокий жилистый, с жёсткой седой щепоткой усов, лесничий Пётр Егорович Корытов рубил дрова. Колуном с приваренной вместо деревянного топорика металлической трубой с одного удара «распахивал» сучковатые чурки.

Углядев Никитина, Корытов отставил колун в сторону. Улыбнулся.

– Смотрю, быстро ты, Сергей Николаевич, отстрелялся. Что, все тетерева на юг улетели?

– Улетели, Пётр Егорович, улетели... Не принял лес меня. Не простой у вас лес, с чудинкою...

– Это как это с чудинкою? Вроде лес как лес – деревья, трава, живность какая никакая – чего тут чудного? Случилось чего?

– Кабан с вороной да старуха неадекватная чучело из меня хотели сделать и как трофей у себя на болотах вывесить...

– Ворона, говоришь?

– Ворона...

– Серая?

Сергей Николаевич кивнул.

– Ну, что ж, ворону знаю. Есть такая. А вот кабан да бабка – это морок.

– Морок?!

– Ну, мираж. Не было их. Морок это. Катька развлекается. Внучка моя. У бабки своей, ну жены моей, научилась. Всю жизнь округ неё крутится, всё шу-шу-шу да шу-шу-шу, ну как же – любимая внученька! Дошушукались...

– И что, вы так вот спокойно говорите об этом? А если, не дай Бог, кто с большим сердцем под её расклад попадёт или там ещё что?

– Ну, больные с ружьями по нашим лесам не шарахаются. Раз заявились – значит, здоровые. Водку они тут, на охоте, все горазды лопать. Здоровье позволяет. А со зверем матёрым лоб в лоб столкнуться – хворые, значит?

А то, что спокоен, так чего яриться-то? – ну не любит внучка охотников – на дух их не переносит, жалко ей живность лесную, вот и отваживает вашего брата от леса. Как умеет, так и отваживает. А что? – очень думаю полезно некоторым себя в роли дичи почувствовать – мозги на место быстро вправляются. Кое-кто после таких встреч и ружьё больше в руки не берёт. Да и пить бросает...

Хотя, что говорить – не нравятся мне эти внучкины забавы, тут ты прав, а и ругать лишний раз язык не поворачивается. По бабкиной-то родове все особи женского полу такие. Сам поначалу пугался. Пообвыкся с годами и не встречаю...

Да и не всех охотников внучка до мокрых штанов доводит – всё больше навороченных да наглых. Таких я и сам не терплю. Какие с них охотники? – убийцы – подведи такому под пьяные зенки животицу – он и стрельнёт. Вот и вся охота. А гонору-то, гонору! Так, что, думаю, таким стрелкам почувствовать себя мишенью в охоте полезно...

– Про морок я понял, а ворона?

– А что ворона? Ворона подруга Катькина. Они с малых лет вместе. Птенцом к нам попала. Они как нитка с иголкой, куда Катька туда и ворона. А когда Катерина в город уезжает, ворона никого к себе не подпускает, сидит нахохлившись целыми днями, не ест ничего...

– А...

– Ты меня, Сергей Николаевич, не пытай. Сам многого не понимаю. Вон Катерина идёт, ты её и расспроси, может, чего и расскажет...

3.

От дальней опушки к лесничеству шла невысокая девушка. В зелёной когда-то, а теперь выбеленной временем штормовке, в брюках, заправленных в резиновые сапожки, и с взъерошенной серой вороной на плече.

– Пётр Егорович, – Никитин чуть замаялся. – Пётр Николаевич, а родители её, ну Катина мать, отец?

– Мать, говоришь? Мать есть, что ей сделается... Только сложно у нас всё с её матерью... Тут, Сергей Николаевич, такое дело, дети, вырастая, бывает предъявляют родителям счета. И зачастую родителям трудно оправдаться. Вот и дочь моя Светлана, будущая мама Катерины, ещё подростком, выставила мне такой счёт, который я до сих пор оплатить не могу...

– Да, уж, эта детская безапелляционность и бескомпромиссность...

– И это, наверное, тоже, но первопричина всё же во мне – Светлана моя всю жизнь в интернатах росла и это при живых-то родителях? – вот этого она

мне простить и не может. Я думал, это лучше, если она и жить, и учиться в городе будет, что ей тут, в лесу-то? Одна да одна... Я тогда охотоведом работал – из тайги не вылезал – что зимой, что летом. Так, что она иногда только меня, да что говорить, и бабуку, мать свою, видела. Ну, а в интернате там друзья, учителя – всё жизнь. Здесь-то чему она обучилась бы? А она считала, да и до сих считает, что избавились мы от неё, чтобы жить нам не мешала. Так, что с мамкой Катерины отношения у нас не ахти, чего только я не делал... Бывает она здесь изредка, и то из-за Катерины. Так-то вот...

– А Катя?

– Катя? Катя умница. На ветеринара учится. Отличница. На красный диплом идёт. В охотхозяйстве нашем мечтает работать. Мы с матерью только рады. Всех здешних егеров, всех охотоведов, наших лучших охотников в округе знает. Всё свободное время здесь проводит. Вот сейчас Николай Иванович Ершов подъедет, наш старший егерь, охотников подвезёт, поглядишь – Катерина от него ни на шаг не отойдёт. Он для неё – о! – авторитет!

Подошедшая Катя и Пётр Егорович обнялись.

– Здравствуй, солнышко, здравствуй! Что ж ты приехала и не объявилась перед дедом? А вот хорошего человека в лесу испугать успела. Познакомься – это Сергей Николаевич, писатель, охотник, давний мой знакомец. Нашёл-таки время, в гости заехал, а ты его – из леса гнать! Ай, нехорошо...

Катя и Никитин переглянулись и церемонно, с лёгкой улыбкой раскланялись. Подыграли Петру Егоровичу.

– А вот и охотничков Николай везёт, – Пётр Егорович кивнул головой в сторону дороги.

Три автомобиля – зелёный УАЗ с надписью «Сосновоборское охотхозяйство» и два чёрных внедорожника, не доезжая до усадьбы метров двести, остановились на гравийной площадке. По всему видно, самодельной автостоянке. Захлопали дверцы, зазвучали громкий смех, возгласы – охотники с шутками выбирались из душных кабин на свежий воздух.

Ворона, сидевшая на Катином плече, сначала внимательно следила за этой шумной суетой, потом, резко оттолкнувшись лапами от плеча, полетела к машинам.

Подлетев, стала кружить над прибывшими, словно что выглядывая или выискивая. Охотники, занятые разгрузкой амуниции не обращали на неё никакого внимания...

И вдруг раздался выстрел. Прицельный. По кружащей птице. У вороны подломились крылья, и она бесформенным комом рухнула с неба в траву...

– За-а-че-ем?!

Катя вырвалась из дедовых рук и кинулась к ограде. Потом вдруг резко остановилась, на секунду-другую застыла неподвижно, а потом вскинула руки к небу.

– Катенька! Внученька, не надо! – но Пётр Егорович опоздал...

В лесу поднялся невообразимый вороний грай, с каждого дерева поднимались в небо чёрные вороны и серые вороны. Через минуту они уже сбились в огромную клокочущую, галдящую, покрывающую полнеба стаю. Сделав пару кругов над лесом, стая ринулась на охотников...

Охотники кинулись к машинам – кто успел, забился в кабины, остальные пытались спастись под днищами машин. Никто даже и не подумал отстреливаться – против такой стаи это было бесполезно.

Из леса на опушку выскочил секач. За ним второй, третий, четвёртый...
– Катя, остановись! Не надо! Им и так уже хватит... – Пётр Егорович обнял внучку и прижал её к себе. – Не нужно этого, остановись, убери их, не приведи Господь, покалечится кто... Остановись, солнышко...

Лопнуло лобовое стекло в одной машине, в другой и... шум и грай стал стихать. Сначала исчезли в лесу птицы, затем развернулись и ушли в чащу кабаны...

Никитин отёр холодный пот со лба. Такого страха он ещё в жизни не испытывал. И ведь понимал, даже наверняка знал, что это мираж, морок, но разум всё равно принимал происходящее за чистую монету, а сердце разрывалось от непереносимого ужаса.

Охотники по одному, осторожно, оглядываясь и пригибаясь, выбирались из своих убежищ, слышались невнятные возгласы, нервический смех...

Только сейчас, слегка отойдя от пережитого страха, глядя на ошарашенных произошедшим и растерянных до невозможности людей, Сергей вспомнил – не все охотники поддались панике. Как минимум один, коренастый, без головного убора седой мужик у первой машины, никуда не бегал и ни от кого не прятался. Во время нападения птиц он спокойно стоял у капота зелёного УАЗа.

Теперь же этот седой подошёл к высокому молодому парню только что вылезшему из-под днища внедорожника и, коротким резким ударом, сбил того с ног. Потом, что-то зло и раздражённо сказав, плюнул лежащему под ноги.

Сергей узнал высокого – это он стрелял по вороне...

Седой поднял с земли расстрелянную птицу и напрямки, через поляну с пожухшей травой, пошёл к ограде лесничества.

– Здоров, Пётр Егорович!

– Здравствуй, Коля...

– Вишь, как оно всё... Думал людей к тебе везу, а... – седой не договорив, махнул рукой и, обернувшись к Кате, протянул ей тельце вороны.

– Прости, Катерина... Не углядел. И подумать не мог...

Катя, прижав любимицу к груди, молча пошла куда-то за гостевые домики. Никто её не удерживал...

– Ты, Николай, увози отсюда гостей-то от греха – не будет сегодня охоты, и завтра не будет, да и вообще этим стрелкам здесь охоты никогда не будет. Ты уж не обижайся...

– Да какие уж обиды, Егорыч... – Ершов, не попрощавшись, пошёл к машинам.

Охотники встретили его шумом и галдежом, видимо, не все желали прекращения так и не начавшейся охоты, но вскоре угомонились, и машины, по сигналу напоследок, скрылись за ближним поворотом...

Пётр Егорович обернулся к Никитину:

– Вот и всё, Сергей Николаевич... закончилось Катерино детство...

– Из-за вороны?!

– Когда теряют друзей – взрослеют быстро... И нет разницы, кто этот друг: птица, собака, человек ли... Пойдём, по рюмашке примем, сегодня нужно...

Какое-то необъяснимое тревожное чувство заставило Сергея оборотиться к лесу – на опушке, рядом с местом, где расстреляли ворону, стояли двое: седая, в неопрятном серо-чёрном одеянии, старуха и кабан-секач...

Они ждали...

Бродяга к Байкалу подходит...

...Я не знаю, что такое русский народ, русский характер и где кончаются его плюсы и начинаются его минусы. Всегда я чувствую только одно: сила моего народа, моей истории огромна; её роль в истории мира огромна. И если есть на земле Христос, то это и есть Россия...

Виктор Викторович Конечкий
(повесть «Кто смотрит в облака»)

1.

С детства Ильюха, Илья Сергеевич Семёнов, косолапил, да так, что каблуки любой обуви с внешней стороны снашивались быстрее всего. Вот и приходилось на каблуки клеить резиновые набойки и крепить небольшие металлические подковки, чтобы хоть как-то скрыть сей дефект. Лучше всего удавалось ему обманывать природу в сапогах.

Так и сегодня ноги его, обёрнутые фланелевыми портянками, были плотно вбиты в разношенные кирзачи. Голенища их, сверху сантиметра на полтора подогнутые наружу, собраны в лёгкую «гармошечку».

Для ног ведь что главное? – чтобы сапоги не пропускали воду. Так, что чем гуще гуталина или ваксы набьётся в швы и мелкие потёртости сапог, тем лучше.

Вот Семёнов и старался – из широкой трёхлитровой жестяной банки, что из-под томатной пасты, сапожной щёткой черпал гуталин не жалея.

Чистил сапоги неторопливо, основательно. Затем мягкой «бархоткой» довёл их до блеска.

– Готов?

Александр Алексеевич Неверов, друг семёновский, сидел посередине веранды на крашеном табурете, курил, стряхивая пепел в жёсткую сложенную горстью ладонь, и с лёгкой усмешкой поглядывал на манипуляции друга.

– А то...

– Может, резиновые обул бы – возни меньше, да для моря и разумнее...

– Резиновые? Терпеть ненавижу. Ноги в них горят и тухнут. А мне мои ноги жалко. Родные всё-таки. Это молодые пусть модничают: хоть в резиновых, хоть в парусиновых, а я уж так – по рабоче-крестьянски. Как отец приучил. Ну, а насчёт моря – для моря нас Иван Афанасьевич обувкой снабдит. У него много чего на всякий случай припасено...

– Ну-ну... – Неверов покрутил головой – куда выкинуть окурок? – и, не найдя ни пепельницы, ни, на худой конец, консервной банки, воткнул его в горшок с цветущей геранью. Благо из этого горшка уже торчали загашенные папиросы. Туда же и пепел из ладони вытряхнул.

– Поехали...

2.

Скрипя и сотрясаясь всеми своими металлическими сочленениями «матаня» – электричка «Улан-Удэ – Мысовая» затормозила у платформы «Култушная». Распаренный от августовской духоты разновозрастный люд рванул в сторону Байкала. Ходьбы до него было минут тридцать – тридцать пять

через чахлый, забитый комарами и слепнями заболоченный лес – калтус, как называют его местные.

Вновь прибывшие спешили оформить путёвки на свои базы отдыха – и в воду! В воду с разбега, с разгона, чтобы охолонуться и снять, сбить поскорее с себя липкий солёный пот. Прибайкальские базы отдыха однотипны: старые, крашенные синим длинные бараки со скрипящими полами, перекошенными дверьми и разошедшимися, до полной невозможности открытия, оконными рамами. Из развлечений – разбитый донельзя бильярд и пара таких же теннисных столов. И только на некоторых базах в комнатах отдыха на колченогих тумбах больше шипящие, чем что-то показывающие телевизоры.

Кухни на таких базах открытые, под навесами среди берёз.

Есть базы и чуть цивилизнее – со своей столовой. Кормят, правда, и там абы как – в каждом блюде вечный неистребимый байкальский песок. Поэтому многие «организованные» отдыхающие, а уж тем более отдыхающие неорганизовано – «дикарями», предпочитают готовить сами, на печи под навесом.

Один-единственный магазинчик – в трёх километрах. Не очень-то набегаться. Поэтому на отдых тащат на своём горбу всё, что нужно и даже что не нужно совсем. Лодки и катамараны (дышащие на ладан) «забывают» с вечера, оставив в залог вместе с деньгами свой паспорт. Так как рано утром «дядю Ваню», заведующего потрёпанной флотилией, можно не найти или все плавсредства уже будут разобраны более расторопными конкурентами. И тогда весь день, сидя на длинном, далеко уходящем в мелководье залива Посольский Сор пирсе, придётся уныло ловить окушков величиной с мизинец и с завистью поглядывать, как лодки счастливчиков пересекают гладь Байкала. Хотя гладь на Байкале – вещь редкая. Чаще – хорошая волна...

Семёнов и Неверов, войдя на территорию турбазы «Байкал», пошли не к спальным корпусам, как основная масса прибывших, а к пытавшемуся прятаться между корявых берёз жилью сторожа.

Вот только рубленый пятистенок с остеклённой верандой, мансардой и кокетливым навесным балкончиком на сторожку походил мало. Дом смотрелся внушительно – куда там хилым баракам для туристов.

На скамье перед крыльцом у клумбы с цветущими георгинами и космеями восседал хозяин пятистенка Иван Афанасьевич Логинов. Кряжистый, с коротким ёжиком седых волос, с лёгкой серебристой небритостью на лице – чистокровный сибирский гуран. То, что именно гуран, без труда угадывалось по чертам лица – одновременно и славянским, и восточным...

Поглаживая между ушей голову млеющей от хозяйской ласки мохнатой овчарки, он с лёгким прищуром вглядывался в приближающихся гостей.

Признав друзей, улыбнулся, а насторожившемуся было псу бросил:

– Свои, Туман, свои. Пшёл на место!

Пёс нехотя, с оглядкой, побрёл к конуре. Крутнувшись, улёгся, и, положив морду на передние лапы, из-под полуприкрытых век стал внимательно разглядывать прибывших.

Мужики поздоровались, а затем, похлопывая друг друга по плечам, посмеиваясь, да подтрунивая над собой, обнялись. Не виделись давненько. С прошлого лета считай.

– Надолго или так, только отметить?

– Пару дней, с ночевой. Если приютить. Рыбкой поживимся, да на тебя, робинзона нашего, поглядим...

– Ково ли меня разглядывать-то? Не баба... А насчёт приюта – да хоть весь дом занимайте, не жалко – места хватит.

Логинову был приятен неожиданный приезд друзей. Его прокопчённое под байкальскими ветрами и солнцем лицо светилось от радости. Наскучили ему за лето неугомонные, шумные и, по большому счёту, бестолковые туристы. А друзья, да такие редкие – это счастье!

На шум и мужицкий хохот из дверей веранды выглянула жена Ивана, Вера Николаевна. Небольшого росточка, круглолицая моложавая женщина. В отличие от мужа гурана, Вера Николаевна была кержацких кровей. Из семейских. Радостно охнув, всплеснула руками и, расцеловавшись с гостями, приняла у них сумки с провизией.

– Стол-то сейчас накрывать?

– Не суетись, Вера, не суетись. Не проголодались ещё. На море, к косе, сходим часа на два-три, окушков-сорогу порыбаем. А уж потом можно и за стол. Так что ль, Ильюха? Лодка-то, Иван, свободная найдётся?

– С мотором или на вёслах пойдёте?

– Чего зазря бензин жечь – на вёслах.

Иван Афанасьевич посмотрел на небо:

– Далеко, мужики, не заплывайте, облачка вон нехорошие, часа через два-три погода поменяется. Сами знаете, у нас благодать-то ненадолго. Ветер волну погонит. Так что, малость душу отведёте и обратно. А я как раз баньку протоплю...

3.

Вдоволь намахавшись вёслами, закорились мужики напротив одного из проранов песчаной косы, отделяющей коренной Байкал от Сора. Место проверенное, рыбное. Так что клевать начало сразу, с первых же забросов. Клевала не крупная сорога да окунь. Рыба вездесущая и жадная.

Неверов, обустроившись на корме большой килевой деревянной лодки, рыбачил на зимнюю удочку – крупной рыбы не предвиделось, а мелочёвку и на такую снасть ловить можно. Семёнов же, хотя Иван Афанасьевич в лодку закинул им целую вязанку удочек, вообще снастями заморачиваться не стал – леску с крючком и грузилом, без поплавка, намотав на палец, опускал за борт в ожидании поклёвки. Поклёвка, даже очень слабая, хорошо ощущалась на пальце. Успевай только подсекать. Присаливали рыбу тут же, в лодке, в большом эмалированном ведре. Лето ведь. Жара. Не присолишь – рыба стухнет в минуту.

– Слышь, Алексеич, может, мы зря от перекуса-то отказались?

– Оголодал что ли, проглот? – хохотнул Неверов.

– Ну, не так чтобы, но червячка заморил бы...

– Перекури, жор и пройдёт...

Семёнов, достав из мятой пачки сигарету, закурил. Дымок дешёвой «Примы» поплыл над заливом.

– Я что спросить-то хотел, Алексеич, батя твой, к тебе, гляжу, перебрался?

– Перебрался...

– Чего так?

– А-а, с семьёй младшего не ужился. Сноха, та ещё пила, да и у отца, сам знаешь, характер не ангельский...

– А у вас как, пообвыкся?

– Пообвыкся. Копошится по мелочи на огороде, да чинит рухлядь разную. Читает ещё. Много читает. Всё, что под руку попадётся. Газет разных навывисывал аж на полпенсии! После каждой читки вывод делает. Один. Неизменный: «Такую страну просрали!»...

– Согласен я с отцом твоим. Полностью. Просрали...

– А я что, спорю?

Александр Алексеевич отложил удочку. Прикурил. В отличие от Семёнова курил он не сигареты, а папиросы. И только «Беломорканал».

Теперь уже два дымка, сигаретный и папиросный причудливой спиралью плыли над водой...

Судьба отца Неверова, о котором спросил Илья Сергеевич, кручёной была до невозможности. Даже в книжках о таком не прочтёшь, а тут жизнь...

Поначалу обычная: родился в Орловской губернии, учился, женился. Сына народил. Сашкой назвал – вот он сейчас перед Семёновым сидит. А потом, потом Алексей Неверов за два дня до начала войны, той самой – Отечественной, ногу сломал. В двух местах. С лошади, в грозу, упал на сенокосе. И пока нога срасталась да подживала – тут уж и немцы объявились. Мужики, какие в селе жили, кто на фронт ушёл, кто эвакуировался, так что к приходу немцев в селе оставались только бабы с детишками, старики, да скачущий на костылях Неверов.

Объявили пришлые селянам новую власть и велели старосту выбирать, а не то чужого пришлют. Ну, а кому чужая метла по душе?! Вот бабы всем гуртом в ноги Алексею и кинулись. Отбивался мужик, как мог, да разве от баб отобьёшься?! Уговорили. Выдали ему в райцентре печать, наган да двух, с винтовками, полицейских, из пленных красноармейцев.

И два года, до прихода наших, тянул Неверов лямку старосты. Немцы тоже ведь не дураки, ломать колхозный строй не стали – лишь бы положенное по списку в закрома рейха поступало, а уж как там люди крутятся – пусть их. Вот и пахало село и сеяло, даже кое-какую скотину содержало. С немцами не задирались, что положено исполняли, ну и те село не трогали – спокойно и ладно. Доставали партизаны. Если с советскими партизанами, партией руководимыми, ещё как-то договаривались, чтобы под корень людей не грабили, то с дикими партизанами сладу не было. Этим плевать было и на людей, и на немцев, и на партизан советских. Эти со всеми воевали, всех грабили. Жрать-то им что-то в лесу надо. С дикими и Неверов диким был. Спуску им не давал. Гонял их от села, а доставали, и по лесу гонял. Благо, приданные ему полицейские нормальными мужиками оказались – в плен-то ранеными попали и в полицию служить пошли, чтобы из лагеря выбраться.

Взрывали дом Алексея пару раз, как у нас без этого, поджигали, а уж сколько засад устраивали и не сосчитать. Другого бы давно похоронили, а Неверова пуля не брала. Как заговорённый...

А через два года и советская власть вернулась. Отчитался Алексей перед пришедшими властями за сохранность колхозного имущества, за людскую убыль-прибыль. Грехов больших за ним не нашли, сдал он дела вернувшемуся из эвакуации председателю колхоза и подался на фронт.

Воевал остервенело. Натерпелся за два года в старостах, нагляделся на новые порядки. Вот на фронте счёта и предъясвлял. За полгода две «Отваги» получил и «Славу» третьей степени. До старшины дослужился...

Домой вернулся в конце сорок пятого, аккурат к Новому году. А весной за ним пришли. Дали десять лет за измену Родине.

Дикие партизаны ему всё припомнили – они теперь в героях войны ходили, медалькой «Партизанской» второй степени позвякивали и посты в районе не последние занимали. Объявили, что к немцам на службу Неверов добровольно пошёл, партия, как других некоторых, его в старосты не направляла, в партизанском движении не участвовал, более того, партизан-то как раз почём зря и гнобил.

Так что суд был быстрым. Всё ведь ясно. Да и сам Алексей от того, что предъясвлялось, не сильно отказывался. В старосты – да, добровольно, силой никто не неволил, партизан – да, гонял, что уж тут... Попутно и жене дали пять лет, как члену семьи изменника родины. Его на север, её в Казахстан. Сашка, сын у бабки на руках остался...

Жена Неверова отсидела, пришла домой первой и хватанула лиха от односельчан, да и сыну её, Сашке, от пацанвы крепко доставалось. Ну как же – прихвостни фашистские! Каждый считал долгом своим в глаза им этим ткнуть. И не в счёт то, что только благодаря Неверову из села за войну ни одного человека в неметчину угнано не было, ни один ребялёнок с голодухи не помер... Сашка за батю и мать дрался почти каждый день.

Так что, когда Неверов после лагерей вернулся, он уже назавтра знал, что в родных местах не задержится. Никому ничего не докажешь, а прощать наветы и неблагодарность тоже не дело.

Завербовался Алексей на ударную стройку, продал дом, собрал семью и уехал в Сибирь. За Байкал, комбинат целлюлозный строить. Через месяц он уже из рабочих в бригадиры выбился, а затем и начальником участка стал. Сына второго родил...

А в шестьдесят пятом Неверова реабилитировали, награды вернули да ещё с довеском, медаль «Двадцать лет Победы» вручили. Фото его с Доски Почёта не сходило...

И вот что удивительно, многие в посёлке, а уж тем более на комбинате знали, что Неверов в старостах в войну побывал, но никто ни разу его и словом за это не укорил. Да и с расспросами в душу не лезли...

Хотя, что говорить – в шестидесятых годах кто только на сибирских стройках не работал: и отсидевшие своё бывшие полицейские, и власовцы, и бывшие бандеровцы, и прибалтийские националисты, и даже, непонятно каким ветром занесённые в Сибирь, китайцы...

Так что судеб кручёных тогда в стране было выше всякой крыши, и если каждому за его прошлое в глаза тыкать – полстраны, как минимум, без глаз жило бы...

Потом пенсия. Хорошая пенсия у Неверова была, от детей не зависел. Даже сам им финансово помогал. Младшему всё больше, старший-то со своей жизнью сам управлялся, без помощников.

Пока жена жива была, в своём доме жили. Хозяйство какое-никакое держали. А померла жена, Неверов дом продал да к младшему сыну на постой и подался. Да вот, видишь – не сжились с сыном-то. Старший поглядел-поглядел на это дело, не выдержал – приехал как-то в обед к брату да и забрал старого к себе...

Семёнов вздохнул и ловко двумя пальцами выщелкнул окурочек сигареты в воду – не любит друг его на тему бати говорить. Так, иногда если, по пьяному делу...

4.

Часа через полтора со стороны прорана накатил туман. Вязкий и непроглядный. Такой, что Семёнов, сидящий на носу лодки, с трудом различал Неверова на корме...

– Как думаешь, Ильюха, надолго бодряга?

– Да кто же его знает... Поглядим...

Туман на Байкале вещь непредсказуемая и оттого очень опасная – при чистом небе, в безветрие, вдруг накрывает всё вокруг белым пологом. Беспросветным. Откуда?! Поди, разберись. Ну, а уж попал в туман – якорись и никуда не дёргайся. Туман этот может и через десять минут рассосаться, а может и через два-три часа. А ветра не будет – и сутки простоит. Бывали случаи, рыбаки или там отдыхающие нетерпеливые начинали грести, как им казалось к берегу, а находили их потом далеко на коренном море. Если находили...

Минут через двадцать потянул ветер. Култук. Лодку сперва медленно, а затем всё сильнее стало раскачивать и переключивать с борта на борт. Туман начал редеть и скатываться к берегу. Клёв затих...

– Давай, Сашко, сниматься будем, прав Иван Афанасьевич, благодать здесь ненадолго...

Гребли молча. Лодка хоть и рыскала на крутой волне, но шла ходко. С каждым гребком берег становился ближе.

Оглянувшись в очередной раз в сторону пирса, Семёнов удивлённо ругнулся:

– Мать твою, ты погляди, что шалопут делает!

Неверов, оборачиваясь, придержал весло.

Везя мотором, от ближнего пирса в их сторону летела лодка «Казанка». Летела буквально. Задрал нос, на скорости, она чиркала днищем по гребням волн, сшибая с них барашки пены. Иногда она вставала почти вертикально и, казалось, что вот-вот перевернётся! Но, нет – сидящий в лодке чуть сбрасывал газ, и лодка смачно ложилась всем корпусом на волну. Брызги во все стороны! Стоящие на пирсе люди каждый подскок лодки встречали восторженными криками, подпрыгиваниями и взмахами рук...

Неожиданно грохот мотора пропал. Лодка, резко потеряв скорость, беспомощно закачалась на воде. Было видно, что человек в лодке, метнувшись от кормы к носу, что-то кинул за борт. Затем сел за вёсла и стал грести к берегу. Стало понятно – лодка осталась без мотора – его срезало с креплений крепкой волной.

Плоскодонная «Казанка» на вёслах плохо управляется даже на средней волне, а что уж говорить о крупной! Вот и сейчас, при каждом гребке вёслами, лодка больше виляла из стороны в сторону, чем двигалась к берегу.

– Мужики! – уставший хозяин «Казанки», бросив вёсла, призывно махал руками Семёнову с Неверовым.

– Мужики, до берега! Литр ставлю!

Не обманул. Как только ткнулись стянутые якорной цепью в одно целое лодки в песок у пирса, сбегал бедолага в спальный корпус и принёс две поллитры...

5.

Иван Афанасьевич заглянул в ведро с рыбой:

– Н-да, паря, нарыбалили... Ладно, курям на корм сойдёт. Утром на моторе сходим к рыбсовхозовским рыбакам, поможем им сети поднять, лишние руки при таком деле никогда не помешают. Договор у меня с ними – я им помогаю, они мне рыбу для турбазовской столовой по дешёвке продают, ну и так, для семьи...

Так что домой с хорошей рыбой придёте, а не с этой – Логинов пренебрежительно махнул в сторону ведра рукой – килькой.

А вот то, что литр скальмили – уважаю. Это ж надо, на пустой воде и литр добыть?! Хотя, с этих спортсменов-алкашей я бы и больше срубил. Всё лето тут выкобениваются, одни проблемы с ними – то пьянки, то драки, то с рыбоохраной разборки, а ведь в посёлке уважаемыми людьми числятся. Тьфу, поганцы! – глаза бы их мои не видели. Хоть место-то, где мотор сшибло, охламон этот пометил? Буёк скинул? Тогда найдут – там мелко, по подбородок только и будет. Нашарят. Не ногами, так сетью. Ладно, мужики, давайте в баньку по быстрому, да к столу. Закусь стынет...

Через час распаренные и расслабленные собрались за круглым столом на веранде.

Вера Николаевна расстаралась – омулёк солёный и свежий, на рожнах запечённый, сало с прослойками, картошечка рассыпчатая, лучок, редиска да позы бурятские – царский стол! И венчала всё это великолепие литровая бутылка водки, настоящая на кедровой скорлупе.

Семёнов расплылся в довольной улыбке:

– Эх, и знатная у тебя, Иван Афанасьевич, хозяйка! Золотые руки, я уж не говорю о душе! Настоящий самородок! Долго он тебя, Вера Николаевна, выбирал?

Логинов не дал жене ответить:

– Какой с меня выборщик? Я ждал. Тридцать три года именно её и ждал. Дождался...

Вера Николаевна засмеялась:

– Тридцать три года он меня ждал! Не тридцать три, а тридцать два с небольшим, ну если брать от момент зачатия – тридцать три, может, и наберётся. Да и если бы не я сама – ещё бы тридцать три года прождал! Я вот ни минуты лишней не ждала. Как увидела, так сразу к нему и подошла. Сама. Извини, говорю, задержалась немного – пойдём, Вань, наш дом строить... Он разулыбался, как дитё малое и... без всяких разговоров пошёл за мной. Вот уж тридцать пять лет свой дом и строим. И детей и внуков в нём вынянчили. Так что, запомните, мужики, – Вера Николаевна изобразила нарочито-серьёзное лицо и назидательно подняла палец – и детям-внукам накажите – в любви всё решает женщина. И с кем гнездо вить, и с кем детей растить. Какие бы вы красивые, умелые и все из себя такие геройские не были – женщина вас выбирает, а не вы женщину...

Семёнов произвольно хохотнул:

– Сурово ты с нами, Вера Николаевна!

– А как с вами ещё? – вы ж, мужики, в любовях-то телки телками. Вот и приходится всё бабам за вас решать – жизнь-то одна...

– А как же, что ты из семейских, а Иван коренной, местный? В нём кровей-то, ой-ёй-ёй, каких только не намешано! У ваших кержаков-то вроде строго насчёт замужества – за чужого – ни-ни?

– А-а, когда это было – сто лет в обед! Братья мои, да – поерепенелись, меня из дому не выпускали, по очереди караулили, даже Ивана бить ходили – ага, как же, побьёшь его – обоим накостылял – будьте здоровы. А родители, что родители, я им сразу объявила – без Ивана мне и жизнь не нужна, ну они поохали, поплакали да и благословили. Иван с отцом сразу сдружились, а потом, как дети-то народились, и мать смирилась. Ну, а братья и по сию пору хари воротят, да ну их – Бог им судья.

Иван Афанасьевич поднял наполненную рюмку:

– Ну, чего попусту разговоры разговаривать, весь вечер впереди, давайте, со встречей, мужики!

Вера Николаевна от водки воздержалась, чокалась большим бокалом с забеленным молоком чаем. И приговаривала:

– Не волнуйтесь, мужики, у меня тоже беленькая налита...

Так под смех и разговоры, прерываемые только принятием очередной рюмки, светлый день-то и пролетел.

Вера Николаевна задёрнула марлевые занавески на окнах веранды и щёлкнула выключателем. Свет единственной несильной лампочки под оранжевым абажуром словно накрыл собою хлебосольный стол. На свет, тут же, словно только и ждали, слетелись от окон и тёмных углов ночные мотыльки, какие-то мошки, бабочки и закружились бесконечным хороводом у абажура.

Застолье стало плавно перетекать в шумную беседу о жизни, где каждый пытался переговорить, а то и перекричать собеседника. От разговоров о семьях, детях и внуках, перешли, как это обычно бывает у русских мужиков, к проблемам мироустройства и миропорядка. А уж тут авторитетов не было – в этих спорах каждый сам себе авторитет.

Захмелевшие, взбудораженные разговорами и спорами Семёнов с Неверовым, испросив у хозяйки разрешения, закурили.

Вера Николаевна вынесла для курак большую бронзовую пепельницу в форме совы.

Семёнов невольно выдохнул:

– Ух, ты! Откуда такое богатство, Вера Николаевна?!

– От кума по наследству досталась, его дед где-то в Гражданскую добыл, а мы ж некурящие, вот и колем ею орехи. А сегодня пусть уж по назначению послужит...

Упомянутая Верой Николаевной Гражданская война подсыпала словесного пороха в затихающий было разговор.

Для Семёнова это вообще была большая тема. Ведущий свой род от первых бекетовских казаков, тех, что основали Нерчинский завод, он всей душой болел за утраченный уклад казацкой жизни. Винил и красных, и белых...

Да и у Логинова было что сказать – наболело:

– Белые, красные – да разноцветнее наших краёв в Гражданскую и не было: вдобавок к своим разномастным серо-буро-малиновым, тут и чехи погуляли, и японцы. И все только и делали, что стреляли. Вот как вы, мужики, думаете, приговорённого интересует, кто его приговорил и расстреляет:

красный, белый, зелёный? Куда народу было деваться? Народ тоже за винтовки хватался. Хоть какой-то шанс выжить.

Искать правых в гражданской войне – дело безнадежное. На такой войне сколько людей, столько и правд. На любой вкус. На ней, на этой проклятой войне и герои, и палачи, зачастую, в одном лице. Это как в старом анекдоте: для одних – подлый шпион, для других – доблестный разведчик.

Пример вот, рядом, за Хамар-Дабаном – тогда нынешняя-то Монголия Внешней Монголией прозывалась и под Китаем была. И если бы не белый барон фон Унгерн, Роман Фёдорович, вряд ли бы эта Внешняя Монголия стала независимым государством.

В Гражданскую Советской власти тогда ни до каких Монголий дела не было. Ни до Внешних, ни до Внутренних. Самой бы выжить. А Унгерн, теснимый красными ушёл с советской территории в Монголию, и там, разбив китайские гарнизоны, стал фактическим её правителем. Номинально-то Монголией тогда какой-то царёк Богдо-гэгэн с номером восемь, кстати, освобождённый Унгерном из китайского плена, правил – но это сказки для бедных. Барон был для монголов богом войны. Богом, которого ни одна пуля не берёт. Ещё и титул хана от них имел. Вот он и правил.

К чему я это? – а к тому, что Унгерн для советской власти враг, а для монголов – герой, и они ему памятники ставят.

И, – Иван Афанасьевич назидательно, из стороны в сторону, покачал пальцем перед лицами слега ошарашенных его напором друзей – и если бы Унгерн не пошёл снова на Советы – до сих пор бы Монголией этой правил. А так, пришли на его плечах (и не ушли потом) в Ургу красные, барона пленили, судили, расстреляли, а Монголия неожиданно для самой себя стала независимым государством.

– Ну-у ты силён, Иван, в истории. Откуда только ты всё это знаешь? Книжки читаешь?

– Ночи у меня теперь длинные, чем заняться? – читаю. Сейчас много чего пишут, всё можно стало. Да и сам я уж здешняя история – по рождению своему. Потому как тутошний я, бурят-монгольский. Так что, много чего из первых уст знаю – дед мой в урядниках у того самого Унгерна почти два года служил. Всё правду искал. Сначала с Унгерном красных гонял, потом с красными за Унгерном гонялся...

Отсыл к стародавней истории слегка остудил мужички спор.

А выговорившийся, выплеснувший, видимо, сто раз думанное и передуманное Логинов откинулся на спинку стула и задумчиво стал крутить пустую рюмку в руке. Неверов с Семёновым курили и переваривали услышанное...

В неожиданно наступившей тишине Вера Николаевна чистым сильным голосом повела:

*По диким степям Забайкалья,
Где золото роют в горах,
Бродяга, судьбу проклиная,
Тащился с сумой на плечах...*

Мужики дали ей допеть первый куплет одной, а затем мощно, с раскладкой на голоса, не сговариваясь, подхватили песню:

*Бродяга к Байкалу подходит,
Рыбацкую лодку берёт,*

*Уньмую песню заводит –
Про родину что-то поёт...*

За окнами веранды догорал вечер. В просветах между стволов прибрежных берёз над косою песчаных островов угасала полоска зари. Ночь вступала в свои права. Каменья звёзд всё ярче разгорались на чёрном бархате безоблачного неба. В ночной тишине печально и торжественно плыла над байкальскими просторами песня:

*Бродяга Байкал переехал,
Навстречу родимая мать:
«О, здравствуй, о, здравствуй маманя,
Живой ли отец мой и брат?...»*

*«Отец твой давно уж в могиле,
Сырою землёю зарыт,
А брат твой давно уж в Сибири,
Давно кандалами гремит...»*

5.

Прошло много лет с того летнего вечера, а мне всё видится тёплый свет на веранде дома, что схоронился среди байкальских берёз, и слышится песня, песня в которой каждое слово – правда. Песня о прекрасных людях: о Неверове, сыне орловского крестьянина, с переломанной и перекрученной судьбой; о Семёнове, потомке первых сибирских казаков; о Логинове, внуке урядника дикой дивизии барона Унгерна; о Вере Николаевне, прапраправнучке не принявших новую веру и ушедших из-под Керженца в сибирскую тайгу старообрядцев и получивших в ней новое имя – кержаки. И о многих, многих других, кто своей ли волей, чужой ли обживал и обживает земли за Байкалом. Теперь все они, да и их дети, и внуки, правнуки – все они сибиряки.

Дорогие сердцу моему земляки...

Светлана Борисовна Горошилова – родилась в Заполярье на Полярной станции. По образованию – технарь, по складу души – поэт. Автор двух поэтических книг «Верю» и «Полёта память». Победитель конкурсов «О чести, доблести и славе» (2002) и «Русь Православная» (2013). Член Союза писателей России. Художник. Член Международного Художественного Фонда и Международной Федерации Акварелистов.

Живёт в Москве.

«Что-то там за туманом...»

*...Укрывалось сердце от печали,
в даль слепую вглядывалась нежность.
Равнодушно небеса молчали,
зная всех печалей неизбежность.*

Тишина

Снегири и розовый закат,
горизонт, украшенный венцом,
и морозный иней в сто карат,
и земля с задумчивым лицом.

Чистый блеск холодного огня
красоты исполнен неземной.
Свет небесный, тишиной звеня,
добавляет краски в зимний зной.

День уходит в стылую зарю,
жизнь его, как наша, коротка.
Поклонюсь и поблагодарю,
что душа спокойна и легка.

И за то, что дома ждёт уют,
и за то, что добрым был ко мне.
Снегири рябинушку клюют,
нарисованные на окне.

Зимы вечерней тишина,
морозной сини лёгкий дым.
Подвижность дня обращена
в покой, что сладок и любим.

На завтра скроен черновик,
и в мыслях план совсем не строг,
намечен только малый сдвиг
забот и дел на пять-шесть строк.

Но, вписываясь в тишину
отчётом прожитого дня,
с улыбкой в новый день взгляну,
пусть он порадует меня.

Позёмка

За окном волною снега
на стекло сугроб прилёг,
и совсем бесцветно небо,
как в квартире потолок.

Стихла белая позёмка,
ветки будто бы в пуху.
На балконе птицы звонко
вновь щебечут чепуху.

Там висит кусочек сала,
и в кормушке есть еда.
И не так уж это мало,
чтобы выжить в холода.

Белощёкие синицы,
серогрудый воробей
прилетели подкрепиться,
мне же с ними веселей.

Улеглась в сугроб позёмка,
я в делах, а на слуху
всё щебечут птицы звонко
и совсем не чепуху.

Ледяные стрелы

Рассвета зимнего молчанье
морозным безразличьем стыло
и, растворяя, уносило
любое тёплое дыханье.

И сны берёз, и сосен думы,
одетые в колючий иней,
своё плененье тенью синей
чертили на снегу угрюмо.

А все кусты, пеньки, коряги
в снегу увязли, как старухи,
что немощны и тугоухи
и чьи зрачки белей бумаги.

Незримо запахи разлуки
заполняли все пределы.
В моё сознание и в руки
вонзились ледяные стрелы.

Не знает ледяной алмаз
ласкающую нежность лета,
холодное мерцанье глаз
морозной вечностью одето.

В плену безжизненной тиши
связало мысли тяжкой мукой –
где лёд, не жди живой души,
и боль свою сама баюкай.

Вот глыбы, будто человеки,
одеты в ледяной покров.
Создатель не открыл им веки
и не вложил ни дум, ни слов.
И солнца луч в морозе стынет,
и я от холода дрожу,
повязку из небесной сини
к больному сердцу приложу.

Что мне делать с моей печалью?
Тихой мукой связаны руки.
Заманила широкой далью,
обескрылила боль разлуки.

Небо, свёрнутое в окошко...
 Что вещают вороньи крики?
 Никого. Рядом с кашей плошка,
 да на стенке святые лики.

Час за часом летят, как стрелы.
 В сердце бьются надежда с болью.
 Снам пустым до меня нет дела,
 мыслям горестным слишком вольно.

Помоги же, Господь, недолго
 быть в тоске, что сковала руки,
 огради от лживого толка,
 разъясни мне земные муки.

Отсвет неба неожиданно-странно
 обесцветил беду на блюде.
 Видно, даль не совсем туманна,
 что-то там за туманом будет?

А до цветенья далеко

Сегодня марта первая неделя,
 и до цветенья чуда далеко.
 Быть может, только под конец апреля
 зелёный ключик тайну отомкнёт.

В тот день войду, волненья не скрывая,
 подслушать звук и угадать мотив.
 Как сладко эта песня вызревает,
 цветений очерёдность воплотив.

Пред-ожиданье. Рядом снег и вьюга,
 понурость и унынье белой мглы.
 Укрылась в тень тетрадь – моя подруга.
 Прозрачность стёкол стянута в узлы.

Фиалка мнёт цветок в недоуменьи –
 раскрыть иль подождать, и почему?
 Благословлю её первоцветенье
 и, как подарок, с радостью приму.

Сегодня марта первая неделя,
 и до цветенья мая далеко.
 Но как же птицы той весной пели,
 и как цветы счастливили легко!

Рассказы

Бабушка – последние годы

Бабушка борщ и с удовольствием принесла своей маленькой дочери на тарелочке самые вкусные, сочные листочки. Вспомнила, как бабушка угощала капустой меня маленькую, когда готовила. Она всегда давала мне кочерыжку. В те времена мы ещё не слышали ни о каких нитратах, и кочерыжка была традиционным детским лакомством. А в последний год жизни бабушка уже любила сидеть на кухне и наблюдать, как я готовлю. Однажды я натёрла ей на тёрке морковку. Кочерыжка, понятно, была ей уже не по зубам. Бабушка с таким удовольствием ела эту морковку! А меня в тот момент пронзила мысль: вот, она дождалась такого же угощения от внучки, какое когда-то делала сама. Как будто жизнь закольцевалась! Как будто завершился какой-то очень важный этап, после которого и умирать не страшно. Нет, страшно, конечно, страшно, но чувство, что ты не зря прожил жизнь, наверное, облегчает переход в другую реальность, называемую смертью.

Вообще, последние наши годы с бабушкой были очень интересными и важными. Моя мама вместе с мужем приобрели квартиру на улице Королёва и в феврале 1992 года переехали с Сокола туда. Это было счастье! В течение шести с половиной лет мы жили на Соколе впятером, а потом, после появления нашей старшей дочери Александры, и вшестером. По существу, три семьи, каждая со своими правилами, амбициями, устоями. Поэтому, когда моя мама с отчимом переселились «на Королёвку», как говорила Саня, для меня это было невероятным облегчением. Я очень долго внутри себя праздновала эту дату как День коммунальной независимости. Мама моя никогда особо не увлекалась домашним хозяйством, всегда выполняла домашние дела по минимуму, так что бабушка привыкла, что всё хозяйство на ней. А тут я стала проявлять инициативу. Непросто

Евгения Васильевна Полякова – родилась в Москве. В 1982 г. окончила МГПИИЯ им. М. Горького. Работала переводчиком, преподавателем. Замужем, имеет двух дочерей. Живёт в Москве.

нам было договориться! Но постепенно бабушка осознала, что я – главный добытчик в семье (была на том этапе), и надо ко мне соответственно относиться. Радовало её то, что деньги на хозяйство выдавались ей большие, и никто никогда никакого отчёта не требовал. Если раньше она говорила своему мужу, Евгению Петровичу: «Женя, у меня деньги кончились», и тут же получала новую сумму, то теперь эта же фраза была обращена ко мне, и с тем же эффектом. Начало 90-х было временем постепенного насыщения товарами и продуктами питания после нескольких лет страшного дефицита. Правда, цены на продукты взлетели до небес, и многие просто пугались новых ценников. В то время был очень популярен такой анекдот. Встречаются две женщины с пустыми сумками. Одна другую спрашивает:

- Ты куда такая решительная?
- В магазин. А ты откуда такая растерянная?
- Из магазина.

К тому же, цены были привязаны к курсу доллара, который непрерывно и очень быстро рос. Мы, благодаря моим заработкам в валюте, не сильно страдали от шоковой терапии, так что я постоянно говорила бабушке: «Пожалуйста, не экономь. Покупай всё, что тебе хочется. Не отказывай себе ни в чём». Но она, ошеломлённая новыми ценами и новыми деньгами, всё время ограничивала себя в тратах. Как-то Ольга Павловна, благообразная старушка с палочкой, пошла за продуктами. На улице какой-то кавказец торговал виноградом. Бабушка, взглянув на ценник, ахнула: «И не стыдно тебе? Ведь у церкви стоишь!». Он в раздражении положил на весы кисть винограда: «На, забирай и уходи отсюда!». Виноград она, конечно, не взяла, хотя деньги у неё были.

Как-то бабушка занялась какими-то подсчётами, а потом сказала: «Если бы я жила одна, то на еду мне бы хватало». «Ну, если учесть, что ты почти ничего не ешь, то, конечно, хватало бы», – ответила я. Бабушкина пенсия автоматически перечислялась на сберкнижку и в семейном бюджете никак не учитывалась. Как-то Ольга Павловна попросила меня узнать, сколько же накопилось денег на сберкнижке. Я сказала: «Ба, ну какая разница? Ты всё равно живёшь при коммунизме. Если нужны деньги – ты только скажи». «Нет, надо всё-таки узнать», – настаивала бабушка. Оказалось, что там накопилось несколько миллионов. Пусть вас не смущает эта гигантская сумма, по сегодняшним масштабам смело отбросьте два нуля. Узнав об этом, бабушка сделала несколько танцевальных па, хотя к тому времени уже с трудом ходила. И я поняла: ощущение финансовой независимости необычайно важно, даже в самом зрелом возрасте.

В этот период она переписывалась со своей старинной подругой, Надеждой Васильевной Петрушевской. Они знали друг друга ещё со времён совместной работы их мужей в Китае во второй половине сороковых годов. Обе вдовствовали, но очень по-разному. Надежда Васильевна доживала свой век в городе Измаиле, куда после Китая был направлен её супруг. Их единственный сын по каким-то причинам перестал общаться с матерью, не помогал ей, и бедная Надежда Васильевна вынуждена была переживать все прелести перестройки в одиночку. Сохранилось её письмо к Ольге Павловне, где она пишет: «Ещё ужасно схватило правое бедро, так что ни сесть ни встать не могла. К врачам не обращаюсь, т.к. лечить нечем, а как посмотрят по карточке возраст, так и вовсе отказываются оказать какую-нибудь помощь. Соседка дала мне шкурку от кролика, другая дала тройной одеколон, растираю и привязываю шкурку. От кашля пью мать-и-мачеху. Вот и всё мое лечение».

И дальше: «Всё так надоело с этой холодной, голодной жизнью. За молочными продуктами и вообще, если что “подбросят”, надо стоять часами. В таком возрасте долго не простоишь, а народ стал злой, грубый, никого нельзя попросить, всё самим нужно, да и дают норму. Дома сижу в холоде. Обогреваюсь электрокамином, т.к. какой-то идиот из городских властей в конце сентября распорядился разобрать у нас во дворе котельную и переделать на газ. Всё разобрали, а труб не оказалось. Вот и сидим в холоде не только наш дом, а к нему присоединены 6 домов и 2 дет. садика. Нашему бы проклятому правительству пожить бы в таких условиях хотя бы один день...». Письмо датировано 18 ноября 1991 г., орфография и стиль оригинала сохранены.

И это милая, весёлая, красивая, остроумная Надежда Васильевна! Я видела её несколько раз, и она всегда поражала меня искрящейся радостью, которая прямо брызгала из её глаз! Помню, как она мне, маленькой, играла на фортепьяно и пела: «Вот лягушка по дорожке скачет, вытянувши ножки...».

Моя тётка Светлана Евгеньевна, сестра моей матери, вспоминала о жизни в Китае. Это было в Дайрене или, как говорили советские специалисты, в городе Дальнем – базе для ремонта советских судов на юго-востоке Китая. Семья моего деда, Евгения Петровича Желтовского, жила в оккупационной зоне, кругом стояли автоматчики, постоянно проверяли документы. Как-то они ехали в открытом джипе (или, как его тогда называли, в «козле»). В машине находилась и Надежда Васильевна Петрушевская. На очередном посту документы проверять не стали, так как деда знали в лицо. «Почему не проверили документы?» – забеспокоилась пятилетняя Светлана. «Так у тебя же красный бант! Сразу видно, что ты советская девочка», – тут же нашлась Надежда Васильевна.

Господи, если бы мы знали, что нас ждёт в жизни дальше! И как хорошо, что мы этого не знаем!

Последний раз, когда мы общались все вместе по радостному поводу, был мой день рождения 29 апреля 1996 г. Приехали бабушкин старший сын, мой дядя Ванкарэм и моя мама Наталия. Бабушка уже не вставала с постели, но была в полном уме и памяти. Мы открыли бутылку шампанского и разлили его по бокалам. Подошли к бабушкиной кровати, предложили ей бокал. «От зелёного вина отрекалася она...». Я говорю: «Ба, никто тебя не заставляет пить, ты просто язык туда опусти». Она так и сделала. Смочила губы шампанским и спрашивает: «Женечка, сколько же ты будешь меня терпеть?» – «Ну, сколько ты меня, столько и я тебя». Она благодарно улыбнулась.

С шампанским у бабы Оли вышла ещё одна история. День рождения её старшего сына Ванкарэма – 31 декабря, канун Нового года. По традиции вся семья приезжала его поздравлять, тем более что его жена Татьяна Терентьевна была необыкновенным кулинаром, так много, разнообразно и изумительно вкусно никто больше не готовил. В последние годы жизни бабушка стала пропускать эти семейные застолья, уж слишком тяжела была для неё нагрузка. Днём 31 декабря Ванкарэм приехал к ней, и мы выпили по бокалу шампанского. Осталось примерно полбутылки, и Ольга Павловна почему-то поставила её не в холодильник, а в буфет у себя в комнате, закрыв пластмассовой пробкой. Вечером, собираясь к Ванкарэму в гости, мы спросили: «Ба, может быть, кто-нибудь из нас останется, а то что же ты на Новый год будешь одна?». «Нет, нет, – ответила бабушка, – поезжайте, янисколько не обижусь, мне так даже легче будет».

В половине двенадцатого Ольга Павловна решила лечь спать и выключила свет. Вдруг раздался громкий хлопок: это вылетела пробка из бутылки с шампанским. Бабушка восприняла это как приглашение проводить старый год и встретить новый. Она налила себе немного шампанского, включила телевизор, выслушала всё, что Борис Николаевич Ельцин имел сообщить ей, дождалась боя курантов и легла спать. «Есть женщины в русских селеньях...»!

Вообще, несмотря на все старческие хвори и немощи, бабушка почти до последней минуты сохраняла ясный ум. В последние годы жизни просила меня: «Женечка, принеси мне что-нибудь новенькое почитать, я все наши книги дома перечитала». Очень радовалась новым книгам. Я регулярно выносила из её комнаты стопу прочитанных книг и расставляла их по полкам.

А вот за два дня до смерти, будучи в полном уме и памяти, бабушка сказала, что чувствует, как за спиной у неё лежит её мать. А ведь мать Ольги Павловны умерла, когда ей было всего два года! Она не помнила, да и не могла помнить, как мама выглядит, но сказала, что чувствует её спиной, ощущает её поддержку.

Бабушка умерла 18 мая 1996 года, не дожив двух месяцев до своего 86-летия. Прошло уже больше двадцати лет после её ухода, но не было ни одного дня, чтобы я не вспомнила её добрым словом. Она по-прежнему со мной, по-прежнему меня питает её любовь, забота, житейская мудрость. Низкий ей поклон и вечная память!

Родные мои

(продолжение, начало в №4, 2018)

«Победное» шествие Советское власти на Дальнем Востоке продолжалось. По воспоминаниям моей бабушки Ольги Павловны, в одночасье была упразднена частная торговля, которой занимались, в основном, корейцы. Их тогда на Дальнем Востоке было множество, они разносили продукты по домам, имели постоянных клиентов. Жизнь заставила многих из них моментально перестроиться, чтобы не ссориться с новой властью. Таких называли «редиска»: снаружи красный, а внутри белый. Был взорван красивейший кафедральный собор, и на его месте какой-то советский начальник построил себе дом, поражающий своим убожеством, особенно по сравнению с уничтоженным собором.

В школе, где училась Ольга Павловна, образовалась пионерская организация. Появились и первые жертвы бездумной политизации учебного процесса. Многие ученики, сделавшись пионерами, решили, что уроки учить совсем не обязательно, в случае чего красный галстук спасёт. Когда одному такому разгильдяю учительница поставила двойку за невыученный урок, её обвинили в притеснении пионера.

Худо-бедно, но учились. Конечно, бесконечные реформы в сфере образования очень плохо сказывались на его качестве. Ольга Павловна никогда не могла похвастаться глубокими знаниями, писала плохим почерком с ошибками. Выручала прекрасная память, природная смекалка и аккуратность. В течение жизни она, правда, много читала и, конечно, повышала свой культурный уровень.

Очень интересно сравнить образование, полученное ею в школе, с образованием её мужа, Евгения Петровича Желтовского. Он был старше бабушки всего на три с половиной года. Родился 20 декабря 1906 года в г. Томске в семье высококлассного железнодорожного инженера – Петра Степановича Желтовского. Мать, Мария Александровна Смирнова, была дочерью купца 1-ой гильдии. Предок Петра Степановича, польский дворянин, был выслан в Якутию за участие в беспорядках у себя на родине в Польше, тогда части Российской империи. О жизни в Якутске тех лет сохранились две маленькие брошюры, изданные в 1906 году Степаном Степановичем Желтовским, отцом Петра Степановича. Они дают яркую картину быта и нравов тех лет на краю империи.

О Петре Степановиче сохранилось очень мало сведений. Понятно, что в эпоху стремительного развития железных дорог в России профессия инженера-путейца была одной из самых передовых и престижных. Пётр Степанович принимал участие в проектировании и строительстве железной дороги Москва–Владивосток, железнодорожных мостов в Омске и Красноярске. До середины XX века под Красноярском ещё стоял мост, на котором была мемориальная доска с именами инженеров-строителей. Среди них был и П.С. Желтовский.

Спустя много лет его сын, мой дед Евгений Петрович, во время одной из своих многочисленных поездок по Сибири брал билет в железнодорожной кассе. Предъявил кассирше документ, она прочитала фамилию и просияла: «Вы сын Петра Степановича? А я ведь знала вашего отца! Такой человек был, на всю Сибирь известный! Он ведь в присутствии женщин никогда не сидел!». Видимо, воспитание, да и польская «гжечность» не позволяли.

Позднее семья Желтовских переехала из Томска в Красноярск. Евгений поступил в местную гимназию. В то время в гимназиях начинали учиться с 9-летнего возраста, причём ребёнок приходил в первый класс после хорошей домашней подготовки. Он должен был свободно читать и писать, иметь довольно обширный кругозор. Кроме того, у Евгения были немецкая бонна и учительница-француженка, так что он изучал эти языки с носителями языка, как сказали бы мы теперь. Евгений был исключительно пытливым и живым ребёнком. Учился хорошо, но поведение было ужасным. Ему по поведению ставили две двойки подряд, а потом выводили тройку, иначе бы выгнали из гимназии. Видимо, природная любознательность и жизненная сила были ключом.

В 1918 году Пётр Степанович умер от тифа, оставив вдову с двумя сыновьями: старшим Евгением и младшим Валентином. По Красноярску прокатились многочисленные митинги за Советскую власть, за Колчака, за белых, за красных. Учёба прекратилась. Очевидно, Мария Александровна не могла справиться с буйным характером своего старшего сына, да и пожар, раздутый большевиками «на горе всем буржуям», подталкивал к неповиновению. В неполные тринадцать лет Евгений сбежал из дома, присоединившись к частям Красной Армии. Он был здоровым и крепким, и сказал, что ему шестнадцать. Там поверили, или сделали вид, что поверили. Так вот, полученное за несколько лет в гимназии образование позволило деду не затеряться в месиве Гражданской войны, а в 1922 году, когда ему исполнилось шестнадцать лет уже по-настоящему, после окончания Енисейских губернских курсов комсостава милиции получить рекомендацию на занятие должности начальника районного (губернского) отделения милиции. Да и впоследствии, когда

Евгений Петрович учился в Академии водного транспорта в Ленинграде, учёба давалась ему легко, он получил диплом с отличием.

Помню почерк деда, очень мужественный, и вместе с тем изящный, летящий. Во время плавания на судах, в полярных экспедициях дед вёл дневники. Несмотря на огромный объём работы, нехватку времени, все записи были сделаны чётко, красиво, прекрасным языком. Дед ещё и стихи сочинял! «Вспомнив всех ушедших, мы идём вперед / И ломаем крепкий многолетний лёд». А на склоне лет опубликовал свои воспоминания в газете «Дальневосточный моряк». Я печатала их на пишущей машинке на даче прямо под его диктовку, без всяких предварительных записей. Работалось нам легко!

Вот я и думаю: какая же колоссальная разница между старой системой образования и новой, постреволюционной! А ведь бабушка Ольга Павловна была далеко не глупой, обладала прекрасной памятью, быстро соображала! Конечно, в гимназиях было много ненужного, отжившего, но знания, которые они давали своим выпускникам, не идут ни в какое сравнение со всеми последующими моделями. Уж про сегодняшний день я и не говорю!

Конечно, в семье Ольги Павловны культурный уровень был несравнимо ниже. Так, её отец, а мой прадед Павел Савельевич научился читать уже в весьма зрелом возрасте. Его первой книгой был «Тихий Дон» М. Шолохова. Он пас корову и читал эту книгу.

Тем не менее, в бабушкиной школе старшеклассников обучали основам бухгалтерского учёта, и выпускники получали вместе с аттестатом зрелости ещё и профессию. Бабушка и стала бухгалтером в Дальневосточном морском пароходстве. Сначала работала рядовым сотрудником, а потом стала главным бухгалтером. Не могу не процитировать книгу моего дяди, Ванкарэма Евгеньевича Желтовского «Пар на марке»: «Как мне рассказывали сослуживцы матери, она была очень аккуратным бухгалтером и приветливым человеком. Дело в том, что морякам, кроме их официальной зарплаты, предусматривалась премия за всякие выполнения и перевыполнения. Так вот, эти премиальные, порой достигающие значительных размеров из-за длительности рейсов, начислялись не сразу, а по итогам выполнения плана всего пароходства. Следовательно, моряк, получив зарплату и уйдя в отпуск или в следующий рейс, не знал об этих начислениях. Мать тщательно следила за всеми начислениями, разносила их по соответствующим лицевым счетам. Для многих моряков это был приятный сюрприз». Бабушка рассказывала, что благодарные моряки заваливали её коробками конфет. В конце концов она уже не могла видеть эти конфеты, и отдавала их, как она говорила, «своим девочкам в бухгалтерии».

Вскоре после окончания школы Ольга Павловна вышла замуж за своего ровесника, выпускника параллельного класса Валентина Савкина. Он был из простой рабочей семьи, после школы пошёл работать на рыболовецкое судно. В одном из рейсов простудился, заболел менингитом и вскоре умер. И стала Ольга Павловна двадцатилетней вдовой. Бабушка вспоминала о Валентине как о добром, хорошем человеке. Тёплые отношения с семьёй Савкиных сохранились у неё, даже когда она вторично вышла замуж. Но не будем забегать вперёд.

С Евгением Петровичем Желтовским Ольга Павловна познакомилась, скорее всего, на работе (он работал в механико-судовой службе пароходства), а может быть, и «на почве искусства», в Народном доме. Была тогда такая форма организации досуга. Потом такие дома стали называться Домами

культуры. Бабушка играла там на гитаре, а дед Евгений пел. Был он вообще довольно артистичен, имел приятный голос, хорошо танцевал. Правда, был гол как сокол: из всего имущества – кожаная куртка. Несмотря на свой молодой возраст (всего-то 26 лет) уже столько всего повидал и пережил! Был у него и богатый опыт общения с противоположным полом. А Ольга Павловна, молодая блондинка с карими глазами, с роскошными косами, обращала на себя внимание мужчин. За ней в это время ухаживал солидный мужчина, юрисконсульт, но она не торопилась с решением. В конце концов, выбрала Евгения: он был бесшабашным, весёлым, напористым. «Судьба ласкает молодых и рьяных...». Спустя много лет бабушка говорила мне, двадцатилетней: «Если бы выбрала того юрисконсульта, неизвестно, как сложилась бы жизнь, его наверняка арестовали...». Если бы она знала, какие приключения сулит ей жизнь с Е.П. Желтовским!

Судьба как будто испытывала их: заявление пытались подать два раза, но то ЗАГС был закрыт, то ещё что-то мешало. Ольга Павловна сказала жениху: «Если в третий раз не распишут, больше не пойду». Наконец 21 января 1933 г. их брак был зарегистрирован. Мать Евгения Петровича, Мария Александровна, женщина с характером, помнящая безбедную налаженную дореволюционную жизнь, этот брак не одобряла, считала его мезальянсом. Но Евгений Петрович, при всей любви и уважении к матери, был уже абсолютно самостоятельным человеком, и на её мнение в данном вопросе особо не оглядывался. Евгений Петрович жил в это время в прекрасной квартире в каменном доме, принадлежащем ранее какому-то немцу. И переехала Ольга Павловна из крестьянской избы в совсем другие условия. В доме часто бывали гости. Как-то для подготовки праздничного обеда молодая хозяйка отправилась на рынок. Задумала купить свинины и сделать отбивные. Продавец предложил порезать мясо на порции и спросил:

- Вам для себя или для гостей?
- А какая разница?
- Для себя – потолще, для гостей – потоньше.
- Мне для гостей, но мне – потолще, – ответила бабушка.

Как я уже писала, у Ольги Павловны были чудесные светло-русые волосы. Она их заплетала в две косы, каждая в руку толщиной, и укладывала короной на голове. Голова от этой тяжести была всегда откинута назад, к концу дня уставала. А среди бабушкиных подруг была одна, которой эти косы не давали покоя (сама она красотой волос похвастаться не могла). И вот принялась она Ольгу Павловну уговаривать косы отрезать и сделать шестимесячную завивку, очень модную в то время. Бабушка всё не решалась. А «подруга» ей просто проходу не давала: «Долго ты будешь таскать свою кичу? И не надоело тебе?». Пару раз приходила Ольга Павловна в парикмахерскую. Там косы расплетали, заплетали обратно и отправляли её назад. Но подруга не унималась. Она договорилась со своим мастером: «Придёт к вам моя знакомая. Она всё никак не решится на стрижку. Так вы её не ждите, а сразу отрежьте одну косу, ей дальше и деваться будет некуда».

Так всё и произошло. Парикмахер быстренько отхватил ножницами одну косу, а когда почувствовал на руке её тяжесть, да увидел вторую такую же, схватился за голову: «Что я наделал? Как у меня рука поднялась?». Но дело было сделано. Когда дед увидел бабушку с новой модной причёской, он был страшно огорчен. «Ты что сделала? Я ведь из-за кос на тебе и женился!»

В самом конце 1933 г. в семье Желтовских родился сын. Евгений Петрович в это время находился в трудном и опасном рейсе. Навигация 1932–1933 годов была очень сложной. С 1932 г. в Арктике осталось на зимовку несколько пароходов, с ними был и ледорез «Литке». Отправляя новые пароходы в 1933 г. в Арктику, пароходство предусмотрительно послало несколько человек для ремонта пострадавших за предыдущую зимовку судов. Так Е.П. Желтовский оказался на «Литке». Вся эта эпопея подробно описана в книге Ванкарэма Евгеньевича Желтовского «Пар на марке». Самая главная интрига этого похода – попытка оказать помощь судну «Челюскин» под командованием капитана В.И. Воронина, к сожалению, окончившаяся неудачей из-за трагических ошибок руководителя экспедиции О.Ю. Шмидта. Вот как объясняет Ванкарэм Евгеньевич происхождение своего уникального имени: «Состояние “Литке” было аварийным, разбитый корпус пропускал по 250 тонн забортной воды в час. На последней лопате угля “Литке” вошёл в бухту Золотой Рог. Это было 4 января 1934 года.

Я родился 31 декабря 1933 г., когда отец был ещё в море. После такого сложнейшего рейса, в память о тяжелейших событиях у мыса Ванкарэм, когда жизнь всех участников плавания была на волоске, отец назвал меня, своего сына, Ванкарэмом. Этому способствовало то обстоятельство, что ранее, плавая на “Кольме”, отцу у мыса Ванкарэм также пришлось испытать всё коварство Ледовитого океана».

Имя «Ванкарэм», конечно, экзотическое, но далеко не единственное в череде самых невероятных имён того времени: Сталина, Ким (Коммунистический Интернационал молодёжи), Вилен (Владимир Ильич Ленин) – это ещё цветочки. Были и Даздрапермы (Да здравствует Первое мая), и Пофисталы (Победитель фашизма Иосиф Сталин). А как вам Энгелиса Погорелова (имя реально существующего лица)? Это же просто политическая провокация! Я училась в институте вместе с девочкой, которая рассказывала такую историю о молодых годах своей матери. Девушка любила юношу по имени Трактор, но замуж за него выйти категорически отказывалась. Не хотела, чтобы дети носили отчество «Тракторовичи».

Очевидно, свистопляска с именами всегда наступает в эпоху перемен, цивилизационных сдвигов. Но нам-то хорошо рассуждать о тонкостях ономастики, а людям – носителям таких имён каково? Как писал М.М. Жванецкий, «я рад, что своею жизнью подтверждаю чью-то теорию».

Вся история с рождением Ванкарэма напоминает какую-нибудь сказку или легенду: отец возвращается из дальнего опасного похода, а дома его ждёт новорожденный сын. Наверное, именно так и воспринял Евгений Петрович это радостное известие. Знаю, что по прибытии домой дед пошёл в церковь и поставил свечку Николаю Угоднику, покровителю всех мореплавателей, в благодарность за своё счастливое возвращение. Я не помню, чтобы дед вслух говорил о Боге, а что происходило в его душе – кто знает! В жизни Евгения Петровича была масса случаев, когда он чудом избегал смертельной опасности. Во всяком случае, никаких богохульств, хулы на Духа Святого я от него не слышала.

Через какое-то время был снят документальный фильм о героях этой полярной эпопеи, и его стали показывать в кинотеатрах перед основным сеансом. Как-то в дом к Головановым прибежал знакомый мальчишка и, запыхавшись, объявил: «Я дядю Женю в кино видел!». «Как в кино?» – удивились все.

«Он на работе». «Да нет, я его в кино на экране видел!». Все бросились в кинотеатр смотреть этот фильм. Позже Ольга Павловна рассказывала, что как увидела, какие огромные волны перекатываются через корпус судна и швыряют его, как игрушку, испугалась до смерти. «Я тебя больше никуда не отпущу!», – заявила она мужу вечером. Евгений Петрович только усмехнулся.

Когда регистрировали сына, Евгению Петровичу предложили указать дату рождения 1 января 1934 года. Ванкарэм родился за шесть часов до наступления Нового года по дальневосточному времени, и молодой отец сказал: «Нет, пусть будет 31 декабря 1933 года, как на самом деле». Так и оказался Ванкарэм на год старше.

В будущем, когда Евгений Петрович учился в Академии водного транспорта в Ленинграде, дата рождения сына в канун Нового года оказалась очень кстати. Дело в том, что с 1927 по 1935 годы празднование Нового года в СССР было официально запрещено. Это считалось буржуазным пережитком. Специальные представители госучреждений ходили по домам и проверяли, нет ли наряженной ёлки, и не празднуют ли граждане чуждый советскому человеку праздник. Семья Евгения Петровича жила в это время в общежитии семейного типа, где каждой семье полагалось по комнате. В других комнатах обитали однокурсники Евгения Петровича по Академии. Жили дружно, весело, любили совместные застолья. Бабушка рассказывала об этом времени как о самых счастливых годах своей жизни. Во время этих «междусобойчиков» танцевали, пели, читали стихи. На шестерых мужчин одна бутылка водки, больше им было не нужно, остальное добавляли молодость и уверенность в своих силах. Но жили с оглядкой. Во время новогоднего застолья наготове держали свидетельство о рождении Ванкарэма, если что – празднуем день рождения мальчика.

Правда, о тех же годах бабушка вспоминала, как ночью по коридорам общежития грохотали сапоги. «А мы съёжмися в своей кровати и ждём, у чьей двери они остановятся. Наутро выйдем в коридор – ещё одна дверь опечатана». Я как-то спросила её: «Ба, ну, вы же с этими людьми ежедневно общались, с некоторыми сидели за одним столом. Неужели непонятно было, что никакие они не враги народа?!» Она промолчала.

А жизнь шла своим чередом. Ванкарэм пошёл в детский сад, который находился на первом этаже того же дома, где они жили. Как-то в саду проводили медицинский осмотр всех детей. Вечером Ванкарэм докладывал: «Дядя доктор сказал: “Всё *благополучно*, только нос курносый”».

Это стало потом жизненным кредо Ванкарэма. На его долю выпало множество трудностей и испытаний, но он никогда не жаловался, не любил рассказывать о своих приключениях, не создавал из своей жизни легенду. А рассказать было о чём. Чего стоит одна только военная служба на Северном флоте на Новой Земле! Тогда на флоте служили 3 года, а условия службы были далеки от сегодняшних. Пришлось ему пережить и купание в ледяной воде, и действие радиации. Самой главной его чертой была готовность прийти на помощь, не дожидаясь, когда позовут. Делал он это тихо, незаметно, как будто так и надо. Никогда в жизни не поминал о сделанном добре. Так, во времена моего младенчества, когда вся большая семья жила в одной квартире на Соколе, Рема, как его звали дома, работал на авиационном заводе и учился на вечернем факультете в МАИ. Приходилось работать и по ночам. Возвращаясь домой после ночной смены, Ванкарэм спрашивал у Ольги Павловны о моих родителях: «Спят?» «Спят», – отвечала та. Не говоря ни слова,

Ванкарэм разворачивался и шёл на молочную кухню за питанием для своей племянницы. Там его хорошо знали как местную диковинку: какой ещё 27-летний парень пойдёт за детским питанием для не своего ребёнка? Когда у меня появился первый зуб, Ванкарэм помчался в ювелирный магазин и купил серебряную ложку (такой тогда был обычай, покупать ложку «на зубок» малышам). Эта ложка до сих пор жива, я ею пользуюсь и каждый раз поминаю своего дядю добрым словом.

Поколение, рождённое в 30-х годах прошлого века, уже не слышало о Боге, не читало Евангелия, однако в большинстве своём сохранило верность христианским истинам, очевидно, унаследовав эти принципы на бытовом, семейном уровне. Епископ Феофан Затворник в своих «Письмах о христианской жизни», написанных в 70-х годах XIX века, казалось бы, такого благополучного для Церкви, писал: «Память о детстве и духе родителей ещё держит (детей) в некоторых пределах. Каковы будут их собственные дети? И что тех будет держать в должных пределах? Заключаю отсюда, что через поколение, много через два, иссякнет наше православие». Ванкарэм резко отрицательно отзывался о Церкви и религии, но он же учил меня сторониться зла, не цепляться за материальные блага, не поддаваться искушению золотым тельцом. Семейные традиции держат человека какое-то время, не дают ему спуститься ниже определённого уровня. Христианин вне Церкви превращается в порядочного человека. Однако оторванность от Церкви не даёт сил подняться выше. Человек не получает благодати Святого Духа, а собственные силы быстро истощаются. Как писал Арсений Тарковский в своём замечательном стихотворении «Вот и лето прошло...»:

*Понапрасну ни зло,
Ни добро не пропало.
Всё горело светло,
Только этого мало.*

Всё поколение тридцатых ассоциируется у меня с картиной И.Е. Репина «Бурлаки на Волге»: люди выполняют тяжёлую работу, опираясь только на свои силы, без всякой помощи. Надрываются, падают, но тащат тяжело гружённую баржу жизни. А помощь близко, «при дверях», надо только к ней обратиться и суметь её принять. Это жизнь в Церкви с её животворящими таинствами покаяния, участия в Евхаристии, причастия. Тогда тяжесть груза уменьшится, идти станет намного легче, «...ибо иго Мое благо, и бремя Мое легко» (Мф. 11:30).

Молю Бога, чтобы простил Ванкарэму его грехи и вменил ему в праведность все добрые дела, которые он совершил в земной жизни. Пусть у него там будет всё «*благотолучно*»! Пошли ему, Господи, Царствие небесное!

1939 год был ознаменован в жизни семьи Желтовских двумя важными событиями. В мае родились девочки-близнецы, а в ноябре началась советско-финская война. По закону о всеобщей воинской обязанности от 1 сентября 1939 г. Евгений Петрович был призван в армию и тут же отправлен на фронт. Кстати, в этой войне участвовал и другой мой дед, отец моего отца, Евгений Владимирович Поляков. Оба деда, слава Богу, вернулись с той войны живыми и здоровыми. Но как подсчитать убытки, нанесённые психике человека, побывавшего на передовой? А что испытали их семьи, ежедневно ожидавшие вестей с фронта? Евгений Петрович получил даже какую-то денежную

компенсацию за участие в военных действиях. Но «какой выкуп даст человек за душу свою?» (Мф. 16:26).

В 2008 г. мне с семьёй довелось побывать на финском курорте «Бомба» в 550 км к северу от Хельсинки. В далёком 1855 году дом «Бомба», ставший впоследствии основным сооружением на курорте, был построен Егором Бомбиным (отсюда и название) на берегу озера Суоярви в тогда ещё Выборгской губернии. За всё время пребывания там мы не почувствовали ни малейшего намёка на бывшее противостояние, за исключением одной детали. В реконструированном доме «Бомба» висит список местных жителей, погибших в той войне: Иван Маттинен, Пётр Лайне, Семён Хямляйнен (имена привожу условно) и ещё около 20 человек. Имена русские, а фамилии финские. И тут меня осенило! Да ведь та война была по сути гражданской! Между получением Финляндией независимости в 1918 году и началом войны в 1939 году прошёл всего 21 год! А что может быть ужаснее и разрушительнее для человеческой природы, чем гражданская война? Каким же мужеством и мудростью надо было обладать политикам с обеих сторон, чтобы повернуть финское общество в сторону сотрудничества с СССР! Я имею в виду в первую очередь Президента Финляндии Урхо Кекконена, человека, научившего мир уважать Финляндию. Отрадно, что и современные российские и финские политики хорошо усвоили уроки истории и двигаются в том же направлении.

В жизни Евгения Петровича Желтовского связь с Финляндией имела продолжение. В конце 50-х – 60-х годах он участвовал в качестве Главного наблюдающего с советской стороны в осуществлении крупного контракта с финской фирмой «Вартсиля» по строительству ледоколов. Жил в Финляндии с небольшими перерывами почти 10 лет. Не исключено, что доводилось совместно трудиться с теми, с кем воевал во время финской кампании. Дед всегда с глубоким уважением относился к финским коллегам, высоко ценил их умение работать. Как много полезного могут сделать люди, когда они объединяются во имя мирных, созидательных целей, а не смотрят друг на друга сквозь оптический прицел!

С.И. Фудель в своей замечательной книге «У врат Церкви» писал: «Мы далеки от христианства уже потому, что мы в лучшем случае только “душевные”, а, по слову апостола, “душевный человек не принимает того, что от Духа Божия” (1 Кор. 2:14), то есть духовности.

Но я знаю, что есть дверь, через которую и нам возможно войти в духовный мир Духа Божия, – это общение в молитве любви с умершими близкими... Вхождение в духовность даёт человеку осознание условности времени. В духовности начинается тропа вечности, где “времени больше не будет”. Снимаются какие-то стены, стена, отделяющая и закрывающая моё настоящее от моего прошлого, от любимых умерших, от совместной с ними жизни, от детства, от, казалось бы, давно потерянных сокровищ.

И ещё возникает новое: возможность как-то изменить что-то в своём прошлом, в себе давно бывшем, точно смыть что-то в чёрном списке своих падений и измен Богу. Нам сказано “Всё возможно верующему”. Старец Серафим (Битюгов), помню, говорил: “Наступит время в вашей внутренней жизни, когда вы начнёте залечивать прошлое”.

Благословенны умершие!».

ПОЭЗИЯ

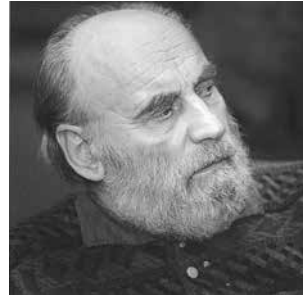
Юрий БОГДАНОВ

ЮРИЙ БОГДАНОВ

Юрий Николаевич Богданов – родился в г. Горьком, окончил музыкальное училище им. М.И. Глинки (1964 г.), Литературный институт им. А.М. Горького (1974 г.). Автор более двадцати книг стихотворений, в том числе «Галактика души» (сонеты), «Музыку небесную я слышу», трёхтомного собрания лирики («Солнцу хвала», «Всевышней любовью», «Лунное затмение»), «Капелью проклянуты чувства», «Поделись надеждой с врагом своим», а также поэм – «Ванька, встань-ка», «Пётр и Февронья», трагедий «Джунглетта», «Морок», «Из-под плитуса», «Проскурова лажа», «Последний круг» и других. Ю.Н. Богданов секретарь Правления Московской городской организации Союза писателей России, Академик Петровской Академии наук и искусств.

Живёт в Москве.

Зов (венок сонетов)

1

Я родился, когда война гремела,
Того не знал, что небо надо мной
Ещё в дыму. Но раннею весной
Оно очнулось и заголубело,

И залило Европу без предела,
В глаза солдат запало синевой.
Салюты грохотали над страной:
Страна моя победу мира пела.

Быть может, в это время и возник
Понятный людям дружества язык...
Родным он стал во многих братских странах.

История?! Она не где-то там...
Земля ещё залечивала раны,
А мир стремился к новым рубежам.

2

А мир стремился к новым рубежам,
Казалось, он очистился от дыма,
Но взгляд прикован к атомным столбам –
Погибли Нагасаки, Хиросима.

И огненные строки телеграмм
Сердца пронзили болью нестерпимой.
И до сих пор обрывки слов и гамм
Срываются с колоколов Хатыни.

Тех страшных дней столетьям не стереть,
Когда могли деревни умереть,
А дети из огня тянули руки...

Встал человек и дань отдал векам:
Он занялся военной наукой,
Чтоб я не знал кровавых слёз и драм.

3

Чтоб я не знал кровавых слёз и драм,
Курчатов делу не давал отсрочки –
Тропинками бежали формул строчки
Между дерев по будущим садам.

И солнце, голубое по утрам,
Лучами расшевеливало почки...
То было детство: розовые мочки
И день-деньской весёлый шум и гам.

Восторг ребячий стужи не остудят.
Тогда не знал, что было и что будет.
О чём-то слышал я в кругу родных...

Душа мальчишеская не болела,
Не чувствовал трагедий мировых
И шёл по жизни радостно и смело.

4

Я шёл по жизни радостно и смело,
Как отрочество ранее идёт,
Завидовал, но завистью лишь белой,
Тем, кто свершил великий поворот

В истории... Чья мысль в глуши не тлела,
Кому в семнадцать доверяли взвод
Вести на бой за праведное дело:
За мир и хлеб, свободу и народ.

Так незаметно юность пробежала,
Тяжёлых дней оставив очень мало,
А больше – солнцем высвеченных дат.

Но жизни это словно надоело
И так столкнула с горечью утрат,
Что боль меня своим крылом задела.

5

Но боль меня своим крылом задела.
Я стал серьёзней вещи понимать
И грани тьмы и света различать,
Хотя ещё и не совсем умело.

Но убеждённость постепенно зрела
Внутри меня. Я прямо мог сказать:
Хочу себя я Родине отдать
Без громких слов, навечно и всецело.

Я на себя не принял грозный вал,
Отец в боях мне мир завоевал,
Но я сейчас уже за всё в ответе.

И часто слышу стоны по ночам:
Спать не дают замученные дети –
Хатыни плач восходит к небесам.

6

Хатыни плач восходит к небесам,
Он беспокойней штормового моря:
Летят сюда сожжённых голоса
Со всей Земли. Им небо эхом вторит.

Не умолкают скорбные леса,
Они давно с войной смертельно спорят...
Туман мне застит мокрые глаза,
Не выплакавшие чужого горя.

Об этом трудно людям рассказать!
Лишь за одно, что плачет где-то мать,
Судить убийц имею право строго.

Гудеть, звенеть моим колоколам:
Пусть будит зов надежду и тревогу –
В нём слышу я рассказ иным мирам.

7

В нём слышу я рассказ иным мирам
О всех страданиях, выпавших землянам:
Как день в Хатыни был окончен рано –
Хлестнул огонь по людям и домам,

И становилось холодно врагам,
Когда сквозь рёв шального урагана,
Пронзительно, бесстрашно, неустанно
Кричала мать: «Дитяти не отдам...»

Плыл пепел в космос горькою рекою –
Земля была от горя вся седою...
Я дочери обязан рассказать!

Узнает всё – белее станет мела:
Она должна почувствовать, понять,
Как Родина всё выстоять сумела.

8

Как Родина всё выстоять сумела,
Как выдержал блокаду Ленинград,
Как мог смертельно раненый солдат
Поднять своё безжизненное тело,

Как сердце матери не огрубело?
И на вопросов пламенный каскад
Ответить может непреклонный взгляд
Страны, что людям в души поглядела,

Когда гремел ещё неравный бой
Над нашей полонённою землёй...
Я это понимал не по наитью:

Пока жива связующая нить
Не отошедших от сердец событий,
Нам горя и трагедий не забыть.

9

Нам горя и трагедий не забыть,
Хотя травой покрылись пепелища.
Но память невозможно отрубить,
Она тебя сама везде отыщет,

И чтобы жизнь намного усложнить,
Перевернёт привычное вверх дном.
Нельзя нам успокоенными быть,
Пока войной сметаются жилища

Других людей. А серый океан
Отравленную рыбу к берегам
Волной выносит. Смерть проходит рядом.

Забывчивостью боль не залечить.
Хатынь, Освенцим – словно взрыв снаряда:
Мы это помним, чтобы в мире жить.

10

Мы это помним, чтобы в мире жить:
Ушёл из жизни каждый здесь четвёртый.
Но имена их временем не стёрты,
О Беларусь, тебе ли позабыть

Своих сынов?! Тебе ль их не любить?!
Враги тебя хотели видеть мёртвой.
К победе шла уверенно и гордо,
И никому народ мой не убить!

О Беларусь, сподвижница России!
Салюты землю светом оросили,
И небо замерцало глубиной...

Чтоб чёрный ветер Землю, словно дыню,
Не расколол и не унёс с собой,
Мы мир храним, как вечную святыню.

11

Мы мир храним, как вечную святыню,
Чтоб Шар Земной не облепила ночь,
Чтоб видел ясно, как смеётся дочь:
Её улыбка не исчезла в дыме,

И страшный «Боинг» не дырявил сини,
Как в сорок пятом, с бомбами – точь-в-точь.
Хочу в себе бывшее превозмочь
И не поверить в гибель Хиросимы –

Тень человека будет на мосту
Из века в век стоять, как на посту,
Будить людей и помнить годы эти.

Жестокий человечеству урок:
Таких не знало ни одно столетье –
Прошёл я через тысячи тревог.

12

Прошёл я через тысячи тревог,
С моим народом я осилил беды,
И без него моей дороги нету
И нет простых и неподдельных строк.

Я только жду, когда приспее срок,
Который зрелым будет для поэта,
Чтоб о былом, пусть даже и воспетом,
Сказать уже по-своему я смог.

Давно меня такие мысли гложут,
Но не боюсь – народ опять поможет
Найти мне правдой выверенный путь.

У обожжённых сердце не остынет:
Я жизни всей раздумия и суть
Принёс на плиты скорбные Хатыни

13

Принёс на плиты скорбные Хатыни
Я боль и слёзы сотен матерей,
Живущие всегда в душе моей
Обрывки слов и выкрики невинных.

Они добавят новые морщины...
Вдруг ужаснёшься мысли ты своей:
Что где-то могут убивать детей
Цивилизованные изверги и ныне

И вместо зёрен сеять только смерть.
Звон колокольный, траурная медь
Плывут над миром из глубин столетий.

И словно к нервам подключили ток,
Когда приносим на могилы детям
Росой и лесом пахнущий венок.

14

Росой и лесом пахнувший венок,
Как память о погибших – не завянет!
Пусть он воспоминаниями ранит
Нас на любой из жизненных дорог,

А пульс ударит выстрелом в висок,
И закружатся лица, стены зданий –
Откроются невидимые грани,
История разверзнется у ног,

Она правдива искреннею былью:
Нет силы, чтоб осилила Россию,
И знаю я – не будет никогда!

Нам похоронка... Мама обомлела...
В поля упала ранняя звезда –
Я родился, когда война гремела.

15

Я родился, когда война гремела.
А мир стремился к новым рубежам,
Чтоб я не знал кровавых слёз и драм
И шёл по жизни радостно и смело.

Но боль меня своим крылом задела:
Хатыни плач восходит к небесам,
В нём слышу я рассказ иным мирам –
Как Родина всё выстоять сумела.

Нам горя и трагедий не забыть,
Всё это помним, чтобы в мире жить!
Мы мир храним, как вечную святыню.

Прошёл я через тысячи тревог,
Принёс на плиты скорбные Хатыни
Росой и лесом пахнувший венок.

ПРОЗА

Татьяна ЧЕРНОВА

Акула

Мой отец был заядлым рыбаком. Сам готовил снасти, называя их незнакомыми для меня словами: мормышка, подсачник, спиннинг, наживка... Я любила смотреть, как он делал блёсны из консервных банок, прикрепляя к ним разноцветные пёрышки, нитки, чтобы лучше приманивать рыбу. Я внимательно наблюдала, как он складывал в старый рюкзак множество нужных ему вещей: ножки, ведёрко, треножник, котелок, фонарик, жестяную коробочку с маленькими красными червячками и многое другое...

Меня он никогда с собой не брал. Уезжал на выходные, а во время отпуска – на целую неделю, а то и больше.

Возвращался усталый, обгоревший на солнце, но очень довольный. Кроме рюкзака с вещами, привозил целый мешок подсушенной рыбы и несколько огромных, толстых карпов. На рыбалке отцу всегда удивительно везло, но представить себе, что когда-нибудь ему удастся выловить настоящую акулу, он не мог даже в самом волшебном сне. Но это всё же случилось... Как-то, отдыхая с нами в Абхазии, он взял нас с братом в море на рыбалку. Брату было 10, а мне – 8 лет. Не успели мы доплыть до намеченного места, как на заброшенный отцом спиннинг попалась рыба и, очевидно, не маленькая. Леска так резко натянулась, что наша жалкая, взятая напрокат лодочка чуть не перевернулась. Мы дружно заорали, а у отца загорелись азартом глаза.

На вёслах сидели мы: на одном – брат, на другом – я. Отец начал командовать нами, чтобы удерживать лодку на плаву, но левым бортом мы уже зачерпнули, и мне пришлось вычерпывать воду небольшим ведёрком, а брат пытался справиться с вёслами один... Погода была ветреной, и мелкие, но частые волны мешали выровнять лодку, а я, вычерпывая воду, от качки то и дело билась лбом и щеками то о борта, то о скамейки лодки. Отец же в это время боролся с рыбиной.

Татьяна Михайловна Чернова – поэт, прозаик. Коренная москвичка. Окончила технический ВУЗ, работала инженером. Стихи писала «в стол» до 2013 г., в котором сделала первую публикацию на сайте «Стихи.ру» под псевдонимом Татулита. Была номинирована на премию «Поэт года – 2014» и «Поэт года 2015», а также на премию «Наследие». Автор сборников стихов «Акварельные сны» и «Во сне и наяву». Член МГО СП России, член Российского союза писателей. Есть дипломы и грамоты за участие в конкурсах МГО СП России. Победитель в номинации «Лучшие поэты и писатели 2014 года» с вручением статуэтки «Золотое перо», победитель конкурса «Литературное достояние России 2015 года» с вручением медали Международной премии «Литературный Олимп».

Живёт в Москве.

«Болтанка» продолжалась, не прекращаясь. Лодка то накренилась на бок, то ныряла носом, то крутилась вокруг собственной оси. Рыба силилась освободиться во что бы то ни стало, но отец не собирался сдаваться, и вот он как-то удачно потянул леску, и из воды на мгновение высунулась страшная морда... Катран! Это был катран! Как мы потом узнали, катран – это черноморская акула, между прочим, съедобная.

Судя по размерам головы, которую мы всё же успели разглядеть, экземпляр оказался довольно внушительных размеров, и нам очень хотелось, чтобы отец выловил его...

Борьба была довольно долгой и упорной и я, уже став взрослее и перечитывая рассказ Эрнеста Хемингуэя «Старик и море», каждый раз вспоминала ту нашу удивительную рыбалку. Спиннинг гнулся почти в дугу, отец умело отпускал и подтягивал леску, не давая рыбине порвать её. Брат стёр себе о вёсла ладони, но, весь красный от волнения, молча выполнял команды отца, который успевал выкрикивать, не оглядываясь назад. Отец стоял напряжённый, полностью отдавшись борьбе. Его сильные загорелые руки крепко держали удилице, и я поражалась тому, что он держится на ногах при такой качке. Я, стоя на четвереньках и ободрав колени о дно лодки и щёки о скамейки, вычерпывала и вычерпывала воду, которая почему-то не убавлялась, а пополнялась всё новыми порциями морских брызг. Но, и в таком положении, я всё же успевала бросать короткие взгляды на отца, чтобы не пропустить долгожданный момент триумфа, а в том, что он наступит, я нисколько не сомневалась... И всё же, я пропустила! Послышался громкий стук о дно лодки, но не снаружи, а изнутри, после чего началась какая-то странная качка и короткие, хлёсткие удары о борта лодки. Я подняла голову и увидела изумлённое лицо брата, торжествующую улыбку отца и огромное, блестящее чудовище, бившееся в последнем желании спастись.

Эта сцена, как замедленный кадр из фильма, до сих пор при воспоминании о том далёком лете, живо встаёт перед моими глазами. А длилась она всего несколько секунд: отец взял у брата весло и одним ударом «успокоил» катрана. Хвост дёрнулся в последний раз, и рыба затихла. Она лежала на дне лодки длинная, сияющая, а мы с опаской поглядывали на неё: казалось – чуть задень и она вдруг щёлкнет зубастой акульей пастью... Потом, когда мы вернулись домой и замерили её, оказалось, что длина нашей добычи составила 120 см.

Причалив к берегу, мы привязали катрана за голову и хвост к палке и, положив оное её концами на плечи впереди идущего брата, а другой – на моё, с гордостью зашагали по набережной. Отец замыкал эту процессию. Наш вид, побывавших в жестоких сражениях воинов, был вознаграждён восхищёнными взглядами прохожих, и все наши усилия были с лихвой оплачены этим победным шествием. Мы снимали комнату в частном доме, где кроме нас было ещё две семьи, и два дня мы все вместе ели эту рыбу под рассказы отца о том, как она нам досталась.

Прошло много лет. Отца давно уже нет на свете. И вдруг однажды на даче моя дочь почему-то пригласила меня пойти на рыбалку. На чердаке валялась старая удочка. Мы, как могли, восстановили её, накопили червей и пошли на дальний пруд: говорили, что там много рыбы.

Ловить пришлось мне – дочь отказалась. Поплавок мелко «клюкал» вверх-вниз и тихо «бродил» туда-сюда... Побросали немного хлеба для прикормки – и

тут же поплавок резко ушёл под воду. Я подсекла и вытащила карасика чуть меньше моей ладони. Крючок застрял глубоко в глотке, и, вынимая его, я увидела частицы внутренностей несчастной рыбёшки...

Она билась, а я, бросив её в ведро, закинула удочку снова... Попался такой же карасик, и я опять с трудом достала крючок изо рта извивающейся рыбки. И вдруг дочь, молча наблюдавшая за мной, сказала – «А ты представляешь, как ей больно?! Ведь она просто не может кричать...»

Её слова поразили и потрясли мою душу. Чувства сострадания и сожаления охватили меня. Я вылила воду из ведёрка в пруд вместе с рыбками, и мы вернулись домой. Больше на рыбалку я никогда не ходила. Но, что интересно: моя дочь теперь очень любит это занятие...

ПОЭЗИЯ

Мамед Гаджихалилович Халилов – родился в 1961 г. в республике Дагестан. Автор шести сборников поэзии и прозы. Член СП России.

Живёт в посёлке Пречистое Ярославской области.

Мамед ХАЛИЛОВ

«Нет причины для сердечной смуты...»

Следы на снегу

Февральскую стужу забыть я не в силах –
О, сколько следов утонуло в снегу
И сколько улыбок растаяло милых,
В колючей метели, на долгом веку.

Затем ли, что сам я из крошева льдинок,
Мне жить суждено у кострищ, на снегу,
Где жизнь – непрерывный, слепой поединок
И пламя багровое лижет пургу.

Застыло на грани стихий половодье,
И правда жестока, и я не солгу:
Мне только судьбы натянуть бы поводья,
Хотя бы и льдинкой сверкнув на снегу.

Казалось порою, что всё миновало
И время, смешав, всё скрутило в дугу;
Не то леденило, не то согревало,
Что ныне мерцает на белом снегу.

Я вечно пребуду на яростной грани –
Ни зла, ни добра позабыть не смогу.
Мерещатся тени в недвижимом тумане,
Но сердце всё ищет следы на снегу...

Джихад

Доколе будет литься кровь? Доколе?!
Аллах, услышь предсмертный хрип раба,
И если это во всевышней воле,
Пусть не растает в мареве мольба!

Ужель повиснет, ничего не знача,
Извечная хутба: «Аллах велик!»?
Ужели Ты не слышишь горечь плача?
К слезам ребёнка оберни свой лик!

Счастливей нас твоих мечетей глина,
Что сохнет, краткий ливень переждав,
Но оседает голос муэдзина
Печальной пылью на ладони трав.

Веками мы в намазе пятикратном
Взываем к милосердию небес,
Но просьбы камнем падают обратно,
Раздоры гибельные сея здесь.

Не ради эфемерных гурий рая,
Пройдя горячие пески пустынь,
Спешит смиренная толпа людская
К подножию таинственных святынь.

Ведёт их вера в божью справедливость, –
Мечта недостижимая, увы,
Что бедуину древнему приснилась
Под небом нестерпимой синевы.

Доколе будет литься кровь? Доколе?!
Безмолвствуют пустые небеса –
Ни эха, ни сочувствия, ни боли...
В пески уносит ветер голоса.

Я родился в феврале, в холодной сакле,
Где от лампы прочь к углам металась мгла –
Повитуха с волосами цвета пакли
Моему рождению ночью помогла.

За окном свирепо завывала вьюга,
Дверцу печки пламени лизал язык,
И в заснеженной, завьюженной округе,
Как в родной стихии, утонул мой крик.

Матушка, вся в мелких бисеринках пота,
Знать в счастливом материнстве не могла,
Что седых метелей ледяная нота
В душу мальчика навеки залегла.

И с тех пор мотив мелодии печален,
И пою ли, плачу – всё выходит стон.
Вместо перегибом пахнущих проталин,
Льдов намёрзших резкий и холодный звон.

Но терзать уже недолго стылой ноте,
Так за жизнь и не оттаявшую плоть –
Близится к концу тяжёлая работа,
И к теплу свечи зовёт, зовёт Господь...

Гонка на выживание

Нет причины для сердечной смуты –
Всё покажет и подскажет Гугл.
А давно ль стоял на перепутье,
Словно пилигрим, костляв и смугл.
Вдоль дорог расставленные знаки,
Сомневаться не позволят вам –
Обрисуют ямы и овраги,
Обозначат и кафе, и храм.
В Божий дом должна вести дорога
(От греха земного и суда),
Но когда асфальта слишком много,
Тянутся дороги в никуда.
То ли дело, тихие тропинки,
И названий-то которым нет.
Они вьются, вьются по старинке,
В вечности седой теряя след.
Жизни смыслы неизменны в сути,
Незачем переходить на рысь.
Возникает храм на перепутье,
Когда сердце выбирает высь.
Белая разметка автобана
Прочертила контуры границ, –
Не заметишь тропку средь бурьяна,
В полдень не присядешь у криниц.
В жажде новизны, сжимая губы,
Всё быстрее несёмся мы к концу
И симметрию теряют срубы,
Не подбитые венец к венцу.
Хочется порою, сняв ботинки
И всезнание послав к чертям,
По утопанной пройтись тропинке
К роще, где белеет сонный храм...

Лариса Эдуардовна Желенис – родилась в городе Дебальцево Донецкой области. Окончила Ленинградский технологический институт им. Ленсовета и Литературный институт им. А.М. Горького (семинары Владимира Цыбина и Владимира Кострова). Автор трёх поэтических книг, член Союза писателей России.

Живет в Ярославле.

«Над прялкою дремлет Бессмертие...»

Не родившись, жила я в раю
робких образов, мнимых движений.
Узнавала я душу свою
в миллионах других отражений.
Я была для себя двойником,
запредельного звука частицей,
но подземным лесным родником
торопилась наружу пробиться.
Рай исчез – прорвалось, растеклось,
расплескалось пространство эфира.
Криком первым моим началось
для меня сотворение мира.

Над прялкою дремлет Бессмертье...
Столетия пронзая насквозь,
под пряжей земной круговерти
пульсирует, крутится ось,
вплетая ветра и травинки,
и судьбы, и лунную пыль.
Здесь в самой безликой былинке
нетленная теплится быть.
И кто-то во мне – так неясно,
несмел, неуклюж и непросто,
глядит с вековым постоянством
в долину потерянных звезд.

И уходя, сорочьей сплетней
трещит зима над городком.
А солнце лижет снег последний
и щёки тёплым языком.
Рассыпан свет по роцам где-то
лучами призрачных волос.
Весна у зеркала рассвета
их чешет гребнями берёз.
А в небе – журавлиный росчерк,
плывут живые письма.
И в таинстве дрожащих строчек –
Весна!..

Ледяные часы

Сосулька растёт под карнизом,
роняет слезу на балкон.
На лучик точёный нанизан
сверкающий солнечный звон!
От брызг, от весеннего света
прохожие морщат носы.
Срываются капли, и к лету
спешат ледяные часы.
Накапливает и считает
живые секунды весна.
Сосульку, смеясь, разбивает,
как чашку – на счастье, она!

Ожидание

Провожая мечту...
Со двора суету отмечаю.
То, что утром плету,
я под вечер
опять расплетаю.
Петли памяти рву,
и терпенье канву
всё латаю,
и дороги твои
в свой рисунок любви
я вплетаю.
То ли сон,
то ли мгла,
а в руках лишь игла
да холстина простая,
и надежду хранить
будет тонкая нить
золотая.

Поздней осенью

Я как будто ослепла – не вижу
ни вечерней дороги во мгле,
ни дождя, ни упавшего ниже
неба, скомканного по земле
одеялами жёлтыми листьев...
Почему я не вижу, куда
уплывают, как птицы по выси
перелётные наши года?
Через юность, от зрелости к детству
эти птицы на память маршрут
знают свой, и сжимается сердце
от прощальных осенних минут.

Спасибо, что ты меня встретил
на полутёмном перроне
именно в этом столетии,
прибывшую в этом вагоне.

Пусть не разберёмся мы, дети,
в огромном судеб расписании –
самый счастливый на свете
билет выдан в кассовом зале!..

ПОЭЗИЯ

Нина ГОЛОВАНОВА

НИНА ГОЛОВАНОВА

Нина Федотовна Голованова – физик-теоретик и поэт, родилась в семье советских инженеров. Окончила московскую школу с золотой медалью, а затем физический факультет МГУ им. Ломоносова. Научная деятельность связана с изучением микромира. Имеет научные труды. Член МГО СП России. Автор трёх поэтических сборников: «Эти строчки», «Избранное», «Ясным утром». Последняя книга, изданная МГТУ им. А.Н. Косыгина, в 2011 г. была отмечена дипломом литературного конкурса МГО СП России «Лучшая книга». Награждена также литературными премиями МГО СП России имени Грибоедова и Лермонтова. Роман Н.Ф. Головановой в стихах «Люк и Фек. Мир и война» в 2014 г. был удостоен литературной премии МГО СП России «Серебряный крест» с вручением наградного знака «Серебряный крест».

Живёт в Москве.

Свидание с прошлым

Речка Мамаевка

Скачут ханы полем чистым,
Лес осенний вдалеке,
Дань собрать зерном мучнистым
С деревень на ясаке.
Двести лет уже кормила
Русь монголов из Орды,
Признавать же не спешила
Их законы и суды.
Подъезжают к тихой речке,
А поодаль от неё
И бараны, и овечки
Щиплют старое жнивье.
Мужичонка в рваной шубе,
В шапке, сидя на ветле,
Дует в дудочку из луба,
Опустив глаза к земле.
Ханы плётками взмахнули,
По-татарски матерясь,
Тотчас толмачу мигнули,
Мужичка толкнули в грязь.
Смачно их толмач ругнулся,
Косоглазый прохиндей,
Низко к пастуху нагнулся:
«Где дома твоих людей?
Ну, показывай дорогу», –
Хан Мамай даёт наказ.

Он хозяин очень строгий,
Изобьёт до смерти враз.
«Дань собрать нам с вас нетрудно,
Нынче ночью сабантуй.
Укажи баб полногрудых,
И не вздумай, не бунтуй».
Мужичок собрал овечек
И пошёл за ними вслед,
Бормоча набор словечек –
Заговор от страшных бед.
Вниз по речке прямо к лесу
Овцы кинулись бежать,
А пастух, хоть мал был весом,
Начал быстро отставать.
Мчались всадники за ними
Быстро заскочили в лес,
Мужичок же сам в копнины
Прошлогодние залез.
Знал, в лесу нарыты ямы
Для медведей и волков.
Овцы выведут к ним прямо
Лошадей и седоков.
Там устроило засаду
Войско князя поутру,
Чтобы вражьему отряду
Не гулять здесь по добру.
Бой случился не без толка,
Ускакал ни с чем Мамай,
Получил урок надолго
Больше не ходить в тот край.

Нютины глазки

Вдоль дороги подорожники,
Чудо-лекари, стоят.
В чаще ведьмой навороженный
Совершается обряд.

Глазки Нюточки печальные,
Не моргая, смотрят вдаль.
Не надеты обручальные
Кольца, не пропет тропарь.

Жениха война похитила,
Забрала в бессрочный плен.
Где-то старая раkitина
Охраняет его тлен.

Шепчут Нюте умно лекари:
«Подчинись своей судьбе.
Будь он жив, даже калекою
Возвратился бы к тебе».

Глазки вовсе их не слушают
И упрямо ждут и ждут,
Вдруг придёт с войны к ней суженый –
Сразу к ведьме отведут.

Свидание с прошлым

Иду по бульвару, здесь липы шумят,
Знакомые старые липы.
Вот наша скамейка, где твой тёплый взгляд
Ласкал меня в солнечных бликах.

А летнее солнце на тучах в огне
Плывёт потихоньку на запад.
Устала сидеть за столом в тишине,
И уличный шум мне награда.

Трамвай прозвенит и захватит людей,
Дверь вширь распахнув торовато,
А я без раздумий и всяких затей
Сажусь на скамью, как когда-то.

Меня ты простил и, наверное, я.
Всё в прошлом – обиды и страсти.
Распалась некрепкая наша семья,
Ушло и совместное счастье.

Я дальше иду, и уже на Тверской.
Под вывеской древней «Армения»
Купили когда-то коньяк именной
И фрукты на твой день рождения.

Всё ближе к Кремлю, там, где звёзды горят.
Пройдя Моссовет, переулки,
Спускаюсь под землю. «Охотный ряд».
Метро, окончанье прогулки.
И в Красной стреле полечу к окружной,
В родное уже Тропарёво,
Где церковь стоит благородной княжной
В потоке и шума, и рёва.

ПРОЗА

Евгений ПРУДЧЕНКО

«Зимние письма»

Зарисовки в прозе

Зимние письма тем и хороши, что не имеют ни адреса, ни адресата. Читать их можно в любую погоду, в любой день года. Они не объединены общей сюжетной линией. Вместо сургучной, эти зарисовки скреплены одной большой ледяной печатью, вскрыть которую возможно лишь солнечному свету. Именно к этому свету и обращены «Зимние письма»...

Евгений Анатольевич Прудченко – поэт, журналист. Родился в 1964 г. в Алма-Ате (СССР, КазССР). В 1991 г. окончил Алма-Атинский институт народного хозяйства по специальности «Экономика и социология труда» и «Банковское дело». Работал на производствах и в банковской сфере. В середине девяностых стал журналистом, стоял у истоков ряда казахстанских газет и журналов. Писать стихи начал после тридцати. Автор семи неизданных поэтических сборников, но как поэт нигде не публиковался.

Живёт в Алматы (Казахстан).

ПИСЬМО №1: «Тридцать три километра от границы с Россией»

Казахстанский север. Низкорослые деревья и бескрайние дикие степи, «одомашненные» три четверти века назад плугом первоцелинников. Южному человеку трудно понять здешнюю удивительную суровую природу. Лета пролетают здесь, словно пушинки с тополя, а зимы – порою делятся столетиями. О вечности напоминает и огромное небо с мириадами звёзд. Великодушное небо... Кто бы в него посмотрел – просто так, останавливая Время, а не предугадывая погоду. Заботы, заботы... Земное безвременье: котельная, впавшая в кому, скособоченная изба, полуголодная Жучка, добродушно облаивающая тучи на одном ей понятном собачьем диалекте...

Зима в этих краях останавливается поздно. Земля с трудом оттаивает в конце апреля, готовя себя к августовскому урожаю. В стратегические недра ненасытными вампирами впиваются современные мастодонты-экскаваторы, вываливая на поверхность бокситы, железную руду, редкие по качеству песок да глину. По горстке этой земли брали с собой в «душманский» Афганистан пацаны; восемьдесят один сельчанин честно исполнил свой «интердолг». Так приказала бывшая Родина. Трое остались на той войне навсегда...

Местные ветры не признают времён года. Особенно «хороши» февральские. Кажется, они выдувают из тебя всё – тепло, мысли, надежду... На перекрёстке этих провинциальных ветров – казахстанское село Тарановское. Отсюда до линии, вспоровшей пополам вольную степь и разделившей землю на два геополитических пространства, 33 километра по прямой. За линией – Южный Урал. Степные ветры не понимают, что такое государственная граница...

Дом культуры «Искра». 240 квадратных метров Тарановского районного историко-краеведческого музея не затмят собой шедевры Лувра, Эрмитажа или там Прадо. Но без этих двухсот сорока квадратов история человечества хоть на йоту, да осиротела бы. «Когда образовалось село?» Хранитель музейных раритетов в некотором замешательстве: «В начале двадцатого века...», – и поглядывает на обломки бивней самого настоящего мамонта, невесть откуда взявшиеся в этих краях. Фрагмент юрты и плуг вековой давности, допотопная чаша для кумыса и термос первоцелинника. Аппликация кота из тополиного пуха и филин из обыкновенных древесных опилок – детская необузданная фантазия, необременённая традиционализмом. Вдруг, неожиданное распятие Христа, вырезанное из дерева народным умельцем Куанышем – у творчества нет национальностей.

Виктор – настоящий, всамделишный художник... «художник-оформитель» по записи в трудовой книжке. Он знает, что в его жизни не будет помпезных столичных выставок, вернисажей. Но он пишет картины в своей дэковской кладовке. Пишет не «в стол», не на продажу, хотя его фантазматический холст «Букет» с какими-то веземными цветами по праву мог украсить лучшие галереи мира. А он дарит картины друзьям, знакомым, не ведая, что привносит в их мир кусочки галактического счастья. Это мы здесь, на Земле, корыстны...

Зарплата в провинциальных селениях – горькая память, пропитанная полынным похмельем. Там давно забыли, что на каких купюрах изображено. Раньше начальство рассчитывалось с земляками, точно с подёнными батраками: авансовый мешок муки-сахара по заоблачным ценам, сапожки из коззама, которые покрываются трещинами на здешних морозах через три дня. К великим праздникам выдавали на руки несколько банкнот – «Гуляй, душа!»

Выцыганить свои кровные можно было исключительно в двух случаях: на похороны и на свадьбу. Проводы в последний путь – хоть какой-то, пусть и траурный, но зигзаг в этом опостылевшем безвременье. Для провожающих, конечно. А вот свадьба – для всех.

Свадьбы играют с аномальным размахом, инстинктивно понимая: если не пригласить, то напоить надо всех, «а то обидятся». Сценарий традиционный: выкуп невесты с имитацией поджога сеновала, послезагсовая бешенная езда на «что-то типа “Шевроле”», ближе к вечеру – застолье. Да не какие-нибудь там постные посиделки, а на всю ширь души своей необъятной, наперекор всем рынкам, кризисам, дефолтам – «Давай, братва! Один раз живём!» Если столы с угощением, так на всю степь, и чтоб от яств ломились; если уж водка – так рекой, шире Тобола! И музыка... музыка... музыка... Попсу сменяет

казахская народная, казахскую – русская... Немецкие, греческие, еврейские, азербайджанские песни хороводом несутся друг за другом. Громким эхом «Горько!» Всё будто смешивается в хмельной голове, в языческом танце. Новобрачные улыбки, бесшабашный смех, танцы... и снова – ненасытная музыка. «Играй, музыкант! Уплачено...» (Пыль прошлого и ужас будущего... это на потом – не сегодня.) А на десерт – драка. Редкая свадьба обходится без этого бесплатного мероприятия. То ли традиция, то ли привычка. Кто его знает...

После Великой Октябрьской революции здесь устанавливал Советскую власть Лаврентий Таран – первый секретарь губернского обкома партии. В его честь и было названо это село – Тарановское. Небольшой район, едва насчитывающий тридцать тысяч жителей, а не всякий город сравнится с ним делами да людьми славными. Отсюда был родом Бейимбет Майлин – писатель, просветитель, один из основоположников казахской советской литературы. Это о нём Габит Мусрепов сказал: «Имя Бейимбета Майлина стоит в числе имён созвездия мудрых, талантливых людей» Л. Таран родился в 1893 году. Годом позже – Майлин. Год смерти у них один и тот же – 1938. Военная коллегия Верховного суда СССР приговаривает их к расстрелу «за участие в контрреволюционной деятельности, буржуазно-националистической, повстанческо-террористической и диверсионно-вредительской организации». В апреле 1957 та же коллегия реабилитирует и Тарана, и Майлина, посмертно смыв репрессивный след с их имён. Одна и та же Коллегия...

Во время Великой Отечественной тысячи человек ушли на фронт с этой земли. Один из них, Сейтахан Нурмухамбетович Темирбаев за форсирование канала в центре Берлина 25 апреля 1945 года был удостоен звания Героя Советского Союза. Героями Социалистического труда стали первоцелинники и люди, обустроившие целинные земли Кустанайщины: Дмитрий Иванович Берлин, Артём Анисимович Петренко, «великий строитель» (как его называли друзья) Алексей Иванович Ли Ен Бем, механизатор Александр Иосифович Казачонок, железнодорожник Балгабай Мурзахметов.

Подполковник пожарной службы Леонид Телятников стал Героем СССР уже в мирные восьмидесятые. В апреле 1986-го он одним из первых вошёл в радиоактивное пекло Чернобыльской АЭС. Тронутый мужеством и самопожертвованием Леонида Петровича, композитор Марк Фрадкин посвятил отважному пожарному одну из своих песен; «железная леди» Маргарет Тэтчер с нескрываемым почтением жала крепкую руку героя-чернобыльца.

Два генеральских кителя украшают стены районного музея, куда их сдали на вечное хранение их владельцы. Считают генералы, что не родная земля должна вечно кланяться им за высокие звания, а именно они в неоплатном долгу перед земляками и родимой землёй, выпестовавших их с младых ногтей и воспитавших. Патриотизм глубинки – он никогда «для красного словца». Он всегда честен и немногословен, как присяга...

Провинция, – она и во снах – провинция. Зимой, после Великой битвы за урожай, Время заваливается, что тот медведь – в берлогу. Окоченевшая от безнадежья, земля по ночам всё так же смотрит в огромное пульсирующее

небо. По улицам Пионерская, Комсомольская, Пролетарская бродит скукожившаяся сама в себе ностальгия. И ветры уныло нагоняют тоску по ушедшему времени и неразделённому пространству. Лень верить, лень надеяться, лень любить. Понимаешь, что «лень жить...» – это грех. Но и грешить-то, в сущности – тоже лень. До Бога – далеко, до церкви, до мечети – длинно и холодно...

Осипшими зимними вечерами рука в отчаянье тянется к бутылке. С водкой ли, с самогоном – неважно. Заели: тоска, мысли... Отогнать их, забыться. Хоть ненадолго забыться во хмелю, чтоб за ночь рассосалась в аорте вселенская злость на мать, которая зачем-то тебя родила; на жену и детей, которых ты, здоровый мужик, имея и золотые руки, и, иногда, светлую голову, не можешь прокормить; на государство, обещавшее златые горы, но так ничего и не давшее, кроме этой самой бутылки... И ехать не то, чтобы некуда, а врос ты уже корнями в этот грунт, в эту землю, неизвестно кем названную «малой родиной».

Бутылка, вторая... Всё никак не может опьянеть здоровый мужик. Прошагал по избе, поправил одеяло у изголовья дочкиной кровати: «Спи, цветочек аленький!» бросил небрежный взгляд на спящую жену: «Растолстела, королева!» Собрал в охапку письма, адресованные ей, тогда ещё невесте. Прочёл. Застеснялся: вот ведь какую чушь из армии, почти каждый день, писал. Подошёл к печке, приоткрыл дверцу...

...Дым из трубы свивается в буквы, хрустальное небо на время принимает форму бумаги:

*Всё реже появляются друзья.
В руках – осточертевшая синица.
Всё чаще слово слышится «Нельзя!»
Провинция дороже, чем столица.*

*Вдруг вздрагиваешь: «Снова юбилей?»
Ах, да, того убитого поэта.
И всё ж синица на руках милей,
Чем эхо журавлиного сонета.*

*И нервы дребезжат, как провода,
Как две струны бесстрастного акына.
И ноги направляются туда,
Где родиной становится чужбина...*

ПИСЬМО №2: «Ода родному городу»

На географической карте мира отмечены тысячи населённых пунктов. Путешествия на уроках географии по городам и весям уносили нас в древние страны, от цивилизаций которых сегодня остались лишь руины. В суперсовременные мегаполисы с умопомрачительным количеством населения. Но обладающая зноем Африка, вечнозелёная Австралия, города с диковинными названиями так и оставались на школьных картах абстрактными отвлечёнными географическими единицами. И, покидая классы, мы перемещались в более

чем реальный, самый близкий и родной, самый уютный и понятный, самый звонкий и зелёный, самый-самый лучший город этой жизнерадостной планеты с самым звучным именем на земле – Алма-Ата. Именно тогда – тридцать, сорок лет назад – деревья были выше, небо огромнее, а солнце у подножия северного склона Заилийского Алатау светило много ярче. Самая высокая точка окрестностей тогда ещё казахстанской столицы – Талгарский пик (4973 м) – казалась нам самой высокой горой в мире. Куда там Гималаям, Альпам да Кордильерам...

Алма-атинские ястребы и соколы были размашистее самых огромных кондоров и альбатросов. Да что там птицы... Самый лучший друг жил в соседнем подъезде, а самая красивая девочка на свете училась в параллельном классе и в упор не желала замечать твоих влюблённых красноречивых взглядов. Это уже потом её первый поцелуй превращал Алма-Ату в райские кущи, а все окрестные ландыши и букеты пылающей сирени лежали благоухающими охапками у её ног. Первый школьный звонок, первая любовь, выпускной бал. Всё это было здесь, в городе, рождённом для счастья, радости и любви...

Потом мы повзрослели. Колыбель детства сменили армейские казармы. За тысячи километров от родного дома письма доносили до нас все главные события – «13 мая 1985 года в Алма-Ате выпал снег...» Там, где ты живёшь – душой, памятью или же надеждой возвращения – не может быть второстепенных событий...

Уже в армии мы узнали о каком-то особом статусе алмаатинцев. С нами считались, к нашему мнению прислушивались, уважали за коллективизм и взаимовыручку. Алмаатинец – это было какой-то особой категорией, нечто вроде национальности. С той лишь разницей, что ты был частью не нации, а города, о котором предыдущие призывы солдат оставили в Вооружённых силах Союза добрую славу. Их помнили как «алмаатинцев», без привязки к национальной принадлежности. Процент негодяев и подлецов из числа алмаатинцев был крайне ничтожен. Вероятно от того, что наши дворовые беззлые мальчишеские драки проходили честно: продолжать бой с окровавленным противником считалось дурным тоном, а бить лежащего – верхом неприличия. Именно этому нас учил город, органично сочетающий в себе интеллект, силу и благородство...

Это уже потом, объехав с полсотни городов, появилась возможность сравнить город детства с другими мегаполисами. Это уже потом телевизоры-радио забрасывали зёрна сомнения в чьи-то патриотически неокрепшие души, разливая мёд о закордонном рае. Многие уехали искать счастье на своих исторических родинах. Но до конца своих дней будут помнить свою настоящую родину – и возвращаться сюда, кто в снах, кто на самолётах. Триста тридцать три раза был прав Иосиф Бродский: «Чужбина так же сродственна отчизне, как тупику соседствует пространство».

...Ясное дело – каждый град красив по-своему. Чопорные шпили балтийских столиц, ласковые пляжи приморских курортов, киевский Крещатик, питерский Невский, московский Арбат... Париж, Лондон, Нью-Йорк... Сеул, Стамбул, Дубай... Да разве там тот воздух, то небо, те улыбки?..

Даже в самый пасмурный день здесь пролетают самые родные, самые милые сердцу тучи. Пусть даже и грозовые. Но они пролетают... И небо опять становится ярким и чистым. И иностранные воробьи («вон тот – из Пекина, а тот – из Ташкента...»), получив местную прописку, начинают обживать кроны клёнов, карагачей, берёз... Становясь при этом неотъемлемой частью алмаатинской цивилизации.

ПИСЬМО №3: «Дядя Вася»

При переложении слова «Altruisme» с французского языка на общедоступный, получим когорту людей, острочувствующих и думающих, любящих и сопереживающих, действующих во благо человека, природы, да и человечества в целом... изменяющих мир к лучшему.

«Условия рынка – выживание, жёсткость, конкуренция», – то не для них. «В погоне за хлебом насущным человек теряет Любовь. Исчезает Человек в человеке. Всё больше людей становятся похожими на сухари, которые пора отправлять на панировку. Общаться с ними больно – натыкаешься на что-то твёрдое и острое...» – это не о них, беспечных детях мироздания. Детях, которые и в преклонном возрасте, в самый серый будничный день всегда отыщут крупицу добра, радости, счастья. И обязательно поделятся этой крупницей с ближним, будь то сын, внук, сосед, или же просто случайный прохожий...

Их знают в лицо все окрестные голуби, воробьи, синицы... Они, вместе с соседями, птицами, облаками, живут в нашем городе, в наших дворах, заменяющим им собой всё земное и околоземное пространство. Жаль, что с каждым годом их, почти ровесников XX века, становится всё меньше. Людей, для которых словосочетание «делать добро» – не абстрактная субстанция, а, как это ни банально звучит – образ жизни. Лет 30 назад едва ли не каждый третий столичный (да и не столичный!..) двор имел своего ангела-хранителя. Их ареалом, средой обитания были районы с презрительно высокомерными прозвищами «хрущобы», «микры», «шанхай»... Это там, в помпезных «Новостройках» да «ЦентрАх» был свой жизненный уклад, с казёнными дворниками и управдомами.

А у нас был Дядя Вася. Лысый, в лучезарных морщинах, он бесплатно создавал ту уютную дворовую атмосферу в отдельно взятой точке нашей планеты, ограниченную квадратом пространства четырёх невысоких домов. «Хрущобы»! Мало кто из соседей догадывался, что этот пожилой, с виду неказистый мужчина (язык не поворачивается сказать, произнести – старик) – Василий Данилович, кавалер орденов Красной Звезды и Боевого Красного Знамени, почти сорок лет отслужил старшиной в Советской Армии. Для всех он просто Дядя Вася – как имя, как фамилия... Как символ времени, сделавший эти невзрачные с виду дворы непохожими ни на один другой двор мира. Не по форме, нет – по мироощущению, по внутреннему содержанию. Дядя Вася и был тем «дворником Мира», создавшим вот эту вот цивилизацию. Пусть и на ничтожно малом, дворовом, околodворовом уровне.

Казалось, Дядя Вася может всё или почти всё: паять, лудить, вырезать оконные стёкла, починить нехитрую домашнюю утварь. Отремонтировать механическую швейную машинку «Зингер» или электрическую «Тулу» – пожалуйста. Вскрыть случайно захлопнувшуюся дверь – да нет проблем. Поставить на окно сетку от комаров – запросто. Наружное домовое освещение, каток зимой – всё на нём. Нечасто, но приглашали его третейским судьёй на разрешение внутрисемейных конфликтов. Взять напрокат стеклорез, пассатижи, пилу, лопату, грабли – так это в порядке вещей, в маленьком сарайчике полный набор инструментов. И ведь никак Дядю Васю не отблагодаришь, пустое, – деньги не берёт принципиально («Мне пенсии хватает!»), бутылку дать – так ведь не пьёт («Я своё ещё в армии выпил!»). Вот и хитрят соседи – кто набор немецких пилок да лобзиков презентует, кто дрель шведскую «пользоваться» даст, да про неё и забудет. В дядивасином хозяйстве всё равно, что в своём кармане, на все четыре дома и близлежащую округу хватит.

Индивидуальная помощь – это одно. Ещё на стыке эпох Дядя Вася и со товарищи отстроили беседку собственной, пусть и неказистой, но прочной и надёжной конструкции. С утилитарно-бытовым погребом. В беседке целыми днями вились малыши и подростки с настольными играми, ребята постарше по вечерам услаждали окрест нескладными гитарными аккордами. Двор Дяди Васи гордился собственными скворечниками и единственной на весь квартал площадкой для сушки белья. Так именно создавалась та атмосфера, где было принято собираться всем двором, когда пусть даже и нелюбимого соседа провозжают в последний путь...

Затем Дядя Вася сдал... Ему уже не с руки починить суперсовременный дверной замок или плазменный телевизор. Но есть ещё порох пусть и в изношенных, но сухих пороховницах!.. В отличие от пустопорожних «отцов города», кидающих в массы безыдейный клич «а-ля субботник», «Деды дворов» руководствуются лишь принципом «Проснулся – приведи в порядок планету!». Они берут в мозолистые руки лопаты-грабли, высаживают деревья, цветы – мальвы, лилии, ирисы, астры. И... на глазах молодеют. Причём делают это каждую весну и с каким-то блаженным упорством. На подмогу старожилам уже выходит среднее поколение, выхватывает из рук лопату: «Дядя Вася, дай помогу...» Растёт-таки смена!

Однажды утром Дядя Вася видит на цветнике лишь следы от срезанных цветов. В это трудно поверить, но он улыбается, радуясь опустевшей клумбе: значит, кто-то пошёл на свидание ли, на день рождение ли, и его, Дядя Васи, цветы стали кому-то нужны, пригодились, значит! Он не понимает, что такое менталитет и монетизация, не очень-то доверяют ТСЖ, КСК и прочему... («Как были домоуправлениями – так и остались»), но продолжает и на склоне лет с детской непосредственностью радоваться жизни, оставляя вокруг себя цветы и деревья, бесплатно и бескорыстно...

Дядя Вася сдал. И силы уж не те, и финансовых ресурсов – пшик да маленько. Но на сооружение скамейки-то много ли сил да средств надо? Это в тамошней Германии бизнесмены-бюргеры дарят городу заказанные на заводах скамейки с именными табличками (мол, смотрите – это Я подарил), наши же деды берут три бруса, стягивают их хомутами и намертво вкапывают в

землю. А уже на следующий день вместо бизнес-таблички на скамейке появляется что-то до боли родное «Джон+Валентина=...» и пронзённое стрелой сердце...

Где не хватает собственных сил, Дядя Вася созывает ватагу пацанов, и они вместе за пару-тройку дней сооружают ворота из металлических сеток кроватей, вытащенных из подвала. Пусть ребятня в футбол играет, на мяч родители скинутся. Те же подростки водружают на одиноко стоящий столб щит со старым велосипедным обручем, обтянутом старой волейбольной сеткой. «Стритбол? Ну, пусть будет стритбол...» Уходящее поколение не понимает неологизмов...

Песочница... Много ли ума надо? Четыре доски, тонна песка (привёз сосед из 27-й квартиры), лёгкий изящный грибочек из фанерно-подручных материалов, покрытый водоотталкивающей краской, стилизованный под «солнечный зайчик». Фирменный дворовый стиль!..

Одевается Дядя Вася кое-как. Под, хотя и залатанными, но опрятными одеждами – израненное тело. Шрамов под одеждой не видно, видна душа. Она – как расплёсканная солнечная пыль – её не видно, но она светится!

Намедни к Дяде Васе подошёл карапуз: «Дедушка, а как делается скворечник?» И с дедушкиного лица в одно мгновение исчезли все грозовые годы. Выцветшие зрачки, как по мановению волшебной палочки стали яркими и чистыми, обволакивая родной двор любовью и надеждой. Значит, грядущей весной опять защечечут возле его дома воробьи, скворцы, голуби, слагая из звуков оду любимому городу, в котором свиты их птичьих гнёзда, в котором они поют и выращивают птенцов. В городе, заменяющем им собой всё земное и околосреднее пространство. Значит, на смену Дяде Васе придёт этот самый розовощёкий карапуз, который вместо стенаний по поводу неудачных климатических условий, загазованности и кислотных дождей, просто станет высаживать деревья, писать стихи и разводить цветы...

Так продолжается Жизнь. А вечным двигателем этой жизни является Любовь, неиссякаемая сила которой заключена уже в самом её существовании.

ПИСЬМО №4: «Зимняя душа»

У неё два возраста. Биологический – по паспорту ей нет ещё и сорока. И эфемерный – она воспринимает окружающий мир с детской непосредственностью.

У неё две фамилии. Одна – по праву рождения, наследство родителей. Другая – по факту замужества, с которой она никак не может свыкнуться.

У неё два образования. Журналист – детская мечта и вера в могущественную силу Слова. Педагогом-психологом стала уже в зрелом возрасте, имея за плечами спорный опыт воспитания двух обыкновенных пацанов.

У неё два места работы. Помпезный глянцево-журнал – для кошелька и имиджа успешной леди. Малотиражная педагогическая газета – для выплеска своих болей, обид, личных переживаний.

У неё два мужа. Утилитарно-бытовой – для хозяйственных нужд и воспитания их общих чад. И наёмный, небесный романтик – облегчающий её земное, каторжное существование.

У неё два сына: великовозрастный красавец-оболтус и маленький гений, рисующий на стенах квартиры облака, на которых цветут подсолнухи.

У неё две... души. Металлическая, хоть и из благородного металла. Плюс душа с виду невидимая – деревянная. А, может быть, уже и пепельная... Но! со стороны ведь всегда виднее – душа у неё Зимняя. Взять только одну фразу: «Через розовые очки на мир смотрят только святые и идиоты».

Часть первая: «ЗОЛОТОЕ ПЕРО»

Разговор с ней, как согласие, причём согласие обоюдное, пройти тест-допрос на своеобразном полиграфе, разумеется – анонимно. (Согласитесь, допрос есть наиболее эффективная форма диалога...). О журнале – ни слова. Это «на вынос». Это – не интересно: «Ну что за прелесть в амальгаме?»

Она не экстремист, но искренне считает, что не писательство, но журналистика – сродни революции. С той лишь разницей, что победоносные революции меняют политический строй, общественно-экономические формации, а журналистика (вот тут – вкуче с писательством) – меняет человеческое сознание. Ей неоднократно предоставлялась возможность совершить революционные преобразования в тиражноуспешных, но ангажированных изданиях. Она предпочла путь иной, обычного редактора Газеты для родителей, и теперь совершает «бархатные революции» в умах и сердцах школьников и их родителей. В том издании нет и намёка хоть на малую толику журналистской славы...

—Глава, удел ленивых. Карьера – амбициозных. Ни на то, ни на другое у меня просто нет времени. Я воспитываю двоих детей. Как мама хожу с ними в школу, гуляю во дворе, познаю заново окружающий мир... А как журналист вижу, что в современном обществе нет реальной силы, способной протянуть руку помощи детям, подросткам. Да, есть социальные институты, государственные учреждения, неправительственные организации. Но все они где-то очень далеко и абстрактно. Глобальные проблемы детей и юношества решаются в высоких кабинетах как-то аморфно и нестерпимо долго. Родители, и только они в силах искренне, оперативно помочь своим детям. Помочь локально – здесь и сейчас. Чем больше я это понимаю, тем больше вижу: у родителей нет элементарно-необходимых знаний – педагогических, экономических, юридических... Пыталась сама, собственными силами открыть дворовый клуб. Бесплатно, на общественных началах. Все благие намерения хоть как-то скрасить подростковый досуг, упёрлись в десять долларов за квадратный метр аренды помещения. Прошёл век энтузиастов. Газета для родителей – своеобразный зонтик безопасности для детей. Негласный девиз издания: «Если не мы, то кто!» Но детей надо не укрывать от проблем, а помогать им безопасно плыть по волнам жизни в этом добром, уютном и удобном зонтике.

— **Т**ворческие амбиции? Здоровые творческие амбиции это что, — богемные тусовки, популярность, заграница, да!? Храни нас Бог от этой мишуры. Я из простой рабочей семьи. Мои родители — простые люди, никогда и не помышлявшие о каких-то высоких пьедесталах. В детстве, в ограниченном пространстве коммунальной квартиры, родители ставили меня на высокий стул, с которого я с нескрываемым удовольствием декламировала стихи, пела песни. В моём нынешнем возрасте начинаешь понимать — залезть на стул не самоцель. Важно, чтобы тебе было что сказать. То неважно — городу или миру. А читать с пьедестала чужие стихи — много ли ума надо? Если же считать здоровыми творческими амбициями пользу от журналистских публикаций, то они у меня есть. В этом случае я — максималистка, и до сих пор верю, что журналистика — один из революционных способов воздействия на сознание для изменения в лучшую сторону души человека, его быта, сознания, да и жизни в целом...

— **Б**ольшая Журналистика?! Сверхстранное деление профессии на «большую» и «не очень». Массовое чтение, будь то СМИ или литература, далеко не всегда отличается высшей пробой. Что считать эталоном «Большой Журналистики»: иллюзорную борьбу за деньги и власть, скандальные светские репортажи, антикоррупционные разоблачения, садистские подробности криминальных хроник? Если в нашей газете, в моей статье читатель отыщет хоть одну-единственную крупницу счастья, добра, радости девятьсот девяносто девятой пробы, то и пять тысяч экземпляров Газеты значат много больше, чем самая разболевшая журналистика.

— **З**вали поработать за рубежом. Только мне милее «родное болото». Смысл, завоёвывать большие города, брать штурмом крепости... Интересная работа есть везде, надо только оглянуться. Главное, чтобы работалось душевно, тепло, красиво. Чтобы внутреннее «Я» совпадало с выбранным направлением. Хотя... Если человек уехал «за туманом», счастьем, любовью — обязательно найдёт. Если же отбыл в поисках лучшей доли, дабы реализовать себя на бескрайних информационных просторах, то всё зависит от воли случая. Кто-то растворяется в закордонном информационном пространстве, кто-то спотыкается о языковые барьеры. Кто-то удобно устраивается. И всё равно, хоть изредка, но шлёт в свои бывшие издания материалы, в которых нет-нет, да и промелькнут нотки неизлечимой ностальгии...

— **Б**ытует мнение, жанр «розовых слёз» уже исчерпал себя. Да пусть назовут это как хотят, «розовые слёзы», «слёзы в сахаре». Но это материалы, написанные искренне, с любовью, от души. Я не миссионер по размягчению чувств, но хочу и буду говорить о теплоте человеческих отношений. Пусть даже и «розовыми слезами». И в то же время подчас журналистское перо острее скальпеля хирурга. Вопрос в другом: где та грань, когда добро переходит во зло, розовое в ядовито-фиолетовое? «Врачу — не навреди». А журналисту? А писателю? Или же видеоблогеру? Впрочем, человек, индивидуум зачастую сам находится, оказывается между жерновами чёрного и белого цветов. Не радостно, что сейчас в моде другие цвета — чёрные, жёлтые, голубые... Вполне возможно, что мир тем хорош, что гипермногоцветен. Ведь нет предела совершенству... Я весьма уважаю людей, которые, прочитав всего

одну книгу, смогли кардинально изменить свою жизнь. Серьёзно. Есть хорошая поговорка: «Бери один урок, но повторяй его тысячу раз». Всё, что я знаю, умею и делаю — всё это и есть один большой урок, учителями на котором выступает не обезличенное «общество», чаще, мои дети. Хотя контекст жизни, разумеется, всегда разный.

Зарисовка с натуры: «СНЕЖНАЯ МАМА»

Как-то знакомые отдыхали в живописном зимнем лагере у самого подножья горы. С виду ну просто семейная идиллия: муж, жена и ребёнок, мальчик лет пяти, шумно катались с горы на санках, изредка прерываясь на чайную церемонию, весело смеялись. Затем все вместе начали лепить снежную бабу. Скульптура получилась просто на загляденье: пышный бюст, трепетно вылепленный папой, нос из еловой шишки, любовно приделанный сынишкой, плюс косынка из мамино мохерового шарфа. Мальчуган в восторге закричал: «Папа, папа, смотри: как эта Снегурочка на нашу маму похожа!» Выражение лица мужчины в момент стало каким-то задумчивым и где-то даже одухотворённым. Он неспешно стал лепить снежки и размеренно, целенаправленно метать их в снежную бабу. Сначала у неё отвалилась одна рука, потом вторая. Затем с головы упал шарф... Ребёнок в полной растерянности стоял и хлопал глазами, на которые наворачивались слёзы, а потом навзрыд заплакал: «Папа, папа! Ты зачем нашу маму убиваешь?!» Меньше, чем через год семья распалась...

Часть вторая: «ДЕРЕВЯННАЯ ДУША»

Она не двуличная, нет. Просто где-то там, внутри неё, сиамскими близнецами срослись две души: первая — напоказ, для профессиональных подиумов, коллег по работе... Вторая, деревянная — для внутреннего пользования. Эту не видит никто. Никто не видит, что с каждым днём дерево всё больше и больше обугливается, превращаясь в головешку. Под зимними снегами душа всё равно становится, станет «Зимней»...

«**В**ы думаете, я несчастная? Всё обстоит гораздо хуже. Мне — никак...

Каждое утро я уговариваю себя, как маленькую, встать с кровати и маленькими шажками дойти до ванны, умыться. Это становится болезненным ритуалом (уговаривание), но встать, как раньше — бодро и весело, с пол-оборота включиться в эту жизнь, у меня уже не получается, да и не хочется. А надо...

Надо проводить старшего сына в школу и на дорожку обязательно сказать что-нибудь тёплое. Надо собрать и младшего сына. Но сделать это так, чтобы его день начался солнечно, легко и сладко. Он ведь ещё такой махонький. Надо пообщаться с мужем, хоть несколько минут перед работой, прежде чем между нами кирпичной стеной ляжет долгий день разлуки. «Но что же могу я ему сказать!?» И ещё надо хоть чуть-чуть привести себя в порядок, например, нанести на лицо «боевую раскраску». На работе ведь — люди. Надо выглядеть. И я выглядываю из самой себя — настоящей, уставшей и вялой и ищу, ищу себя другую. Но не нахожу, не вижу, не чувствую. И уже кажется, что так будет всегда. Или так оно и было?

Однажды старший сын упрекнул меня в том, что я в своей жизни ничего не добила: не заработала денег и не обзавелась традиционными благами. Я ему тогда сказала: “Зато у меня есть ты. Ты и есть моя карьера. Можно было профессионально расти – многие подружки так и сделали, а я выбрала семью. Для меня семья много стоила”. Но я не убедила сына. И себя не убедила тоже. Какая семья? Вот эта самая, в которой так много надо – и ничего не хочется...

И сразу же нахлынули воспоминания: повылазили обиды, заскреблось недовольство, вспомнились разногласия. Много лет подряд, пытаюсь сохранить свою семью, я искала пути примирения с чуждым мне воспоминанием, с неумением любить, устраивать праздники по пустякам и с жуткой душевной приземлённостью. А примирения всё равно не получилось. Внешне я вроде бы смирилась – да. Но пока искала другие входы и выходы, внутри всё будто разрушилось.

Сейчас ещё не повзрослевший сын часто спрашивает: “Мама, ты меня любишь?” Его вопрос мне кажется диким, недетским. Конечно, я его люблю. Я это знаю. А как же иначе? Но честно сказать, не чувствую. И он, бедолага, это ощущает, мается. От мамы – внешне успешной, заботливой, ласковой – веет холодом. Деревяшка.

А не помню, когда начала деревенеть. Наверное, со дня замужества. Сразу не сложились отношения с мамой мужа. Она считала, что картошка и хлеб – это всё, что нужно иметь в жизни. Я думала иначе и в результате превратилась в её глазах в капризную “принцессу”, которой зачем-то надо учиться, работать, читать на ночь сыну книжки. Лучше бы надела фуфайку и в огороде поработала. Идеиные разногласия заставили меня ходить на какие-то заумные семинары, искать ответы на свои вопросы: может быть, и впрямь человеку ничего не нужно, кроме хлеба, постели и выводка детей? Я даже попыталась изменить себя. Зачем? Чтоб не чувствовать боли. Жить было больно. Его мама мне с первого дня сказала: “Я жила плохо. Почему ты должна жить хорошо?” Поэтому очень долго всё было плохо. Муж молчал. Я сопротивлялась, не хотела жить просто так. Хотелось высоты и полёта. Тянулась вверх изо всех сил и, наверное, надорвалась.

Когда у меня не стало моей мамы, очень близкого мне человека, оглянулась вокруг, ужаснулась. Кто рядом и зачем? Чужие люди, с которыми я прожила много лет, стараясь сделать им что-то приятное, остались чужими и далёкими. Я больше не могла называть свою свекровь “мамой”. Никакая она мне была не мама. И я разрешила себе называть её по имени-отчеству. Это была крошечная революция. Я решила отказаться от своего правильного воспитания и жить честно, но без общих правил. Моё воспитание, где на первом месте стояли “надо, долг и обязанности жены”, уже давно превратили меня в муляж коровы со стеклянными глазами. И никому до этого не было никакого дела. Вроде бы я есть и даже живу, всё делаю, но ничего не чувствую и не хочу жить. Однажды я попробовала об этом сказать мужу. Он не понял, что это я о себе говорю. “Вечно ты всё усложняешь. Живи проще”, – посоветовал он и “пошёл себе жить дальше”.

В этом жутком деревянном состоянии я умудрилась родить второго ребенка. Дура, конечно – думала, что он спасёт меня. Заполнит мою жизнь нежностью и любовью, оторвёт от невесёлых мыслей и вопросов. Он заполнил мою жизнь бессонными ночами, серьёзными проблемами со здоровьем и тупыми угрызениями совести: “Зачем я это сделала?” Хотела счастья...

...Иногда по утрам мне удаётся довольно ловко приладить к своему лицу маску счастья. Я надеваю нехилый костюм, сажусь за руль автомобиля, отмечаю, что в глазах ещё есть дымок (но порох давно взорван), включаю “Сувениры” Демиса Руссо и жму на газ. Еду на работу, как в последний раз в жизни. Жадно всматриваюсь в прохожих. Они такие живые, разные, цветные. Картинки счастья. Щурюсь на солнце. Оно греет. Как трава, пытаюсь впитать, вобрать в себя тепло. Говорю себе, что сегодня я буду настоящая. И от души нюхаю цветы на прилавках и у цветочниц. Глубоко-глубоко вбираю тонкий запах и фотографирую зрачком (“щёлк” – на вечную память внутри) буйно-жёлтую фрезью. Обалдеть!

В такие дни я почти что счастливая. Живая. Но эйфория, бегство от себя, несчастной, длится недолго. Как правило, домой я возвращаюсь уже прежней: стереоэффекты души рассеиваются прямо на пороге. Усталость, точно она медведем стоит у двери, тут же наваливается на меня и мнёт, мнёт, мнёт. Я смотрю на своих детей, которые ещё хотят жить и думают, что у них это получится, и мне становится страшно. Неужели и они когда-нибудь испытают то, что испытала я. Разочарование и неспособность очаровать саму себя тем, что я есть. Просто есть.

Тут, правда есть один небольшой нюанс – весной, весной я ненадолго оттаиваю...»

ПОСЛЕСЛОВИЕ: «Патетическое»

Село уже утонуло... Город же постепенно, гордо тонет во мгле, словно ночная книга, обрастая с наступлением тёмного времени суток мириадами огоньков. Разноцветные источники света делают его похожим на громадный межзвёздный корабль, уносящий своих обитателей в безбрежный океан снов и удивительных приключений...

Социологи, психологи, статистики садятся за подсчёт нелепого: мнений и голосов. Что, снова!? Выборы, выборы, выборы... В цезари, в сенат, в наместники. Избиркомы достают из урн прах кандидатов.

Нас много, нас очень много. Нас целых семь с половиной миллиардов!

Жителям Тарановки перед выборами выдают зарплату – к избирательным урнам они попадут нескоро... Дядя Вася не дожил до прекрасной «цифровой» эпохи... Деревянные души проплывают мимо... Мимо чего? Мимо всего...

Нас мало, нас очень мало. Нас всего-то семь с половиной миллиардов... Капля в огромной галактической цивилизации. И, вероятно, нет ничего прекраснее на земном шаре, чем добродушная улыбка на лице человечества.

*Шар Земной во Вселенной летит,
добрый, ласковый, точно кит,
и свободный, как человечество.*

ПОЭЗИЯ

Анатолий СМИРНОВ

Анатолий Павлович Смирнов – родился в 1957 г. в Рыбинске. В 1990 г. окончил Литературный институт им. А.М. Горького (мастерская Э.В. Баклашова), автор книг стихов «Осенний человек», «Предошущения», «Чернила и сугробы», «Здесь и Там», «Своё, человеческое...», «Непотайное», член СП России.

Живёт в г. Рыбинске.

«Слова меняют смысл, как человек желанья...»

Пушкин

На свете счастья нет, а есть покой и воля.

А. Пушкин

... историки к его обидам нижут,
мол, Пушкин шалым юношам в пример
был властью камер-юнкерством унижен,
другое дело – стал б он камергер.

Но тяготил любой капкан мундирный
его, певца свободы и любви
с умом провидца, с русской и всемирной
душой, со знойной Африкой в крови.

Что Гекерн, Бенкендорф, Дантес и доля,
глупцов вокруг терпеть иль не терпеть,
какой там выбор, – в мыслях только воля,
а если воли нет, то лучше – смерть!

Мёд грусти полевая Русь
Цедила в сердце моё смолоду.
Теперь, как перец, её грусть,
Вот вышел на простор из города:
Чертополоха пух кружит
По пустырям, что были нивами,
Над местностью, где долго жил
Я идеалами фальшивыми.

Так жил, чтоб на земле отцов
Дожить до возраста, как лезвие,
Что не находит образцов
Ни в человеках, ни в поэзии.
Не потому нет образцов,
Что стал я князем между панами,
А оттого, что заросло
Лицо Отечества бурьянами,
Что гложет в них живой глагол
Под ветра дьявольскими мессами,
Что мой народ меня увёл
Туда, где душу делят с бесами.

Несвершённое

Есть жизнь живых, есть память об умерших,
И где-то в них шевелит плавником
Свершённое, уловленное в верши
Незримого тобой как рыбаком...

Тебя забудут – чистой каплей брызнет
Свершённое кому-то в грусть и в смех...
Твоё же несвершённое по жизни
Навеки уплывает мимо всех...

Слова меняют смысл, как человек желанья
С течением дней и лет, с ветшанием телес.
Для деда моего, что в поле вышел ранью,
Иным был свет зари, иным был свод небес.

Живой была земля, живым был каждый стебель
И ржи, и ячменя, мерцающий в росе,
И божий лик всегда он въяве видел в небе,
И божий мир всегда пред ним вставал в красе.

И четырёх сынов да трёх упрямых дочек
Он, пахарь, в жизнь поднял и Богу преподнёс.
А в смерть ушёл легко, как в сон спокойной ночи,
Пред смертью объявив, что звал к себе Христос.

И смерть его тоской на ближних не повисла, –
Остался мудрый лик, остался мудрый свет...
Слова меняют смысл, но возвращением смысла,
Что дал словам Господь и занят здесь поэт.

Зимний день проплывает во мгле
серых туч и свинцового света...
Надо ль было мне жить на земле?
Ничего я не знаю про это!
В клетках зданий, на дне площадей,
на дорогах – пешком и в вагоне,
слишком много встречал я людей,
слишком мало о людях я понял.
Разбухала, ломалась страна,
и надежду сменяла досада...
Жизнь странна, потому что одна,
а второй мне, загробной, не надо.
Годы били и в ухо, и в бровь,
бил и я... Ну а что же в итоге?..
Всё прошло – и вражда и любовь,
кроме мыслей о людях и Боге.
Да чуть брезжит бессонниц внутри
между мыслей, что лжи суесловней,
то ли проблеск рассветной зари,
то ли крест над погостной часовней.

Страна чингизидов

Кыргыстан – это по-киргизски, а по-русски Киргизия, официально – Киргизская Республика, государство в Центральной Азии, находится в западной и центральной части горного массива Тянь-Шань. Население – чуть больше шести миллионов человек.

В Среднюю Азию (раньше говорили Средняя, а не Центральная) во времена СССР часто ездили туристические группы по линии профсоюзов. На многих предприятиях существовали профкомы, обеспечивающие своим сотрудникам поездки по стране по разумным ценам. И все равно Средняя Азия казалась не дешёвой. Не близко всё-таки. Но Киргизия, а именно Киргизская ССР, и тогда стояла особняком. Я не помню, чтобы кто-то из моих знакомых там был.

А я переписывалась с ровесницей, которая проживала где-то в Киргизии. В мои школьные годы это была популярная затея – заводить друзей по переписке. Приятельница прислала мне как-то открытку с фотографией озера Сары-Челек. Именно с этой открытки друг нашей семьи Николай Власов написал мне картину в 1975 году. Я её берегу, она висит у меня дома. И вот с тех пор уже больше сорока лет я хотела попасть в те края. Наконец-то появилась такая возможность.

Правда, до озера Сары-Челек я не добралась. Но в Киргизии побывала.

*Марина Анатольевна
Замотина – литератор,
журналист, Заслужен-
ный работник культуры
Российской Федерации.
Живёт в Москве.*

Исторические противоречия

Свой рассказ о Киргизии всё-таки правильно будет начать с истории. Пусть кратко, но всё же.

«История племён кочующих и вообще народов, не имеющих письмен, заключается в их полубаснословных преданиях, нежели в фактах, и представляется нам в виде хаотических противоречий, заимствованных из китайских и восточных историков».

Писал Чокан Валиханов (1835–1865), учёный, исследователь, чингизид (торе), правнук знаменитого Аблай-хана и внук султана Уали (Вали)-хана. В первом путешествии на Иссык-Куль в 1856 году им был собран большой по объёму материал для словаря киргизского языка, записано и переведено много киргизских былин и песен. Он открыл миру памятник киргизского устного творчества, эпос «Манас», записал и перевёл на русский язык отдельные главы эпоса. Валиханов оценил его как выдающееся произведение восточной устной традиции. Именно ему принадлежит определение, данное им «Манасу», как степной «Илиады». А продолжение «Манаса» поэму «Семетей» он охарактеризовал как восточную «Одиссею». В результате этих поездок им были написаны «Дневник поездки на Иссык-Куль», «Записки о кыргызах», «Очерки Джунгарии», «Западный край Китайской Империи и город Кульджа».

Именно с работ Чокана Валиханова и началось моё знакомство с Киргизией.

«Главным источником для истории народов кочевых и вообще племён, не имеющих письмен, были и будут их легенды и отрывки известий из летописей цивилизованных народов, с которыми они имели столкновения. Особенно это справедливо в отношении наших кочевников Средней Азии. История нам говорит о них очень мало, о других совершенно ничего. Самые древнейшие письменные известия о судьбах древних поколений кочевников монголо-тюркского племени мы находим в китайских летописях, а с XI века – в сочинениях восточных историков.

Обширные и привольные степи Средней Азии, обильные пастбищами и водой, были населены в надревнейшие времена бесчисленными ордами отдельных кочевых поколений. Поколения эти, беспрестанно меняя места своих

кочёвок, являлись под разными именами: то под родовым названием своего поколения, то под коллективным именем сильного, влиятельного рода. Одно племя усиливалось, соединяло все другие и давало им своё имя. Таковы были союзы племён – хунны, ойхоры и монголы. Миграция одного поколения, стеснённого другим, порождала всеобщее движение, всеобщую

перемену кочёвок. Это-то обстоятельство и составляет величайшую трудность при исследовании происхождения современного нам кочевое поколения, тем более что единственные для того источники – китайские летописи и восточные хроники – не отличаются последовательностью и точностью».

Валиханов отмечал, что «сам способ тонического переложения иностранных имён на китайские иероглифы через какие-нибудь китайские слова, по звуку близко подходящие к настоящему имени, недобросовестность китайцев, которые жертвовали при этом точностью для того, чтобы выразить своими иероглифами злую насмешку, наконец, непоследовательность, с которою следили китайцы за переворотами орд варварских – особенно в период между династиями Тан и Юань – делает вопрос этот далеко не таким ясным, как бы следовало ожидать от множества фактов, сохранённых их историей».

Даже во времена СССР разобраться, кто и где проживает, не говоря уж о том, кто и где кочует, было не просто.

Как и в дореволюционной России, в первые годы существования Российской СФСР использовались ошибочные этнонимы: казахский этнос именовали «киргизы» или «киргиз-кайсаки», а киргизский этнос именовали «кара-киргизы», соответственно созданную в составе Российской СФСР первую казахскую автономию именовали Киргизская АССР (1920–1925), а образованную в составе Российской СФСР в 1924 году первую киргизскую автономию именовали Кара-Киргизская АО (до 1925 года).

В 1925 году бывшая Киргизская АССР была переименована в Казахскую АССР, а бывшая Кара-Киргизская АО была переименована в Киргизскую АО. С 25 мая 1925 года термины «Киргизия» и «Киргизстан» применяются к территории, на которой располагается современное независимое киргизское государство.

В период распада СССР, одновременно с провозглашением суверенитета союзными республиками, одной из которых была Киргизская ССР (кирг. Кыргыз ССР), в ряде республик было произведено переименование русских названий стран и городов в соответствии с фонетикой языков титульных этносов. Так в Киргизии вместо традиционного русского названия страны «Киргизия» официально и повсеместно стали употреблять название «Кыргызская Республика» и «Кыргызстан» (кирг. Кыргыз Республикасы). Это же название страны используется в перечне государств-членов ООН.

Ч. Валиханов писал: «Когда империя монголов разделилась на орды между детьми Чингисхана и когда эти орды после долгих смут разделились ещё на мелкие уделы между ханами, эмирами, в Средней Азии являются два новых элемента жизни – городской и кочевой, составившиеся из соединения

победителей и побеждённых. Кочевники эти являются или под совершенно новыми именами: узбеков, ногаев, казаков; или под именами поколений, бывших ещё до Чингисхана, как, например: киргизы, манкиты (или каракалпаки) и урянхай. Эти новорожденные орды из союза монголов или орды, временно участвовавшие в коллективе племён монголов, чтобы опять встретиться под старым родовым именем, не имеют никаких историй, кроме преданий. Абульгази, историк монголо-тюркских племён, писавший свою историю после возрождения этих народов и сам принадлежавший к узбекам, не старается ни сколько это разъяснить.

Ещё один любопытный факт:

Дикокаменная Орда не имела с самых древнейших времён ни ханов, ни султанов, ни беков, а управлялась своими старейшинами патриархально. Предание гласит, что однажды они, киргизы, просили хана (имя и из какого народа неизвестно, некоторые называют его Джанибеком). Киргизы просили этого хана дать им на княжение младенца-сына своего Джучи. Хан согласился и, посадив сына своего на детское седло (анамай), вручил его на руки посланцев. Но по дороге в Дикокаменную Орду молодой хан попал в стадо куланов и, увлечённый ими, был убит.

Валиханов писал:

«Дикокаменные киргизы сами себя называют просто киргизы и под этим именем известны у всех среднеазиатских мусульман. Только киргиз-кайсаки иногда придавали им приличные прилагательные: белошапочные (аккаптакты), характеризующий их костюм, и чёрные (кара). Последний эпитет требует пояснения.

По генеалогическим воспоминаниям, киргиз-кайсаки принадлежат двум разным началам: белой кости – благородному, происходящему от воплощения солнечного света, и чёрному, происходящему от смертного человека без участия всякой сверхъестественности. Султаны, составляющие дворянство, белую кость, имеют сверхъестественное начало, воплощение солнечного света, и простой народ (чёрная кость) считает своим родоначальником смертного человека Алача.

У дикокаменных киргизов как владельцы так и киргизы имеют общего родоначальника и по происхождению составляют одно нераздельное тело – народ. Эпитет дикокаменные, закаменные, даны им русскими для отличия от киргиз-кайсаков, а также характеризуют орографические свойства, особенности их земли».

Столица горного края

Бишкек – современная столица Киргизии. О названии города известны разные предания. По одной из версий, «Бишкек» – это имя местного богатыря, Бишкек-Баатыра, совершившего много полезного для простого народа, жил он здесь в XVIII веке. А вообще слово «Бишкек» в переводе с кыргызского означает «мешалка для взбивания кумыса (напиток, получаемый из кобыльего молока)».

Но, кроме того, по мнению некоторых историков и писателей, слово «Бишкек», означает «передняя, лицевая часть счастливой, прекрасной горы (горы Байтик), а также пятистенной крепости». Город Бишкек (а точнее территория,

на которой расположен современный город) был известен ещё с VII века, как городище Джуль (Кузнечная крепость).

Однако только лишь в 1825 году на территории Чуйской долины была образована кокандская крепость Пишпек, в которой размещался крупнейший гарнизон. Два раза – 4 сентября 1860 года и 24 октября 1862 года – крепость брали русские войска. В ноябре 1862 года она была разрушена, а на её месте двумя годами позже был установлен казачий пикет, затем здесь стал собираться базар. Позднее, уже в апреле 1878 года в связи с переводом в Пишпек центра уезда, селение получило статус города.

С октября 1924 года город стал административным центром Кара-Киргизской автономной области, затем административным центром Киргизской автономной области. В 1926 году Пишпек был переименован во Фрунзе в честь уроженца города, советского военачальника. С 1936 года Фрунзе носил статус столицы Киргизской ССР. А уже после обретения независимости, 1 февраля 1991 года, по решению Верховного Совета Киргизии, городу вернули прежнее название Бишкек.

Город сегодня малоэтажный. Дома высотные, конечно, есть. Но их мало. А вот что сразу бросается в глаза, – обилие парков, зелени и цветов. Индивидуальная черта города именно в строгой планировке улиц, которые пересекаются только под прямым углом. Жители Бишкека справедливо гордятся тем, что улицы их столицы так густо засажены деревьями и кустарниками. Это и в самом деле уютно! Действительно, зелени невероятно много. А какие широкие улицы! На них и домов не видно. Если учесть, что деревья высокие, а дома низкие. Наверное, тут в жару прохладно.

Мы прогулялись по центру Бишкека. Здесь, теоретически, находится большинство музеев, галерей, магазинов, парков, скверов, площадей, ресторанов и кафе. Но из-за обилия зелени не всё видно при пешей прогулке. В Бишкеке много памятников, монументов и парковой скульптуры. Стоит памятник Ленину. Правда, сейчас он расположен не на главной площади, а за ней, но и это приятно.

Зато памятников Манасу, герою местного эпоса – два, причём установлены они недалеко друг от друга. Старый и новый. Один в традиционном «богатырском» понимании, другой – в местном. У кого-то сабля кривая. У кого-то прямая. Я не разбиралась, но конные памятники вообще впечатляют. Согласно сведениям нашего гида, в Бишкеке имеется 20 национальных парков, 4 искусственных водоёма, 6 плавательных бассейнов, 10 театров, 5 мемориальных музеев под открытым небом, 8 специализированных музеев, а также другие скверы культуры и отдыха. На самом деле создалось впечатление, что парков и скверов тут какое-то невероятное количество. На площади Победы горит Вечный огонь.

Красив дубовый парк, где имеются белки, как сказала нам гид. Белки нас не встретили, видимо, не привыкли шастать по улице в такую рань. А вот разная парковая скульптура как стояла под открытым небом, так и стоит в свободном доступе. Выполненные в камне, металле и дереве скульптуры расположены здесь в одиночку и группами вдоль парковых аллей, дорожек, а некоторые просто среди деревьев на зелёных лужайках.

К дубовому парку прилегает так называемый «Бишкекский вернисаж» – галерея Эркиндик, где можно посмотреть работы местных умельцев и художников.

Красивый оперный театр. Но всё довольно скромно.

Город расположен в Чуйской долине, в предгорьях Тянь-Шаня, у подножия белоснежных гор Кыргызского Ала-Тао на высоте 800 м над уровнем моря, в 25 км от границы с Казахстаном. Бишкек был основан всего лишь в 1825 году, что для истории не больше секунды. Поэтому за неимением прошлого киргизская столица соответственно и не имеет памятников прошлого. Откуда же им взяться. Но в один из музеев мы всё же попали. На обратном пути. Судьба как-то сама распорядилась правильно, мы не остались в горах, а приехали в столицу.

По пути в город остановились в презабавнейшем месте, в парке «Гавайи». Некий небедный житель взял в аренду землю (или купил). Устроил там парк с зоопарком и всякими развлекаловками. Такой кич! Есть, правда, несколько уникальных скульптур – из шин, железок и пр. Но сама идея хороша. Бесплатный парк развлечений! Сюда приезжают гулять взрослые и сильно немолодые киргизы, юные и не очень киргизочки с очаровательными киргизятами. Здесь много празднующей публики, гуляющей по дорожкам и мостикам между прудов и фонтанов.

В городе кроме рынков, о которых лучше не рассказывать – туда нужно идти, непременно нужно посетить Мемориальный дом-музей имени Михаила Фрунзе. Это одно из самых старых строений в истории Киргизии. Саманный домик с соломенной крышей, в котором в 1885 году родился Михаил Васильевич Фрунзе, в 1925-м его обнесли новыми стенами, построили вокруг него и над ним новое здание и открыли музей. За прошедшие годы он пережил немало изменений, а площадь экспозиции увеличилась в несколько раз. Я жалею, что мы не располагали временем. Экспозиция невероятно интересная. На третьем этаже музея – а именно оттуда нужно начинать осмотр экспозиции – собраны материалы о жизни Михаила Васильевича. Здесь можно найти информацию о его родителях и родственниках, увидеть личные вещи М. Фрунзе. Представлены различные вырезки из газет, фотографии, планы-карты, по которым он двигался во время военных действий. А также несколько скульптурных изображений Фрунзе, как ребёнка, так и взрослого мужчины. Здесь же находится кабинет Михаила Фрунзе, диван, рабочий стол, фонола. Экспозиция второго этажа представляет наследие Фрунзе. Это различные фотографии институтов и академий имени Михаила Васильевича. Здесь же материалы о Великой Отечественной Войне, модели военной техники, элементы одежды солдат и предметы быта того времени. Кроме того, можно увидеть фотографии родственников и дочери Фрунзе, которой сейчас 98 лет! Сын Михаила Фрунзе, Тимур – он был старше сестры Татьяны на три года, погиб в 1942 году, не дожив до своего 19-летия. Так вот сложилась жизнь потомков полководца.

И, конечно же, что самое удивительное, сохранился в прекрасном состоянии дом, в котором родился и прожил часть жизни Михаил Фрунзе. Скромный одноэтажный домик, с небольшими дверьми и окнами. В нём воссоздана жилистая обстановка тех лет.

Башня Бурана

Башня Бурана, находящаяся в 80 километрах от Бишкека, это один из самых известных археологических памятников Киргизии. Здесь находятся важные артефакты, рассказывающие и об истории страны, и её роли на Великом Шёлковом пути.

Башня Бурана – это останки города Баласагуна, являвшегося столицей империи Караханидов в IX веке. Вокруг подножья башни были найдены свидетельства кирпичных фундаментов зданий; археологи считают, что древний город простирался гораздо дальше башни, вмещая в себя магазины, базары, бани и жилые дома.

Также возле башни можно увидеть небольшую коллекцию каменных истуканов – балбалов. Небольшие каменные фигуры создавались для того, чтобы почтить память усопшего, иногда их помещали на месте захоронения. Эти образцы каменных изделий VI в. н. э. дополнены петроглифами II в. до н. э., которые можно увидеть у башни Бурана.

Хоть музей при башне небольшой, он любопытный. Расположение Баласагуны на Шёлковом пути сделало его центром для торговцев, пересекающих континент с востока на запад. Монеты, керамика и другие артефакты показывают кое-что из истории региона.

По сути ничего из древней истории, кроме остатков памятников на местах захоронений, в Киргизии нет. Кочевой народ таскал свои юрты по ущельям и долинам. Поразительно, что хоть что-то смогли найти и сохранить учёные.

В середине дня солнышко выкатилось прямо в центр небосвода и зависло прямо над башней. Стало жарко. Но так хотелось подняться на башню. И я поползла на высоту в 24 метра. Именно поползла на четвереньках по узкому тёмному проходу по каменным ступеням с «высоким шагом» следом за друзьями-товарищами. Зачем? Ответа на вопрос нет. На смотровую площадку я выбралась легко и не пожалела. Ничего особенного я оттуда не увидела. Песчаные пространства, зелёные поля, музейные объекты. Тишина и покой. Яркое слепящее солнце над головой. Оглядевшись и вдохнув полной грудью сухой горячий воздух, я вновь опустилась в чёрную дыру лестницы.

Иссык-Куль

Дорога от Бишкека к знаменитому озеру показалась долгой. Ближе к концу дня мы приехали в село Тосор, которое находится на южной части побережья. На северной стороне озера развита инфраструктура, там есть и санатории, и отели. Южное побережье выглядит иначе, ощущение, что эти места заброшены и мало кому интересны, не покидало меня всю дорогу. Само озеро красивое. Всё время меняло цвет – то ярко-синее, то голубое, то бирюзовое.

Горы окружают Иссык-Куль, но близко не подходят. Как будто чего-то опасаются. В несколько рядов стоят поодаль. Горы выглядят не высокими, но вершины есть снежные.

Так почему же не развита туристическая инфраструктура? Посёлки по пути проезжали, довольно большие, но скромные. Здесь во времена СССР было много военных баз и «ящиков». В горах что-то добывали. Да и сейчас это делают, но далеко в горах. Во времена СССР, когда Фрунзе был столицей Киргизской ССР, здесь работали санатории, по большей части военные. В 90-е пришла разруха, кое-что восстановили и в жалком виде поддерживают. Новое почти не строят. Особенно огорчает недострой. А он тут есть в разных видах – от больших корпусов, коттеджей и целых усадеб.

Наш гостевой дом – юрточный кемпинг «Тоня» один из самых больших в этом районе и очень популярный у туристов. Юрт не меньше 10. В основном 3-местные. Пространство для еды, столовка-ресторан – большая комната

(отдельно стоящий сарай) с коврами на полу, низенькими столиками и пуфиками. Хозяйственный корпус – длинное помещение, где кухня, душ, 4 туалета и какие-то комнаты.

Озеро – за нашим плетнём метрах в 200. Мелкая галька. И в воде сначала тоже она. Но если пройти немного – метра через 3 начинается такой роскошный песок!

Иссык-Куль второе по прозрачности воды озеро в мире, после Байкала. Но я бы сказала, что первое. Зимой Иссык-Куль не замерзает.

Иссык-Куль лежит между двумя хребтами Северного Тянь-Шаня. Северные склоны гор покрыты еловыми лесами, тогда как южные – только степной растительностью.

Озеро бессточное, в него впадает около 80 сравнительно небольших речек. Многим из этих рек жизнь дают вечные ледники, которых в бассейне Иссык-Куля 834. В тёплое время года более 60 % стока рек приходится на ледники. В западной части к озеру очень близко подходит река Чу, мы ехали вдоль неё.

Здесь любят говорить, что когда-то космонавт Алексей Леонов сильно впечатлился видом Иссык-Куля из космоса. Я проверила фото, и правда – Иссык-Куль похож на человеческий глаз.

Озеро не имеет стока, ни одна река из него не вытекает. Оно как бы аккумулирует в себе все те минеральные вещества, что приносят реки и дожди. Поэтому вода в озере вроде бы солёная. Но я не почувствовала солёности. Говорят, солёности эта вода в пять с лишним раз уступает морской, но тип минерализации у иссыккульской воды самый ценный.

Вода на вкус необычная. Я бы сказала так – у неё есть свой вкус. Чем-то напоминает выдохшуюся минералку. И она чистейшая!!!! Прозрачная-прозрачная.

А сколько всего видно на дне! Говорят, чего там только не наблюдается. Я мало что увидела, ибо далеко не заплывала, да и без очков, но – свидетельствую – такой прозрачной воды я не помню. В зависимости от освещения вода с неуловимой быстротой меняет оттенки, только что была нежно-голубой, а уже тёмно-синяя.

Первое упоминание об Иссык-Куле встречается в китайских летописях конца II века до нашей эры, где оно называется Же-Хай, что означает «тёплое море». Однако научное изучение озера началось только в XIX веке российскими учёными, в том числе и Н.М. Пржевальским, завещавшим похоронить себя на берегу Иссык-Куля. Кстати, в 2006 году на дне озера археологическая экспедиция обнаружила неизвестную древнюю цивилизацию, существовавшую 2,5 тысячи лет назад.

На северном побережье, говорят, пляжи все песчаные. У нас – на южном, разные. Вода сейчас градусов 20, может чуть больше. Мне очень понравилось.

У самого берега я даже без очков видела шустрый косячок рыб. Гид сказала, что это наглая форель, то есть это пока мелкая форель, но она вырастет. В былые времена озеро «кипело» от рыбы, здесь в изобилии водились осман, иссык-кульская маринка, чебак, чебачок. Очень вкусного, нежного чебачка можно было купить по всему побережью. К сожалению, акклиматизация таких хищных рыб, как севанская форель и судак, а в последние годы и суперхищник – радужная форель – да вместе с ними ещё десять рыбных паразитов сделали это лакомство приятным воспоминанием. Нам было жалко чебачка и его соплеменников, но с точки зрения рыбаков и любителей рыбы, неизвестно, кто вкуснее.

Считается, что Тосор – одно из самых зелёных и красивых мест южного берега Иссык-Куля. Тут есть песчаные пляжи, абрикосовые сады и просто одиночные абрикосовые деревья – но как новогодние ёлки усыпанные плодами, горная река Тосор. Исторически Тосор является древним городищем и относится к культурным памятникам республики, где были найдены средневековые орудия труда. А сколько тут облепихи! От – хотела сказать «моря» – в 30 метрах от воды растут кусты высотой с нашу смородину, обсыпные ягодами! Только по ширине они огромные, а потому не понятно, как эту облепиху можно собирать.

Ещё Тосор известен спортзалом по дзюдо, тут отсиживаются спортсмены на сборах. Якобы яхтсмены и прочие водники тренируются здесь зимой и осенью.

Спортзал мы не видели, яхтсменов тем более. На побережье появляются только проезжающие иностранцы, которых гораздо больше, чем наших сограждан. Тащат на спинах рюкзаки, едут на велосипедах. К 5 китайцам прилагается микроавтобус, и машина с прицепом, на которую ставят велосипеды. И такая вот кавалькада движется по дорогам. Берег тут практически пустой.

Ущелья и память о Юрии Гагарине

На южном побережье Иссык-Куля есть, что посмотреть туристам. Ущелья – одна из самых впечатляющих особенностей природы Киргизии. Первое, что нам показали – ущелье Сказка. Знаменитое ущелье, о чём много пишут, а уж сколько фотографий выложено в интернете? Въезд туда платный. Эдакий «Провал» Остапа Бендера. От небольшой площадки, где в лучшем случае встанут 5–6 микроавтобусов, в разные стороны расходятся несколько тропинок. Пространство, доступное для обозрения, невелико. Ходить, конечно, можно долго, но при желании самые красивые места спокойным шагом можно обойти за полтора часа.

Иссык-Куль совсем рядом, его видно практически отовсюду. Песчаник в первую очередь поражает разнообразием цветов, а уже потом формами. Навероятно, чтобы в одном месте он был такой разноцветный. Красно-бордовый, коричнево-розовый, жёлто-серый. Формы, конечно, тоже разные. Мягкие породы различных оттенков очень податливы действию внешних сил. После очередного дождя рельеф Сказки может заметно измениться. А оттенки цветов на склонах каньона могут разительно поменяться и при сильных порывах ветра. Больше того, оставаясь в Сказке при полном штиле и ясном небе, на некоторое время можно увидеть новые подробности пейзажа. Они будут по-разному высвечиваться движением солнца по небосводу. И движением

теней по земле. Ну а мы пришли к выводу, что те, кто ел и пил одно и то же, одно и то же видят. А особо отличившиеся могут и пофантазировать. Тут и звери, и птицы пригрезятся. А меня больше всего поразила тишина. А ещё голубое небо, белые облака. Они тоже были яркими-яркими и казались иллюстрацией к фантастическому фильму.

Ущелье Барскаун (Барсово ущелье) расположено тоже на южном побережье озера Иссык-Куль в пойме одноимённой реки. Протяжённость ущелья Барскаун около 20 км. В селе Тамга, на повороте в ущелье, расположен военный санаторий, в котором отдыхал и Гагарин, и впоследствии многие космонавты – Леонов, Титов, Терешкова и др.

По ущелью, а оно огромное, по горам идёт ельник – высокий, стройный, течёт речка. Идёт дорога в сторону перевала, которую поливают, причём регулярно. Куда-то в глубину идут бензовозы, но вот с бензином ли? Где-то в горах намывают золото, там все не просто, закрытая зона. Может, и не только золото.

Но самое интересное здесь, это памятники Юрию Гагарину. Их тут два. Один памятник, это природный камень, который здесь лежал с незапамятных времён. Гагарин был в этом ущелье. Рассказывают, что он, дескать, отдыхал в санатории поблизости и любил сюда приезжать. Но приезжал ли он на это место часто? Это вопрос. Вот один раз – точно был, когда ему показывали местные красоты. Возле этого камня «накрыли поляну», Гагарину камень понравился, и он около него сфотографировался. А через несколько дней на камне появилась надпись краской «Здесь отдыхал Гагарин». А потом, в 1980-х (1990-х, данные расходятся), местный скульптор Валентин Дмитриевич Борсков сделал из камня памятник. Частично высек, частично из цемента соорудил на камне шлем и лицо Юрия Алексеевича. Но сначала суровые зимы, а потом и вандалы разрушили Камень Гагарина, особенно сильно пострадало лицо.

В 2000-х годах некий благодетель Атагельдиев Догдурбай смог привлечь деньги на строительство нового

памятника Гагарину, который поставили в 200 метрах от Камня Гагарина, на другой стороне дороги. Сейчас отреставрирован и Камень Гагарина, за что спасибо Правительству Москвы.

В этом ущелье наверху несколько водопадов. Внизу юрты с едой, носятся мальчишки на лошадях и осликах, предлагают фотографироваться или покататься. Вагончик с надписью «Милиция», закрытый наглухо. Сервис «ненавязчивый», кривые будки «удобств» закрыты на замки.

Я смогла подняться только к одному водопаду. Красиво, конечно. Но высота 2400 меня не вдохновила на второй поход. «Степному» человеку, не имеющему даже минимальной подготовки, экспериментировать с крутыми подъёмами опасно.

А осталась внизу, понаблюдала за местными детишками и поговорила со словоохотливым дедулей. Он рассказал, что они приезжают сюда только в туристический сезон – с конца июня до начала сентября. Готовят разные вкусные блюда киргизской кухни.

Про все ущелья рассказывать не буду. Их тут много. Отмечу ещё только Джеты-Огуз или Скалы Семи Быков (кирг. Жети-Өгүз). Это цепочка выветренных скал красного цвета, напоминающих лежащих на земле быков. А ещё было разбитое сердце – красивая скала, именно разбитое сердце и напоминающая.

Каракол, в прошлом Пржевальск

Мы объехали Иссык-Куль вокруг. Но на южном побережье останавливались ещё и в знаменитом городе Каракол.

Дорога на Каракол красивая, вдоль неё высажены в два ряда деревья возрастом лет по 60. Наследие СССР. Дома и земля обнесены плетнями, а не заборами. Особых роскошеств не видно. Есть военные городки, которые сейчас стали обычными поселениями. Но по ТВ в городе Каракол, забегаая вперёд, скажу, ловится только телеканал «Звезда».

В Караколе построена необычная мечеть, похожая на пагоду. Её возвели китайцы. Православную церковь построили когда-то казаки. Она поражает своими размерами, но не высотой, а длиной. Как будто она состоит из нескольких храмов.

Но главное в Караколе – это мемориальный комплекс Н.М. Пржевальского. Николай Михайлович Пржевальский, – русский географ, этнограф, исследователь Центральной Азии, генерал-майор, родился в 1839 в деревне Кимборово, ныне в Починковском районе Смоленской области, а умер в 1888 здесь, в городе Каракол.

Ещё за работой над книгой о своей четвёртой экспедиции, принёсшей учёному мировое признание, у Пржевальского зародилась идея нового маршрута. Отправной точкой в ней должен был стать Каракол, а целью Кашгария, Лхасса, истоки Брахмапутры. Для этого в начале октября 1888 года он прибыл в Пишпек. Поехав на охоту, он выпил воды из реки Чу и заразился брюшным тифом. На болезнь он не обратил внимания и, собрав снаряжение, 12 октября отправился в страну Каракола, куда прибыл 24 числа. Здесь болезнь быстро прогрессировала. По настоянию спутников Пржевальский 26 октября лёг в военный лазарет. Но было уже поздно. 1 ноября 1888 года Николай Михайлович скончался. Ему было 49 лет. Согласно завещанию Пржевальского его

похоронили на берегу Иссык-Куля, на самой высокой точке восточной части Иссык-Кульского побережья. Так что вид отсюда открывается просто необыкновенный: величественная панорама озера и голубые шапки гор. Сейчас озеро несколько отступило.

По просьбе общественности в 1889 году император Александр III издал указ о переименовании города Каракола в Пржевальск. Деревянный крест на могиле позже был заменён на гранитную плиту. Рядом с могилой в 1893 году при большом стечении народа был торжественно открыт красивый памятник по проекту генерала А.А. Бильдерлинга. Монументальная девятиметровая скала из серого гранодиорита увенчана бронзовой фигурой орла. У ног птицы свешивается карта Центральной Азии с маршрутами путешествий Пржевальского.

Несколько ниже орла крест, а под ним барельеф Пржевальского в профиль – большая копия золотой медали, отлитой Российской Академией наук в 1866 г. в знак признания научных открытий неутомимого исследователя. Под барельефом краткая надпись: «Николай Михайлович Пржевальский. Первый исследователь природы Центральной Азии. Род. 31 марта 1839 г., ск. 20 окт. 1888 г.». В советские годы, когда многие монументы царского времени уничтожили, памятник Пржевальскому не решились тронуть. Он стал одной из главных достопримечательностей Киргизии и обязательным пунктом визита важных гостей. У памятника и сегодня много народу, ходят группы, отдельные туристы, много местных жителей. Красивые клумбы. Киргизы любят цветы, высаживают их на клумбы, в палисадники.

29 апреля 1957 года поблизости от могилы и памятника Пржевальскому был открыт мемориальный музей. Здесь, на высоком берегу Иссык-Куля, на площади 9 гектаров раскинулся парк, в тени тянь-шаньских елей которого спряталось небольшое здание музея. Оно имеет оригинальную форму кольца с небольшим холлом и внутренним двориком. Благодаря этому, чтобы посмотреть все экспонаты достаточно пройтись по кругу. Само здание музея, несмотря на возраст, в очень хорошем состоянии. Всего в музее собрано более 2000 экспонатов. Это предметы, привезённые Пржевальским из экспедиций, его личные вещи, фотографии, документы, чучела животных.

После распада СССР властями Кыргызстана было принято довольно спорное решение в отношении музейного комплекса. В 1998 году не его территории захоронили Хусейна Карасаева – киргизского учёного-языковеда.

Немного позже возле могилы установили памятник. Потом построили музей. Но посетителей мы тут не увидели.

Кочкор и дорога в горах. Сон-Коль

Обогнув по северному побережью весь Иссык-Куль, мы направились в сторону города Кочкора. Туристическая инфраструктура этих мест сильно напоминает Сочи советских времён. Очень всё простенько и примитивно. Остались большие санатории и дома (базы отдыха с советских времён). Есть и новые сооружения, конечно же. Но не так много, как могло бы быть. Советское наследие видно повсюду. Много строений, как и дорог, строили пленные немцы после окончания Второй мировой войны. Почти все дороги построены тогда. В горах – начали строить железную дорогу, насыпали часть насыпи, но пришли 90-е, и всё было заброшено.

Наш путь лежал в горы Тянь-Шань. Красота необыкновенная. В городе Кочкор, это в предгорье, нас накормили обедом в частном доме. Роскошно. Потом завели в сувенирный магазин, он же небольшой музей. Особого выбора не обнаружили, но разные забавные вещицы всё же купили.

Стали подниматься в горы. На развилке «Нарын 83 км, Сон-Коль 56 км» свернули не на Нарын. К Нарыну дорога шла отличная, это китайцы сделали, как и новую линию электропередач. В свою сторону. Туда, куда было не надо китайцам, дорогу никто не строил, а потому она выглядела удручающе. Трясучка и зигзаги.

Итак, мы свернули с хорошей дороги на дорогу просто горную. Серпантин – как змеи в террариуме. А в целом – перед нами – Тянь-Шань в лучших красках и формах. Горы серые и зеленоватые. Нет проплешин. Всё либо бархатное, либо песчаное. Песчаное, но иногда и кочкастое. Как будто внизу шурует огромная армия кротов, которая никак не может выбраться на поверхность. Но в основном всё вокруг плавное, округлое. Если есть вздыбленные формы, то это разноцветный песчаник.

Дорога скверная. Много ям и проезжающих машин. Как встречных, так и попутных. Обычных легковых, микроавтобусов. В основном на Сон-Коль едут иностранцы. Перед перевалом в ущелье остановились пофотографировать стадо яков. Их было много – больших и маленьких, чёрных, серых, разноцветных. Спокойные, большие, красивые животные. Рогатые и безрогие. Но все в меховых «штанах». Никто никуда не торопился и на нас не обращал внимания.

Заехали на перевал – высота 3447 м. Миновав перевал, стали двигаться к озеру Сон-Коль.

Озеро Сон-Коль (или в некоторых источниках Сонкёль) – высокогорное озеро Тянь-Шаня. Его название на русский язык можно перевести как «Последнее Озеро», но это лишь один из вариантов. Оно расположено в гигантской котловине между хребтами Сон-Культау и Молдотау на высоте 3016 метров над уровнем моря, в северо-западной части Нарынской области. Озеро простирается на 29 км в длину и на 18 км в ширину, достигая при этом глубины до 22 м. Это одно из крупнейших высокогорных озёр и самый крупный естественный пресноводный водоём Киргизии: площадь зеркала озера равна 278 кв.км. Но озеро полностью просматривается с разных точек. Нет ощущения, что оно очень большое. Может, это обман зрения, потому что смотрели мы с высоты перевала. Здесь вообще расстояния трудно вычисляются.

В него сбегаются небольшие речки, две из которых мы пересекали на машине вброд. Дорог там нет. Есть направления и колеи. По глинистой почве. Из озера вытекает река, название которой тоже Сон-Коль, затем впадающая в бурную реку Нарын. Но она оказалась где-то в стороне.

Озеро лежит на горной равнине, а это луга.

Но трава совсем низкая. Я бы сказала, что её почти что нет. Что там животные выщипывают? Все усыпано коровами, лошадьми, овцами. Кажется, что они тут гуляют сами по себе.

Пастбища тут с самых древних времён, о чём собственно и свидетельствуют наскальные изображения, обнаруженные на берегу озера. Пастухи приводят скот к озеру на лето и семьями живут в юртах.

Водитель рассказал, что к озеру ведут четыре дороги. Одна через Сары-Булак на северо-востоке, вторая лежит через серпантинную дорогу на юго-востоке, третья пролегает через Ак-Тал на юго-западе и, наконец, четвёртая проходит мимо угольных шахт Кара-Кече на северо-западе.

Но дороги – это слова. Уголь видели на машинах на обратном пути. Их (машины) тормозили гаишники. Старые бортовые машины с прицепами, уголь насыпан и прикрыт брезентом. Везут, видимо, откуда-то с гор.

Озеро сморится красиво. Прозрачная сверкающая поверхность заметна издали. Сразу не понимаешь, что тут всё первозданное. Древнее, таинственное. По озеру никто не плавает. Рыбаков нет, берег абсолютно пустой.

Климат Сон-Коля сильно отличается от низкогорных равнин. В зимнее время на Сон-Коле никого нет. Скот угоняют, туристов не возят. Здесь холодно. Снег лежит здесь 130–160 дней, закрыты перевалы.

Мы приехали в хорошую погоду, воздух был свеж и прозрачен, Вода +12–14. Пишут, что средняя температура воды составляет +3,5°С, летом может прогреться до +11°С, температура воздуха зимой обычно опускается до -20°С.

200 дней в году озеро укрыто снежным покрывалом, и в зимнее время достичь его практически невозможно. Итак, в отличие от Иссык-Куля, Сон-Коль замерзает и остаётся покрытым льдом с сентября по июнь. Восточная часть озера входит в состав Каратал-Жапырыкского Государственного Заповедника. На побережьях озера не растут высокие деревья, ели, пихты, зато только здесь способны порадовать глаз необъятные россыпи эдельвейсов (занесённых в Красную Книгу), а также великое множество других ярких, изящных и порой очень редких цветов. Эти цветочные оазисы выше постепенно переходят в альпийские луга.

Кроме того, побережье озера служит домом для 66 видов водоплавающих птиц, которые обычно проводят здесь время с мая по сентябрь. Простор для научных исследований в этом регионе обнаружат орнитологи, особенно

изучающие уток, которых здесь насчитывается до 14 видов. На диких берегах озера обитают и многие виды хищников, таких как снежный барс, красный волк и лиса. Кстати, что касается представителей хладнокровных, обитающих в водах этого озера. Что интересно, рыба в Сон-Коле совершенно не водилась до тех пор, пока не была специально завезена в 1959 году. В настоящее время в озере водятся сиг, чир, пелядь, обыкновенная маринка, голый осман, редкочешуйчатый осман, чешуйчатый осман, осман Северцова, серый голец и тибетский голец.

Чуть поодаль от берега построена башня, похожая на часовню. Такие стоят внутри оград мусульманских кладбищ. Кладбищ вдоль дорог в Киргизии много, они небольшие. Во всех поселениях есть мечети. Все построены одинаково, серо-бетонные. Купола и навершия минаретов как в чешуе – серебристые. Редко, но бывают окрашены. Мечети небольшие. И все построены совсем недавно, максимум лет 10 назад.

Здесь, у Сон-Коля тоже построена часовня. Табличка сообщает, что внутри был похоронен кто-то, погибший в сражении с казаками очень давно. Но местные жители об этом и знать не знали. Нам сказали, что это башню 7 лет назад построил борец какого-то вольного или невольного стиля, победивший в неких играх. И в честь себя навёз камней – за свои деньги. И башню соорудил. Заодно всех местных накормил бараниной. Когда мы стали читать, что на сим сооружении написано, гид высказала предположение, что это сын или внук в честь деда (отца) воздвигнул. Про могилу возникли сомнения. Но так ли это важно?

Я вышла из юрты ночью при таком мерцании звёзд, что про холод я и забыла. Луна куда-то исчезла, а небо было пересыпано яркими, крупными и мелкими огнями – звёздами. Дыхание перехватывало от такого зрелища. А ещё от тишины становилось страшно. Тишина абсолютная. Ночью и утром было +5–8 градусов. Но зато ночью – почти полнолуние! Сначала висела луна и освещала наше ущелье, в котором только мы, чуть поодаль ещё пара юрт и на выходе из ущелья вдалеке озеро. В другую сторону смыкаются горы. Ночью всё как будто покрыто покрывалом из светло-зелёного плюша, который ещё и светился.

Но главное, не забыть, что тут высота 3100 м. Нельзя резко двигаться, наклоняться, бежать, даже есть быстро нельзя, сердце сразу подлетает к ушам. Очень трудно привыкнуть, особенно когда всё делаешь быстро. В Киргизии вообще – минимум высота 800 м. Двигаться надо с осторожностью. Я пыталась осторожничать, но не всегда удавалось. Пульс успокоился только в Шереметьево.

Но нас предусмотрительно вернули из горного лагеря на следующий день, хотя предполагалось прожить там ещё двое суток. Но резко испортилась погода, дождь заколотил по юртам. Туч

набралось огромное количество, они накрыли наше ущелье. Ещё по пути в лагерь прогноз обещал дождь на следующий день. Гид справедливо рассудила, что надо уезжать, потому что дорога от перевала представляет собой скорее не дорогу, а направления. И они (направления) глинистые. А ещё надо пересекать вброд речки, они мелкие, но ведь горные!

Мы, конечно же, пару раз забуксовали, пока водитель вытаскивал автобус, мы сходили в юрту к чабану. Попробовали курут (солёный творог, в шариках), выпили кумыса и ещё чего-то молочного. Дальше спускались без происшествий, пропуская встречные автобусы «Интурист». Четыре или пять микроавтобусов проехало. Едут иностранцы в первозданную природу! В основном парами. Есть те, кто ставит палатки, тут с чабанами за небольшую копеечку (сомочку) можно сговориться. Как я поняла, просто так приехать и устроиться на берегу нельзя.

О жизни киргизов

Ночью в лагере Сон-Коля я проснулась от звука. Скакал всадник. Почему-то перед глазами встала киношная картинка. Вокруг никого. А это именно так. Высоченные горы, ущелье, несколько юрт. Ночь. Что ему мешало разграбить юрту и всех уничтожить? Ничего. Делай, что хочешь. Здесь люди, конечно, абсолютно незащитные. Как перед природой, так и перед своими согражданами. Хотя, конечно, сейчас жизнь другая – тихая и спокойная. Говорят, развито чувство взаимопомощи. В округе все про всех всё знают. На склоне горы в одной точке берёт местный сотовый. Туда поднималась одна из хозяек нашего лагеря.

Невозможно составить полное впечатление о характере народа на основании краткого путешествия по стране. Но сравнить свои личные, пусть субъективные впечатления с записями тех людей, кто изучал нравы и обычаи киргизов, для меня очень важно. Что же писал Чокан Валиханов в середине XIX века?

О религии, например. «Все дикокаменные киргизы исповедуют мусульманскую религию, или, лучше сказать, называют себя мусульманами, не зная ни догматов веры, ни её треб. Все обряды их и поверья до сих пор сохранили полный оттенок шаманства, справедливо считаемого первой религией среднеазиатских рас. Поверья, обряды и заклинания шаманства их совершенно сходны с шаманским же элементом киргиз [-кайсаков]. С учреждением указанных мулл, с построением мечетей, благодаря попечительству русского правительства, в орде наших киргизов все эти поверья и обряды искоренились, но у дикокаменных они ещё в силе: ни муллы, ни ходжи и другие мусульманские учителя не были ещё среди этого народа. Не только грамотных людей, разумеющих элементарные начала веры, даже исполняющих пятивременный намаз и рузу между дикокаменными киргизами нет».

«Единственная заповедь ислама, – писал Валиханов, – которую они знают и исполняют, – это отвержение свиньи, как нечистого животного. Зато другой радикальный принцип [мусульманской] веры – воздержания от вина – назло Мухаммеду-избраннику и его Корану, попирается безбожно, вино составляет их радость и утешение. У них нет веселья без вина, как у древних русских Владимира».

Ничего за почти двести лет не изменилось, действительно свинины нет в Киргизии. Выпить некоторые киргизы любят, но я не видела на улице пьяных.

Говорят, с конца XX века в провинции пили сильно. Сейчас этого нет. Видимо, не зря в каждом населённом пункте построены новые мечети. Но не то чтобы киргизы вдруг перестали пить вообще. Видимо, и в мечеть ходят, и выпить могут.

Мы не раз обедали и ужинали в семьях. Хозяева тут гостеприимные, столы накрывали богатые. Но, как мне показалось, много семей здесь многонациональных. Почти что нет чистокровных киргизов. Много смешанных браков с узбеками, казахами, татарами. Киргизы, видимо, есть где-то далеко, в отдалённых районах, в горах.

Ч. Валиханов писал: «Гостеприимство (святые гости, как у горцев), уважение их, как святых, почтение к старикам, повиновение главе – составляет их добродетель. Ругательства между ними не терпят. Оскорбление чести и осквернение матери ведут за собой войну. Мечь за убийство есть заповедь».

Ну, так есть и сегодня. Наша гид много рассказывала о традициях. С её слов, киргизы всё-таки старательно чтут традиции. Так принято, но и это им доставляет удовольствие. Уважают стариков – это точно. Безумно любят дочерей, и это для них важно, все семейные раритеты передаются по женской линии.

Одеты обыкновенно. Ничего национального, кроме шапок, похожих на банные (для парилок), которые носят деды и возрастные мужики, ни на ком не видела. Немало молодёжи учится за границей. Ну, что ж... Примета времени.

В целом мне понравилось отношение к гостям, туристам. Обходительно, с уважением, без хапужничества, без желания заработать лишний сом. Наоборот. Своё были готовы отдать, лишь бы мы не капризничали.

Удивило, что на улицах мало собак, почти нет кошек. А вот порадовала еда – вкусная. Мясо с мясом. Много говядины, баранины. Всё, что готовили в домах, мне понравилось. В кафе, в ресторанах – в том числе и в столовке на рынке, готовят отменно.

Но вернусь к записям Ч.Валиханова, которые как будто сделаны сегодня. Он рассказал о многом, но я остановлюсь лишь на некоторых деталях.

«Женщины дикокаменных киргизов очень добры, детолюбивы до нельзя. Все пленные киргизы восхваляют доброту женщин».

«В войне киргизы смелы, нападение их, первый натиск делается с воодушевлением. Впрочем, в бегство обращаются редко. Нападения они делают пешком. С пленными поступают жестоко, во все время держат их в колодках, руки и ноги заковывают железным прутом. Исход бывает двойкий: или продают в Китай и Коканд, или убивают». Слава, Богу, что об этом теперь можно узнать только по книгам.

Очень любопытен рассказ путешественника о том, что женщины пользуются влиянием на мужей,

жёны манапов не исполняют никакой работы. «Даже у бедных людей женщины работают мало; словом, мужья носят дрова. Неслыханное на мусульманском Востоке извращение... К детям мужского пола отцы бывают строги, между тем как дочери наслаждаются полным тарханством. Даже платья для дома своего не шьют. В 18 лет девицы считаются уже засидевшимися. 15 лет есть возраст возмужалости девиц. Я сам видел много молодых аячей – матерей семейства, которым было только 15 лет. Разумеется, что от такого раннего брака женщины стареют скоро. В 30 лет уже они старушки».

Что ещё мне показалось интересным?

«Терпение к перенесению нужды составляет тоже их черту; для киргиза достаточно капа крупы, чтобы прокормиться несколько месяцев, зато при случае он ест за троих».

Эпос и наследие

«Древние киргизы, по свидетельству китайцев и мусульманских писателей, имели письмена и стояли, сравнительно других кочевников, в высшей степени культуры», – так считал Чокан Валиханов.

Он писал, что единственные памятники умственного развития народа составляют изустные эпические сказания в формах прозаической и в стихе. Роды народной поэзии киргизов суть: первое – сказки (джумок) и предания о происхождении народа и о замечательных случаях из жизни знаменитых родоначальников. Сказки большей частью касаются мира духов и отношения его к миру действительному. Великаны (алпы), людоеды (ялмауз) и злые ведьмы (яланкыч) враждуют с человеком, который всегда выходит победителем. Герой сказки обыкновенно единственный сын какого-нибудь хана или богача и растёт, как и в русских сказках, не по дням, а по часам. Он имеет не менее чудесного коня, который во время процесса сказания из годового жеребёнка делается шестилетнею лошадью. Лошадь богатыря владеет даром говорить (арбу) и во всех случаях служит господину добрым советом. Двадцатилетний богатырь с жестокостью оставляет рыдающую мать, старика-отца и отправляется искать приключений. Битвы с великанами подземного царства и алпамыс (существом вроде царя Кашея) и освобождение красавиц, томившихся в неволе у великанов, суть главные сюжеты сказок.

Вообще дикокаменные сказки чрезвычайно сходны со сказками татар. Сказки имеют форму прозы, но говорятся всегда известным образом принятых выражений и разных прибауток. Исторические предания тоже не чужды фантастического элемента.

Киргизские семейные воспоминания тщательно сохраняются и передаются из рода в род, из века в век.

Второй род народной поэзии составляют эпические рассказы о войнах племён, о подвигах богатырей – род поэм или героических саг. Из них нужно отличать собственно народные и заимствованные от кайсаков. Эпический жанр имеет размер и рифму. Хитрость стихосложения состоит в созвучии сравнений, т.е. в подборе созвучия начальных слов первого и второго стиха. Гонясь за этим двойным рифмованием, они делают удивительно простые сравнения, чтобы только удовлетворить требования закона метрологии.

Записи Чокана Валиханова чрезвычайно любопытны.

Нет сомнения, пишет, он, что главное и едва ли не единственное произведение народного гения дикокаменных киргизов в стихотворной форме

есть сага «О Манасе». «Манас» – это энциклопедия, собрание всех сказок, повестей, преданий, географических, религиозных, умственных познаний и нравственных понятий народа в одно целое, приуроченное к одному времени, и всё это сгруппировано около одного лица, богатыря Манаса. «Манас» – произведе-

ние целого народа, вырастившего плод, созревший в продолжение многих лет, – народный эпос, нечто вроде степной «Илиады». Следы позднейших добавлений и украшений видны в ней с очевидною ясностью. Может быть, самое сложение её из прозаического в поэтическое – всеми чертами есть произведение позднейших времен. Трёх ночей недостаточно, чтобы послушать «Манас», столько же нужно для «Манаса второго», его сына «Семетая».

Третий род народного творчества составляют песни, обыкновенно краткого содержания, употребляемые для напевов и в играх, и песни обрядовые. Таких песен очень немного, и все они большей частью имеют двусмысленное содержание.

Степных певцов, импровизирующих приличные к торжеству похвальные песни, как у кайсаков, нет. Вообще начатки поэзии в этом более воинственном народе гораздо слабее, чем у кайсаков.

Киргиз-кайсаки наделены от природы живым умом и удивительно впечатлительны; у них в каждом роде есть импровизатор, воспевающий подвиги султанов и старину. У киргиз-кайсаков много героических эпосов, легенд и сказок, и киргизы любят песни и музыку. У дикокаменных же киргизов песни совершенно не в употреблении, только эпосы их из времён Золотой Орды во всём сходны с киргиз[кайсац]кими.

Только поэма «Манас» как по языку, так и по характеру есть произведение их народного ума. Манас – сын Якуб-бая, бия одного ногайского поколения, кочевавшего по Таласу и Чу. Манас рос не по годам, а по дням и шестнадцати лет сделался батыром. У Манаса чрезвычайно чувствительное сердце, он очень любит хорошеньких женщин. Чувствительность его превосходит границы. Получение руки ханской дочери Каныкей, у которой «...лицо бело, как снег, и румянец ланит так красен, как кровь, упавшая на снег», не оставило его. Узнав, что у хана калмыцкого есть красавица дочь «с волосами, доходящими до пяток», он отправил своего отца-старика сватать красавицу. Хан оскорбился и посоветовал с равным себе свататься. Разумеется, что такого батыра, как юный Манас, сына Якуба, угроза ханская не могла утратить; он начал войну и с оружием в руках добыл длинноволосую.

Сбор красавиц на этом не закончился. Манас начал ещё войну с каким-то ханом какого-то народа. Яблоком раздора стала опять красавица, «имеющая 15 лет возрасту, с запахом, подобным мускусу, и с зубами как жемчуги». Словом, вся поэма состоит в восхвалении беспорядочного поведения повесы

Манаса, жадного до похищения красавиц. В конце поэмы у Манаса в гареме собирается до 100 царевен разных наций, которые от слишком близкого столкновения, разумеется, начинают междоусобную войну, подражая в этом браннолюбивому духу времени.

Странно и непонятно в поэме одно обстоятельство. У дикокаменных киргизов старики вообще, не только отцы, пользуются уважением молодёжи. Но Манас же, герой поэмы, с отцом своим поступает слишком жестоко. Старик Якуб исполняет все трудные его поручения: он сватает красавиц, бродит для отыскания новых из страны в страну. И что же в награду за всё это? Манас за неуспешное сватовство наказывает отца жестоко – угоняет у него скот и оставляет старика-отца и старушку-мать до приобретения нового скота без кумыса и мяса. Обращение же к отцу всегда бесцеремонно.

Вот общий характер поэмы. Она замечательна в отношении языка и по чрезвычайно правильной географии описываемых местностей. В отношении историческом она любопытна, как картина прежних нравов и понятий дикокаменных киргизов, по упоминанию в ней разных народов, обитавших от Таласа до Или и до Кашгара.

Дикокаменные киргизы, как и все кочевые племена Средней Азии, сохраняют в виде семейных воспоминаний множество исторических преданий, легенд и поэтических сказаний о своих первых родоначальниках.

Самое древнее и замечательное предание дикокаменных киргизов, без сомнения, есть предание о своём происхождении.

Родоначальником, отцом своим, они единогласно считают красную собаку, но обстоятельства такого необычайного явления они объясняют по-разному. Чокан Валиханов писал, что вообще эти объяснения по духу своему происхождения позднейшего и произошли под влиянием мусульманства.

Сделавшись правоверными, они составили несколько хитрых толкований, объясняющих или несколько отворачивающих прямое участие красной собаки в их происхождении.

Вот обстоятельства, собственно, первоначального предания. Дочь какого-то хана имела обыкновение в сопровождении 40 девиц-прислужниц делать дальние прогулки. Однажды, возвратившись домой после обычной прогулки, царевна, к великому своему удивлению и страху, видит одни только остатки своего аула – всё было разбито неприятелем. На месте аула они нашли одно живое существо – красную собаку. Обязанность красной собаки при сорока родоначальниках Дикокаменной Орды довольно темна, но, как бы ни было и от каких причин ни было, царевна, за ней её 40 прислужниц сделались матерями, имея в товариществе один только мужской соблазн – красную собаку. Потомство 40 девиц, кырк кыз, начало называться по числу своих матрон названием киргиз.

К легенде есть разные комментарии.

Одни говорят, что в комплекте 40 девиц состоял в качестве девицы молодой человек, любимец царевны, одетый, разумеется, в женскую одежду. Он был самым близким телохранителем и исполнял обязанность щекотателя пяток и других раздражительных частей царского тела. На Востоке особы знатные, привыкшие к неге, любят на сон грядущий операцию ломания суставов, щекотания, т.е. массаж, и другие приятные ощущения, производимые в болях. Всё это делалось для изнеможения, дабы лучше спать.

Ч. Валиханов приводит и другое, более сложное и более хитрое объяснение. Дескать, жил был один дервиш дивана по имени Мансур, и была у него сестра по имени Халалъ (чистая). Как брат, так и сестра, влюблённые в величие Бога, проводили дни свои в уединении, в посте и молитве. Сестра его имела более святости и ночи проводила в душевспасительной беседе с ангелами, подкрепляя своё слабое тело и душу для дел благих райским нектаром.

Соседи, заметив ночное исчезновение восторженной Халалъ, вывели, как и бывает всегда при подобном поведении обольщённых девиц, непохвальное заключение. Скоро толки дошли до слуха брата. Хотя он и не верил толкам, но, повинувшись мудрым словам Корана: «Осторожность не мешает», начал следить и застал сестру свою в обществе небожителей, попивавшую райский нектар. Ангелы предложили ему, как брату их собеседницы, чашу райского напитка. Халалъ, зная чрезвычайно восторженную натуру своего брата и боясь, чтобы, выпив райскую воду, он не дошёл до самой высшей степени апогея, восторга – до безумия, до божеского забытья, противилась. Но брат испил и сделался тем, что предугадала сестра. Мансур, забыв людей, забыв себя, взял посох странствования, надел лебяжьё шкуру на голову (непременная принадлежность факиров), с именем Аллаха в устах отправился, куда глядят глаза.

Много земель, много городов прошёл Мансур, много видел он народов, много прошло лет, когда он явился в город Андижан (в Коканде). В городе была моровая язва, был голод. Увидев Мансура, они (жители города) схватили его, как колдуна, как виновника всех несчастий своей земли и убили. Воля всемогущего исполнилась!

Мансур, умирая, сделал одно только завещание – он обратился к другу своему Ташче-паршивцу и сказал ему: «Человек должен сделать для мира, потомства что-нибудь, это его непременная обязанность. При жизни я не сделал ничего. Возьми моё тело, сожги и брось в озеро, а там да свершится его тагдыр (предопределение)». Ташча исполнил. Озеро взволновалось, запенилось... все утихло. Только на берегу озера осталась выброшенная волнами пена в виде белого большого шатра.

Дочь хана гуляла по берегу в сопровождении сорока девиц-фрейлин. Увидев белую пену, царевна полюбостовала (любопытство сгубило род человеческий, и Ева, женщина, была причиной!) и, взяв на палец, положила в рот, чтобы узнать вкус. Сорок девиц сделали то же. Но представьте удивление их и отцов их, когда по прошествии нескольких месяцев они без особой причины забеременели. Отцы заподозрили дочерей сильно и, как прелюбодеиц предосудительного поведения, прогнали в степь, на север, за реку Чу. Сорок девиц, видя в царевне первую виновницу своего несчастья, начали укорять и довели её до того, что она на одной хилой кобыле бежала от своих подруг на север. За ней, невесть откуда, последовала красная собака.

Три брата (родоначальники трёх орд киргизов) нашли в степи эту красавицу, и один из них на ней женился. Когда умер отец, дети стали делить наследство, скот.

Плод от морской пены, названный в память сорока киргизских девиц Киргизом, как старший, хотел иметь больше. Тогда другие дети, рождённые от человека, в гневе за дерзость спросили, кто его отец. Киргиз-бай не смог ответить. Братья рекомендовали ему как отца красную собаку, намекая, что мать его до замужества с их отцом имела соседство только с одной собакой. Доказав ему несправедливость требований, они дали ему 47 лошадей. Киргиз-бай бежал в Андижан, оставляя, впрочем, свою претензию на старшинство, что

и доказал похищением из материнской юрты узды колотушки для сбивания кумыса.

Колотушка, по понятию степняков, есть эмблема старшинства. От этого Киргиза произошёл народ киргиз. От сорока же оставшихся девиц произошёл народ, обитающий теперь за Андижаном к Коканду.

Легенды и предания тем и хороши, что их можно читать (и рассказывать) до бесконечности. Много интересных легенд рассказывают про Иссык-Куль. Ещё бы, озеро считалось, да и считается сейчас, священным!

А ещё есть интересные записи путешественников Потанина, Семёнова-Тян-Шанского, Певцова и многих других. Надо только найти время на чтение. И обязательно попасть к озеру Сары-Челек. Как-нибудь в будущем.

ПОЭЗИЯ

Валерий ГОЛИКОВ

Валерий Павлович Голиков – родился в 1946 г. Автор четырёх сборников поэзии. Член СП России. Награждён Почётным знаком «Советского фонда мира». Живёт в Гаврилов-Яме.

«Вы подпойте мне, братцы-славяне!..»

Пора сенокосная

Сено духмяное, воздух медовый!
В краску вгоняя частушкой бедовой,
Мечут девчата под солнышком стог,
Пышный, большой, как домашний пирог.

В небо раздольная песня взвилась,
Всё в ней живое – и радость, и страсть!
Солнце горячее. Млеет трава.
Добрые, зрячие в песне слова.

Словно ромашки белеют платки.
Вьются вокруг молодух мужики.
Лошади фыркают, дроги скрипят,
Валится воз на визжащих девчат...

Катится пот по румяным щекам,
Не до усталости женским рукам.
Завтра опять стоговать у реки,
Дни сенокосные все коротки.

...Где-то и ты там, грустинка моя –
Звонко хохочешь, печаль затая.

Гуси

Взлетали гуси с зеркала воды
И озеро будили горьким криком,
И падали в смятении великом.
И плыли по воде круги беды.

Кружили птицы над страной отцов,
Прощались с краем, что всегда любили,
Где перед летом вывели птенцов,
Где вожака охотники убили.

Но через зиму, раннею весной
Они опять вернуться в край родимый.
В свой прежний мир любви неповторимой
И снова будут рисковать собой.

Вальдшнепиная охота

Закат над лесом пламенеет,
Уходит день за кромку туч,
Поляна в сумраке синеет,
Снежок в кустах ещё колюч.

И длится тихая минута...
Стою, не мысля ни о чём.
Ведь много ль надо мужику-то:
Тянул бы вальдшнеп над ручьём.

Да чтоб ночной пичуги всхлипы
Неслись из гущи ивняка,
Да рюмкой чтоб не обнесли бы
При тусклом свете костерка.

Да чтоб, о будущем судача,
Плели друзья беседы нить...
А может, выпадет удача
Пустой ягдташ утяжелить.

Перед банькой

Под колуном как сахар колются
Берёзовые чурбаки.
Встречает зимушку околица,
Тепло готовят мужики.

Идёт снежок, мороз кусается.
Звук колуна, как клавесин.
Дровишки весело бросаются
На кучу пышную лесин.

Потом в поленницу уложится
Рядком берёзовая кладь.
А дальше банькой подытожится,
Да так, что и с полка не встать.

Родина

Я привык к кусочку воли,
К тёплой горсточке земли,
К двум берёзкам в тихом поле,
К речке звонкой на мели.

К облакам привык лохматым
И к дымкам из труб седым,
К фиолетовым закатам
И к рассветам золотым.

Я привык к кусочку воли,
К огоньку в российской мгле.
Я привык! И лучшей доли
Мне не надо на земле.

Ямщицкая песня

Растяну на старинном баяне
По-ямщицки тугие меха.
Вы подпойте мне, братцы-славяне!
Разве жизнь наша так уж плоха?

Зря, что ль пальцы по клавишам мчатся?
Зря, что ль плачет старинный баян?
Это Русь деревенская, братцы,
На ямщицкий заехала стан.

Русь играла на этом баяне,
Воспевая и удаль, и грусть.
Так подпойте ей, братцы-славяне,
Пусть звенит бубенцовая Русь!

Все мы живы! И что тут такого,
Что рыдает мой старый баян...
Просто Русь деревенская снова
На ямщицкий заехала стан.

ПОЭЗИЯ

Дмитрий МИЛОВ

Дмитрий Михайлович Милов – родился в с. Орудьево Дмитровского района Московской области 8 июля 1983 г. Образование – высшее юридическое. Поэт. Член Союза писателей России. В 2009 г. вышел первый сборник стихов «Между двумя», в 2014 г. – сборник стихов «Над временем», в 2017 г. – сборник стихов «Парадигма». Публиковался в газетах «Московский литератор», «Дмитровский вестник», журналах «Студенческий меридиан», «Огонёк», «Смена», «Дмитровский вестник», «Северная жемчужина». Имеет несколько общественных наград, лауреат литературных конкурсов и премий. В настоящее время работает над четвёртым сборником стихов.

Живёт в Дмитрове.

«Я остаюсь с тобой наедине...»

Долгое смотрение в пустоту
Не улучшает зрение. Оно удлиняет память...
Собираясь с мыслями, чтобы оставить
По эту сторону или ту...
Я решил, что оставлю страхи
Какому-нибудь земному стрелку.
Да! Ещё... в карман кителя или рубахи
Положите ему именно эту строку:
«Я решил, что оставлю страхи...»

Бронза не тронута юфтью и фетром,
В патину смотришь как на глубине.
В стенах дождя, порываемых ветром,
Я остаюсь с тобой наедине.
Брошенных слов вереницы веками
Ходят как нищие по городам.
Расквартированы ночью стихами
Или признанием к энным годам.
Как без тебя они осиротели...
Стёрлись границы, утраты, черты...
Голые степи измятой постели
Гонят меня из своей пустоты.
Разницы нет! От хором до барака...
Время закончилось, значит, пора...
Сотканный лацкан вороньего фрака
Скроет тебя в очертанье пера.

Сыну

Стоят деверья, им по двести лет.
Фантазмагорией, защиты от ненастья.
Как песня льва из соловьиной пасти
От городов, а значит, и от бед.

И кроны их есть некий серый сплав,
В себя вмещающий часть фона как обитель,
Где ветер не листнёт путеводитель,
Страницу для заметок затрепав.

Манящее тепло от миража,
Такое странное начало, но при этом,
Как будто всё является сюжетом
Из карамельных стёкол витража.

Придёшь сюда и ты когда-нибудь,
Не спрашивай пути подобно ртути.
Идущие тебе навстречу люди
Уже не вспомнят. Ты не позабудь!

Съедало небо между нами
Весь горизонт за валунами,
А где-то волны за волнами,
Цветущий вяз...

Роняла зёрна чечевица,
Вспомни ту жизнь, где ты был птица,
Синица в изморози ситца,
Последний раз...

Дарила профильная плоскость
Крылу невиданную лёгкость
Для тех высот, где тело – ёмкость,
Флакон души...

Царит там знание любое,
Глядя на облако рябое,
Не слышен в панораме боя
Приказ: «Дыши!»

Волны холодны, кротки,
Читают свои письмена.
Перевернуты лодки –
Отныне предтече зерна
Опустевшего юга...

Участь сорного семени
Здесь заключается в том,
Что росток остаётся без племени
Перед крестом
Небывалого плуга...

Ветер прошлого веял
На злаки внутри колоска,
Очищая от плевел,
А может, морского песка.
Улыбалась Фемида...

Для того чтобы, узел рубя,
Исчезала вся суть.
И беглец от себя
Смог продолжить по морю свой путь,
Потерявшись из вида...

Если курите, ваше дело – табак

Широко раскинулись поля графства Суффолк в Восточной Англии, которая, кстати, находится на той же широте, что и Воронежская область России.

Летний утренний туман стелется по низинам. Капли росы на изумрудной траве переливаются под яркими лучами восходящего солнца, словно драгоценные алмазы. Ещё не растаяла зябкая утренняя прохлада. Звенящая тишина изредка прерывается мычанием проголодавшихся за ночь коров, возгласами весёлых пастухов.

Два приятеля-фермера, Оливер Чиккенстокер и Фред Лиллертон, жившие в этом графстве в конце XIX века и занимавшиеся разведением томатов, давно проснулись, сидят меж длинных рядов парников и ведут беседу о растениях, теплицах, рассаде, пикировке сеянцев, разрыхлении почвы, прополке сорняков, окучивании, подкормке, формировании кустов, о борьбе с вредителями и болезнями томатов.

Оливер Чиккенстокер старше своего приятеля. У него значительно больший опыт разведения томатов в парниках и открытом грунте. Из-за этого Фред Лиллертон чаще обращается к соседу за советом. Фред не расстаётся со своей любимой трубкой и во время беседы, внимательно прислушиваясь к советам Оливера, глубоко затягивается ароматным табачным дымом.

Дела у приятелей идут хорошо, их хозяйства служат образцом для соседей. Плодородная земля Восточной Англии даёт богатый урожай помидоров. Их охотно раскупают, что позволяет не только компенсировать расходы и содержать семью, но и кое-что откладывать по обычаю фермеров на чёрный день.

...Шло время. Укреплялись дружеские связи соседей, росло их материальное благополучие. У Оливера и Мэгги Чиккенстокеров незаметно подросла дочь Нетти и превратилась в очаровательное белокурое создание. Рослый и сильный Кьют, сын Фреда и Кэт Лиллертонов, стал

Василий Евгеньевич Поляков – коренной москвич, родился 4 июля 1938 г., окончил 330-ю среднюю мужскую школу, затем 2-й Московский медицинский институт, клиническую ординатуру и клиническую аспирантуру в НИИ педиатрии АМН СССР. Врач-педиатр, гематолог, лимфолог, онколог и детский онколог, организатор здравоохранения. Защитил кандидатскую и докторскую диссертации. Профессор, академик Международной Академии Информатизации ООН и Международной Славянской Академии наук, образования, искусств и культуры. Член Союза писателей России. Живёт в Москве.

засматриваться на девушку, что, конечно, сразу заметили в обеих семьях. Фред Лиллертон в душе одобрил выбор сына: девушка нравилась и ему.

– А почему бы нам не породниться?! – как-то сказал Фред жене Кэт. – По моему, голубица Оливера и Мэг вполне смотрелась бы рядом с нашим голубем. Жена Фреда одобрила вкус сына и, естественно, не возражала мужу.

При случае Фред Лиллертон в беседе с Оливером Чиккенстокером затронул эту тему. Оба усмехнулись, представив себя сватами, и договорились обручить молодых осенью.

...А к осени дела у Фреда Лиллертона пошли из рук вон плохо. По непонятной причине помидоры на его участке выросли мелкими, невкусными, с бурыми пятнами. Фред обратился к приятелю: «Оливер, – сказал он печально, – боюсь, что с моими помидорами дело – табак. Вроде бы земля и почва у нас с тобой одинаковые, сорта томатов и уход за ними – тоже, климат и погода одни, а результат совсем разный. У тебя помидоры такие большие и вкусные, а что с моими – ума не приложу».

Фермеры долго беседовали, пытаясь выяснить причину внезапной болезни растений...

– Знаешь, Фред, – задумчиво произнёс наконец Оливер, – вероятно, это какая-то плесень. Тебе нужно полностью уничтожить поражённые растения, ботву собрать в одно место, высушить и сжечь, а парники опрыскать. – И он долго говорил, какими растворами и в какой последовательности нужно обработать парники и почву.

Фред Лиллертон, набивая трубку, сказал огорчённо:

– Это столько труда и расходов. Боюсь, что мы с сыном не управимся до обручения.

– А вот с этим ваше дело – тоже табак, – отрезал Оливер, давая понять, что не собирается обручать свою дочь с сыном разоряющегося фермера.

Истинный англичанин, Фред и бровью не повёл, не показал, что слова приятеля больно задела его самолюбие. Он с достоинством докурив трубку и вежливо откланялся.

Вернувшись домой, Фред подробно пересказал жене и сыну советы Оливера. Вместе с сыном они уничтожили поражённую ботву и рассаду, обработали семена протравой, обеззаразили парники горячим паром и раствором формалина. Однако и на следующий год, и через год томаты на участке Фреда продолжали болеть, помидоры вырождались, были мелкими, с горьким привкусом, урожай падал, торговля не шла. Фермер оказался на грани разорения.

Как-то вечером уставший после тяжёлого дня Фред Лиллертон пил чай в кругу семьи. У него не выходили из головы невесёлые мысли о вырождающихся томатах, о несостоявшемся обручении сына Кьюта, о том, что у Оливера Чиккенстокера дела шли по-прежнему отлично, а у него всё больше расстраивались.

– Понимаешь, – обратился Фред к жене Кэт, – самое непонятное и огорчительное в том, что даже такой специалист здешних мест, как Оливер Чиккенстокер, и тот ничем не смог мне помочь. Да, правильно он тогда сказал: твоё дело – табак.

Ночью Фред не мог заснуть. Он приглушённо кряхтел и осторожно ворочался, боясь спугнуть чуткий сон Кэт. Удручало то, что не хватает денег даже на неотложные покупки. Он снова мысленно сравнивал благополучный, полный красивых спелых помидоров участок Оливера Чиккенстокера со своим,

который, несмотря на все усилия, всё больше приходил в упадок. Мучительно захотелось курить. Фред осторожно поднялся с постели, вышел на крыльцо, стал набивать трубку табаком. Вспомнил слова Оливера: «А вот с этим ваше дело – тоже табак». И вдруг замер.

– А что если в словах Оливера есть хоть доля правды? Может быть, их прямой смысл важнее того, что в них вкладывал его приятель? Но какое отношение может иметь курение к болезни томатов? А с другой стороны, вся разница между мной и Оливером как раз в том, что Оливер Чиккенстокер не курит, а я почти постоянно сосу трубку... А если бросить курить? Это трудно, ой, как трудно. Но этим я уравниваю себя с Оливером. Он не курит, и я брошу.

Принять такое решение было легче, чем выполнить его. Но Фред проявил себя настоящим мужчиной.

Через три года состояние участка Фреда Лиллертона стало постепенно улучшаться. Томаты перестали болеть, плоды вновь стали вызревать вкусными и сочными. Финансовые дела фермы пошли в гору.

Как-то в солнечный летний день Фред Лиллертон, приодевшись и надушив усы, отправился в гости к Оливеру Чиккенстокеру. Теперь у них обоих дела шли прекрасно. Можно было вернуться к теме обручения.

По торжественному виду Фреда Оливер сразу догадался о цели визита. Чиккенстокер пригласил Лиллертона в дом. Они быстро решили вопрос об обручении. Разговор перешёл на историю загадочного заболевания и выздоровления помидоров. Но как подробно ни обсуждали они эту тему, причина болезни растений оставалась для них загадкой.

Прощаясь, Лиллертон пошутил:

– До скорой встречи, будущий дед!

– А ты совсем не подходишь для этой роли, – парировал Чиккенстокер. – Как-то ты посвежел и помолодел за последнее время.

– В этом нет никакого секрета. Я бросил курить, – ответил Фред. И весело добавил: – И не только бросил курить, но даже прибил к воротам плакат «Курить воспрещается», чтобы ко мне не приходили курящие фермеры и покупатели. Пусть теперь у них, а не у меня будет дело – табак. И вообще, кто его знает, может быть, табак и в самом деле как-то действует на томаты? Одним словом, я не хочу, чтобы кто-нибудь теперь свёл на нет весь мой труд и труд моего законного наследника.

Ведя этот разговор, ни Фред Лиллертон, ни Оливер Чиккенстокер, конечно, не могли знать, как они были близки к истине.

А в это же время, в 1887 году, студент Дмитрий Иосифович Ивановский (1864–1920), учившийся на отделении физиологии растений естественного факультета Санкт-Петербургского университета, получил задание биолога профессора Андрея Николаевича Бекетова (1825–1902) и ботаника профессора Андрея Сергеевича Фаминцына (1835–1918) выехать на Украину и в Бессарабию для установления причины заболевания табака на местных плантациях и крестьянских участках.

После долгих лет упорного труда Дмитрию Иосифовичу Ивановскому удалось открыть, что растения табака на плантациях поражают две самостоятельные болезни. Одна из них – рябуха, вызываемая грибом. Другая, как оказалось, вызывалась невидимым растворимым ядом, свободно проходившим через бактериальный фильтр и состоявшим из очень мелких частиц живой материи, невидимых даже в микроскоп.

Этим исследованиям молодой учёный посвятил две свои публикации. В 1892 году вышла его работа «О двух болезнях табака», а в 1902 году была опубликована его докторская диссертация «Мозаичная болезнь табака». В это время Д.И. Ивановский уже работал профессором физиологии растений в Варшавском университете. Впоследствии токсины, яды, болезнетворные частицы возбудителя мозаичной болезни табака получили название «вирусы». Началась эра новой самостоятельной науки – вирусологии.

Вирус табачной мозаики поражает многие растения, в том числе табачные и томатные. Только спустя 7 лет после смерти Д.И. Ивановского, в 1927 году, было установлено, что заболевание помидоров, вновь возникшее в некоторых хозяйствах Англии, передаётся курительным табаком, заражённым вирусом табачной мозаики. Это происходит через руки ухаживающих за томатами людей, на которые попал заражённый табак.

Оказалось, что вирус табачной мозаики поражает многие растения, в том числе табачные и томатные, так как существует несколько его разновидностей, или штаммов.

Через 12 лет после опубликования докторской диссертации Д.И. Ивановского, в 1914 году, пытливые английские учёные поставили эксперимент, целью которого было выяснить, как долго сохраняются инфицирующие свойства вируса табачной мозаики. Они поместили сок из листьев поражённых мозаичной болезнью растений табака в одни банки, а в другие – сухие листья такого табака. Неплотно закрытые банки поставили в оранжерею, где поддерживалась постоянная температура 22°С. Вода из сока испарилась, он превратился в сухой остаток в виде порошка. Прошло много лет, и из сухого порошка и сухих листьев приготовили экстракты (вытяжки), развели их изотоническим раствором хлорида натрия и полученной взвесью натёрли листья здоровых растений табака. Проверка 1926 года (через 12 лет) и 1965 года (через 51 год) показала, что в экстрактах сохраняются болезнетворное начало (вирус) и способность вызывать инфекционное заболевание – мозаичную болезнь табака.

В 1960–1961 годах другая группа учёных Англии решила проверить частоту заражения курительных табаков вирусом мозаичной болезни. Тщательному вирусологическому исследованию подвергли 203 образца употребляемых в стране курительных табаков. Оказалось, что только 15 из них не содержали вирус, 5 образцов были поражены табачным и 183 – томатным штаммом вируса.

Учитывая все эти данные, учёные в качестве мер профилактики рекомендовали фермерам при уходе за растениями табака и томатов не только не курить, но и не держать в карманах курительный табак, сигары, сигареты, папиросы, чтобы крошки табака и табачная пыль не могли попасть на растения

и сельскохозяйственный инвентарь, курить в специально оборудованном месте, где имеется закрывающийся ящик для сбора окурков, после курения тщательно мыть руки с мылом.

Таким образом, курение вредит не только человеку, но и растениям. Нельзя забывать, что у человека курение вызывает истощение нервных клеток, снижение работоспособности, угнетение и расстройство центральной нервной системы, деятельности сердца и сосудов, органов дыхания и пищеварения, эндокринных желёз, укорачивает «цветущий возраст» и общую продолжительность жизни, у женщин расстраивает менструальную и репродуктивную функции. У длительно курящего человека могут развиваться атеросклероз, облитерирующий эндартериит, ишемическая болезнь сердца, язвенная болезнь желудка и двенадцатиперстной кишки, инфаркт миокарда, рак лёгкого, рак желудка... Самое обидное, что курящий человек обречённо, молча и добровольно во всё возрастающем темпе подгоняет себя к собственным похоронам.

Если смотреть на проблему серьёзно, то лучше вообще не курить.

А человеку, всё ещё курящему, совет только такой: «Бросьте курить – решительно и сразу. Пока вам не сказали, что “ваше дело – табак...”»

Примечания

Ивановский Дмитрий Иосифович, 28.10 (09.11) 1864, село Низы ныне Ленинградской области – 20.04.1920, Ростов-на-Дону.

Выражение «дело – табак» имеет несколько значений.

Первое, прямое значение: круг интересов, профессия, основное занятие человека связано с табаком (выращивание, сбор урожая, доставка до места переработки, табачная промышленность, табачная фабрика, продажа табака, научные исследования о растении табак и пр.).

Второе значение: команда лидера артели остальным бурлакам, означавшая трудную ситуацию, необходимость дело делать (тянуть баржу) и табак не замочить.

Третье значение: дела не продвигаются, жизнь осложнилась, здоровье пошатнулось, жизнь в опасности.

Выражение пошло от бурлаков. Они тянули за ляжку баржу, продвигаясь по берегу. Берег не всегда был ровным, он был изрезан оврагами, лощинами, ручьями, речками. Эти препятствия приходилось преодолевать вброд. Шедший впереди бурлак промерял глубину шестом. Когда возникала опасность замочить табак, используемый на самокрутки во время перекуров, вперёдсмотрящий давал команду: «дело – табак!», что требовало повышенного внимания к основному делу (передвижению баржи) и к табаку (в этом случае мешочек с табаком укрепляли на голове). Некоторые бурлаки маленького роста оступались, начинали тонуть, подмачивали и просыпали табак. Постепенно выражение «дело – табак» приобрело современный переносный смысл «всё плохо», «всё очень плохо».

ПОЭЗИЯ

Надежда ОХРИМЕНКО

Надежда Николаевна Охрименко – член Союза писателей России, член Союза журналистов России. Окончила МВТУ им. Н.Э. Баумана и Народный университет рабочих корреспондентов им. М.И. Ульяновой. Была руководителем литературного объединения «Петровка, 38» при ДК ГУВД и руководителем музыкально-литературной гостиной «Стойло Пегаса» при московском Доме самодеятельного творчества. Автор пяти поэтических сборников. Шестикратный дипломант конкурса МПО «Галерея избранного стихотворения». Награждена дипломом 1-ой степени и медалью «России верные сыны», памятным знаком «300 лет российской журналистике», дипломом 1-ой степени Международного интернет-конкурса «Страницы семейной славы», памятными литературными медалями: «А.С. Грибоедов», «А.П. Чехов», «М.Ю. Лермонтов», орденом «В.В. Маяковский «Светить всегда»».

Живёт в Москве.

«Так пусть сильнее звенит души струна...»

Отчий дом

Здесь всё напоминает о былом:
И старый сад, и ветхой скрип калитки,
Осевший набок потемневший дом,
Похожий на ракушку без улитки;
И ржавый флюгер, что глядит на юг –
От старости он двигаться не может.
Мой отчий дом, мой верный, добрый друг,
Меня вина перед тобою гложет,

Ведь ты с тоской глядишь уж столько лет
На этот сад, калитку и дорогу!
Хозяев ждёшь, а их всё нет и нет,
И я шла годы к твоему порогу...
Когда-то дружно здесь семья жила,
И дом лучился тёплым, добрым светом.
Казалось, жизнь безбрежною была,
Но пролетела яркою кометой...

А соловей так искренно поёт,
Что вечна жизнь, и вечна эта песня!
Я слушаю его, – и сердце жжёт,
Ему в груди моей – до боли тесно,
Ведь трепетные песни соловья,
И цвет сирени – душу обжигают!

Мой отчий дом, ты Родина моя.
Я без тебя... свечою тихо таю.

Юлька

Посмотри, от паперти, чуть слева,
Старенькая женщина стоит,
И довольно робко и несмело
Крестится, молитву говорит.
Помолилась, руку протянула,
Голову чуть выше подняла,
На меня внимательно взглянула –
И к себе негромко позвала.

Мне она знакомой показалась,
Вспомнить попыталась – не смогла.
Ближе подойдя, я растерялась,
Словно в душу мне вошла игла.
Вспомнила! Как током вдруг кольнуло,
Как же я сумела позабыть?!
Это ж мать моей подруги Юли,
С кем я в школе начала дружить.

После школы – дёрнули на стройку,
А потом – и след её простыл.
Эту Юльку, Юльку-комсомолку,
Школьный коллектив всегда любил.
Смелая, весёлая, прямая –
Юля нам примером всем была.
А старушка молвила, вздыхая:
– На Кавказе дочка умерла.
Нет, не умерла. Она... погибла.
Воевать поехала туда.
Так, с тех пор я духом и поникла,
Не живу, а тороплю года.
Ты была ей лучшею подругой,
Приходила к нам частенько в дом.
Знаешь, дочь моя перед разлукой,
Часто говорила о былом.
Грустная ходила – и понятно:
На войну идти не так легко...»

А мороз крепчал довольно знатно,
Забирался в шубу глубоко.
Золотился купол в небе синем,
Каркали вороны на ветвях.

На её платке пушился иней,
 На бровях лежал, на волосах.
 А глаза старушки засияли,
 Вспоминая с дочкою года...
 Мы с ней долго Юльку вспоминали –
 Так, как никого и никогда.
 Вот уж вправду, жизнь – она, как жребий:
 Выпадает решка иль орёл.
 Зажигались звёзды в тёмном небе,
 У луны светился ореол.
 Мне же было нестерпимо горько
 Оттого, что Юльки больше нет.
 Почему смертей на свете столько,
 Что считать – не сосчитать вовек?!
 Почему нелепо гибнут люди,
 Сколько войн, несущих массу бед?
 И покоя на земле не будет
 Ни сейчас, ни через сотни лет.

Ты помнишь дождливую прошлую осень,
 Что ветками в окна упрямо стучала?
 И небо тогда позабыло про просинь,
 Дожди шли и шли без конца и начала.

В озябшем саду беспокойные птицы
 Всё ждали, когда прекратится ненастье,
 Чтоб утром, а может, под вечер пуститься
 В большой перелёт за нечаянным счастьем.

И вот наступило такое затишье.
 Взволнованно птицы взмахнули крылами,
 И долго потом нам с тобой было слышно
 Прощанье пернатых с родными полями.

А ночью на сад, опустевший и мокрый,
 Обрушился вдруг ураган небывалый.
 И в доме разбились какие-то окна,
 Ломались деревья и громко стонали.

То было похоже на предупрежденье,
 Что всё в этом мире и шатко, и зыбко!
 ... Я помню ту ночь: ураган, воскресенье,
 И рвущее душу рыдание скрипки.

Коллегам по перу

С годами и мудрей, и зорче взгляд,
 А звуки лиры – сдержаннее, глуше.
 Глаза не так, как в юности, горят,
 Но сердце – лучше видит, слышит лучше.

Не так уж резво рвёмся за порог,
 И радует порой любая *малость*.
 Но рано подводить ещё итог,
 Ведь в жизни столько нам ещё осталось!

Так пусть сильнее звенит души струна,
 Являя миру строк неповторимость!
 А то, что жизнь даётся лишь одна...
 Спасибо ей за то, что не приснилась!

Когда мне скажут, что пришла пора
 С любовью к жизни навсегда расстаться,
 Тогда расправлю два свои крыла
 И стану к Солнцу с песней подниматься
 До тех высот, куда хватит сил,
 Покуда сердце не устанет биться.
 Потом сложу свой веер белых крыл
 И упаду на землю гордой птицей.

Конкурс «Супердедушка». Взгляд изнутри

Вот уже несколько лет в Москве проводятся конкурсы «Супербабушка» и «Супердедушка» для лиц, достигших пенсионного возраста, имеющих детей, внуков и ведущих активный образ жизни.

Не избежал участия в этом мероприятии и я. Но в 2017 году что-то сорвалось, и обошлось без моего присутствия, хотя все бумаги были подготовлены. Я не был расстроен, т.к. всё, что ни делается – всё делается к лучшему. Во всяком случае, лето прошло спокойно, и мы с женой в сентябре без помех отдохнули в Геленджике. Весной 2018 года карусель с конкурсом завертелась с новой силой. Сначала потребовалось заполнить анкету участника в своём ЦСО, получить «одобрямс», затем пройти отборочный этап на уровне 17 районов нашего округа в СВАО, а потом лучшие 9 человек боролись за право представлять округ на «первенстве» Москвы в августе.

Учитывая, что все мы были уже «60+», повидали и пережили в жизни всякое, мандража практически не было, тем более что каждый был, как говорится, «хорош» в своём деле. Ведь выйдя на пенсию, многие смогли заняться делами, которым не удалось уделить достаточно времени в молодости. Причём это не зависело от полученного образования и специальности, поэтому люди с нерастраченной жизненной энергией с удовольствием окунулись в эту новую жизнь. Среди нас были учёные, бывшие спортсмены, отставные офицеры и рабочие. Равны мы были только в одном – возраст «60+».

Самое интересное, что двоих из этой пёстрой компании я давно уже знал. С одним мы часто встречались на окружных ветеранских соревнованиях по настольному теннису, а с другим участвовали в различных волонтерских концертах, где он прекрасно танцевал не только сам, но и ставил хореографические номера в СВАО. Поэтому я повторяю, что никакого внутреннего напряжения у меня не было.

Александр КУЩ

Александр Андреевич Куш – родился в 1949 г. в Москве. Окончил МВТУ им. Баумана. Трудовая деятельность была связана с вычислительной техникой, ветеран труда. По итогам 1989 г. был признан лучшим по профессии Министерства радиоэлектронной промышленности СССР и награждён Почётным дипломом. Победитель и призёр конкурсов профессионального мастерства Минрадиопрома СССР. Член МГО СП России. Награждён дипломами за участие в конкурсах МГО СП России, регулярно печатается в газете «Московский литератор». Участник IV Фестиваля славянской поэзии в Варшаве в 2011 г. Лауреат конкурсов МГО СП России «Лучшая книга 2011–2013, 2012–2014» (книги «Такая жизнь», «Перестал удивляться плохому», «Его Величество Случай»). Живёт в Москве.

Итак, после первого этапа нас осталось 9 человек. Каждый готовил обязательную программу – небольшой рассказ о себе и, соответственно, само выступление. Фактически за 8–10 минут нужно было вкратце описать свой жизненный путь, а затем обаять конкурсную комиссию имеющимися талантами. И каждый старался, как мог, тем более что в зале ДК им. А.В. Луначарского находились зрители из групп поддержки и приглашённые участницы прошедшего несколькими днями ранее конкурса «Супербабушка».

Я с удовольствием смотрел программы своих «собратьев по оружию», т.к. это действительно было очень интересно. По ходу дела удалось перезнакомиться со всеми участниками, и тут... Я давно знал, что существует Его Величество Случай (ЕВС), но чтобы так ярко он проявился в этот раз, даже и не мог себе представить. В нашем округе проживает 1 415 000 человек, т.е. фактически население города-миллионника. И вот на конкурсе за разговорами я знакомлюсь с двумя людьми, с которыми в условиях такого «муравейника» встретиться было совершенно невозможно. Когда я услышал фамилию одного из них, то сразу понял – это ЕВС. Его звали Марк Николаевич Эпштейн. Молодому поколению эта фамилия практически ничего не говорит, но во времена моей юности по популярности она не очень уступала знаменитым Тарасову и Чернышову, которые возглавляли сборную Советского Союза по хоккею с шайбой и соответственно спортивные клубы ЦСКА и московское «Динамо». Ведь отец Марка был знаменитым тренером хоккейной команды «Химик» из Воскресенска на протяжении 20 лет и воспитал немало хоккейных звёзд, вошедших в состав сборной Советского Союза. А руководство команды ЦСКА постоянно забирало наиболее талантливых игроков «Химика», призывая их в армию. Естественно, что потом они оставались в рядах армейской команды.

Марк оказался весёлым и общительным человеком, с которым было легко и приятно общаться. Разговор на спортивные темы быстро перешёл на хоккей, и тут меня ждал сюрприз. В нашем дворе жил Володя Мигунько, который был на 2 года старше меня. Учились мы в одной школе – сначала в 405-й, а после её закрытия в 632-й. Он начинал играть в хоккей в московском «Локомотиве» вместе с Евгением Зиминым, а затем стал защитником «Спартак», дважды становился чемпионом Советского Союза и выигрывал вместе с командой два раза Кубок СССР. А Марк, оказывается, его знал, так что нам было о чём поговорить.

Выступал Эпштейн в узбекском халате, в тубетейке с весёлой миниатюрой. Зайдя в предоставленное нам помещение и увидев его в столь необычном наряде, я не смог удержаться и поприветствовал уважаемого аксакала несколькими фразами на узбекском языке. Марк грустно посмотрел на меня и произнёс: «Ну, вот, ещё один юморист». А после своего выступления он рассказал историю, связанную с этим необычным нарядом.

Во время экскурсионной поездки в Узбекистан Марк на память купил себе национальный наряд. Народ над ним подшучивал, но покупка неожиданно пригодилась ему во время возвращения домой, ведь возвращались они в Москву уже в октябре, а это вам не Ташкент, где ещё в ноябре можно ходить в рубашке. Недолго думая, Марк надевает халат и тубетейку и встаёт в большую очередь на такси. По его расчётам, стоять предстояло долго. Но вдруг перед ним резко останавливается машина, и приветливый водитель предлагает подвезти «уважаемого аксакала» в нужное место. И свой шанс Марк не упустил. А водитель «купился» на внешний антураж пассажира, видимо,

всерьёз приняв его за жителя знойного Узбекистана и решив сорвать с него хорошие деньги.

Интереснее всего оказался промежуток времени, когда жюри конкурса подводило итоги и выявляло победителя. Здесь все уже расслабились и начали дурачиться по полной программе, невзирая на заслуги и регалии. Каждый старался рассказать что-то необычное или весёлое, и трудно было поверить, что это «отрываются» не подростки, а взрослые дядьки с богатым жизненным опытом, но не утратившие своего внутреннего запала и любви к различным розыгрышам.

Будущий «Супердед» СВАО Николай Иванович Рязанцев начал рассказывать, как в 64 года потерял в уличной драке передний зуб, и даже показал в телефоне, как он выглядел после этого происшествия. Понятно, что другим тоже не хотелось ударить в грязь лицом, и рассказы сыпались как из рога изобилия, показывая, что действительно после «60+» жизнь только начинается.

Лишь один участник скромно сидел в стороне, ничем не выделяясь. Когда Иваныч вовсю развернулся в своём рассказе, тот неожиданно тихо произнёс: «Всё это фигня, ребята. Я вот в 67 лет сына родил». Все моментально замолчали, переваривая неожиданную информацию. Насладившись произведённым эффектом, «молодой» отец добавил, что сыну уже 17 лет, и показал фотографию. Тут мы вообще прикусили языки, сразу сообразив, кто тут настоящий герой. А герой оказался доктором технических наук, профессором и никак не выглядел на свои 84 года.

Ещё на первом этапе конкурса мне очень понравилось напористое, весёлое и слегка «хулиганское» выступление Николая Ивановича Рязанцева из Марьиной Рощи, и я решил познакомиться с ним поближе. Внутренний голос меня не обманул. Мы с ним оказались «одной крови», закончив одно и то же училище – МВТУ имени Н.Э. Баумана. Только он дневное отделение, а я вечернее.

Я вообще люблю весёлых и находчивых людей, а «дед Колян», как он себя отрекомендовал на сцене, поразил публику не только своим артистизмом, но и мастерским владением топором (на слайдах) в своём саду. После такого выступления женская часть аудитории просто завалила его заявками по расчистке собственных садов и огородов, на что «дед Колян» бодро ответил: «Всегда готов!».

Видимо, этот тонкий, хорошо рассчитанный тактический ход настолько поразил жюри, основу которого составляли женщины, что по итогам выступлений именно Николай Иванович вполне заслуженно стал «Супердедом» СВАО со всеми вытекающими обстоятельствами: неожиданно свалившейся славой, многочисленными выступлениями и большим количеством поклонниц. А я только порадовался, что студенческое КВНовское прошлое так пригодило ему в этой нелёгкой, но такой интересной борьбе. Ведь после его выступления я начал вспоминать соревнование КВНовских команд различных факультетов, которые проходили в нашем ДК. И это было очень увлекательное зрелище.

Небольшое отступление. В конце 60-х и начале 70-х годов прошлого столетия лидирующее положение занимала команда КВН из МИСИ (Московского инженерно-строительного института). Во время их выступлений народ невозможно было оторвать от экранов телевизоров. А шутки студентов моментально расходились по стране. И можете представить себе моё изумление,

когда в августе 1968 года я оказался в одном доме отдыха под Хостой вместе с Марком Спиваком из этой самой команды. И не просто оказался, а 20 дней жил вместе с ним в одной палате. Всё это время дом отдыха буквально стоял «на ушах» от шуток Марека. И ещё одно проявление Его Величества Случая. Третьим отдыхающим был мой школьный товарищ, Виктор, а четвёртым – студент 2-го курса МВТУ им. Баумана Сергей. Поэтому те 20 дней у нас пролетели незаметно и весело.

Когда мне пришла идея написать рассказ про этот необычный конкурс, то я решил посмотреть гороскоп Николая Ивановича. И тогда мне многое стало понятно. Ведь он родился в год Красной Огненной Собаки по восточному календарю, которую отличают сильный характер и воля в достижении поставленных целей. Развитое воображение позволяет Собаке стихии огня удачно реализовывать себя в творчестве. Это надёжный знак с преимуществом инициативы. Основным качеством знака Собаки является честность. Благородство и верность принципам, людям, делу, а также лояльность к недостаткам других людей отличают этот знак. Среди знаменитых людей России носителями этого знака являются Александр Васильевич Суворов, Анатолий Папанов, Алиса Фрейндлих.

И когда я собрал в одну кучу всю эту информацию, то понял происходящие события. Ведь после Окончания МВТУ им. Баумана Николай Иванович долгое время служил в Погранвойсках, окончил академию ФСБ, а после выхода в отставку много лет работал в коммерческом отделе аэропорта Шереметьево. И вот теперь настал черёд проявить снова свои артистические таланты.

И хотя наш лесоруб и правдолюб «дед Колян» на первенстве Москвы не вошёл в число призёров, я буду с удовольствием и дальше за него болеть на выступлениях различного уровня. Ведь нам обязательно надо выполнить программу долголетия «80+», чтобы в 2030 году в добром здравии и ясном уме отпраздновать 200-летие нашего легендарного училища. И я уверен, что многие ветераны с большим удовольствием присоединятся к нам.

ПОЭЗИЯ

Валентин Владимирович Лушин – родился в 1950 г. в Узбекистане. Окончил военное училище в Ташкенте. Посвятил военной службе около 30 лет. Начав службу лейтенантом пехоты, в запас ушёл в звании полковника ФСБ. Автор четырёх книг стихотворений. В творчестве обращается как к любовной, так и к гражданской лирике.

Живёт в Москве.

Валентин ЛУШИН

«Промчались кипучие годы...»

О русском вопросе

Когда народ расколют на обломки,
То и тогда величия его
В истории не посрамят потомки.
Но мы ещё посмотрим кто кого!

Но продолжают жалкие попытки
Нас погрузить в сплошное забытьё
Те, у кого имущества в избытке,
Вполне благополучное житьё.

Народ – громада! Обрати вниманье –
Страны не просто в сумме большинство,
Костяк, основа, мощь образованья,
Высокое природы естество!

Обрушите его, но этот вал
Снесёт любые жалкие строенья,
Как мудрецов ничтожные сомненья
Небесный рок не раз разоблачал.

Теперь в «верхах» вращаясь по орбите,
Себя в особый помещая стих,
Вы, дорогие, русских берегите –
И сами сохранитесь возле них!

Кубе – 60!

Промчались кипучие годы,
От прошлого мир заслонив,
Но всё-таки Остров Свободы
Свободен, доволен и жив!

Для мира заметная веха –
Такие примеры важны!
А янки, по мнению Генсека,
Ежа получили в штаны!

А ёжик в штанишках колючий.
С ним так неудобно шагать
Тому, кто богатый, могучий,
Имеет великую рать.

Не только по силе солдата,
По воле народа земли
При помощи русского брата
Кубинцы страну сберегли.

Из мира колоний шагнули.
Не сбылся коварный прогноз,
Банкирам большущую дулю
Подсунули прямо под нос!

В сплошном океане товаров
Скрывается гнусная суть.
Фидель, Стенфуэгос, Гевара
Иной обозначили путь.

Не только в явлении свободы
Для прочих большущий вопрос.
В десятке счастливых народов
Кубинцы, по мнению ВОЗ!

Ф.И. Тютчев

«Люблю грозу в начале мая!..»
Как звезданёт, так нет сарая! –
Так сочинил о нём народ
Полувесёлый анекдот.

Поэт и сам беспечно-весел.
Шутил частенько на балах.
Он был приятен в высшем свете,
Да и в обыденных делах.

Ему всегда недоставало
Вокруг природной красоты.
Одной жены бывало мало,
Как и единственной мечты.

Хотя восторженные крики
Без напряженья находил,
Он не считал себя великим.
Беспечно тексты не хранил.

Немного их потом осталось,
И в этом есть большая жалость.
Но то, что можем почитать,
Не может нас не восхищать!

О доме родном

Я рос под солнцем юга,
Хотя не азиат.
Была моей подругой
Узбечка Патимат.

Славяне, турки, греки –
Кишлак и махалля...
Но больше всех узбеки –
Ведь это их земля.

Наш домик незаметный
На краешке села,
На злобу безответный
Природа припасла.

Но славен русским бытом:
Печурка, погребок,
И банька, и корыто,
И с кашей чугунок...

С великими трудами
Подрос фруктовый сад.
С прозрачными кистями
Поднялся виноград.

Родни довольно много
Нам удалось найти.
Их привела дорога
По разному пути.

Да, мир тот был чудесен,
И жил в сердцах огонь
В обилье русских песен
И плясок под гармонь!

Но вдруг прорвались к власти
Безумные вожди.
Что им людские страсти?
Им люди как дожди...

Под мнимую свободу
(Как мутный плеск воды)
Остались меж народов
Кровавые следы.

Пошли кругом сраженья,
А власть не дула в ус.
Без всякого сомненья
Обрушила Союз!

Но безобразных сценок
Мы не были виной,
Хоть продан за бесценок
Уютный дом родной.

Об этом боль и жалость
Я в памяти храню.
Всё было, но осталось
Теперь в чужом краю!

И.А. Крылов

Я с детства с баснями знаком:
Читал, смотрел и слушал.
Они приятным ветерком
Мою ласкали душу!

Там тёплый юмор лёгких строк –
Народное гулянье.
Крылов один такого смог
Достигнуть состоянья!

Там звери, птицы вроде нас –
Умны, чудаковаты.
Но это был народный глас –
Веселие без платы!

Крылов и сам был чудаком.
Чудил в быту безмерно!
Он был огромным мужиком.
А в творчестве примерным.

Для всех он дедушка Крылов,
Кто мудр, находчив, ясен.
Дошёл из глубины веков
Поток великих басен!

Памяти капитана 2-го ранга, поэта Валентина Ковалёва

Стихи читали мы в начале,
В последний провожая путь.
Поэт умерший не печален,
Но снисходителен чуть-чуть.

По жизни шёл походкой твёрдой,
Держа геройство про запас.
Морской мундир, как раньше гордо,
Одел теперь в последний раз,

Прощаться с близкими непросто,
Как и непросто рядом жить.
Перед последним скорбным тостом
Успели мы поговорить.

Каков он был зимой и летом
На протяженье долгих лет?
Средь нашей братии поэтов
Дерзал особенный поэт!

За сочиненье лучших песен,
Быть может, уготован рай.
Он был умён, к тому же весел,
А также добрый через край!

В воспоминаньях нет нагрузки...
Закончился недолгий век.
Он был простой, обычный, русский,
Прекрасный русский человек!

С. Есенин и граница

Недолго пробыл за границей
Без своего такая грусть...
Мелькая перелётной птицей,
Он вспоминал родную Русь!

Как дорог мир рязанских песен,
Такой любимый и простой!
А мир чужой неинтересен.
Он ненадёжный и пустой.

Россия – русская деревня.
Крестьяне – суть её и кровь!
В ней очаги культуры древней,
Её вселенская любовь!

Как в резервации индеец
С душою полную тоской...
Он был отнюдь не европеец
К тому ж совсем не городской.

Вернулся быстро измождённый,
Чтобы поспешно догореть.
Самой судьбою принуждённый
В родных просторах умереть.

Частенько власть меняет лики
(Подчас народа не спросив)...
Есенин наш поэт великий
Крестьянской, подлинной Руси!

30 лет без Афгана

30 лет без Афгана,
Только память жива.
И солдатские раны
Не пустые слова!

Стали гладкими шрамы.
Песни долго живут.
Ценят жёны и мамы
Вечный воинский труд!

Есть высокая плата
Сохранять тишину.
Но поверь, не солдаты
Начинают войну!

Борода

— Ну ладно, мужики, я пошёл, а то жена уже, наверное, по...потеряла меня...

Андрей Потапов с трудом встал с продавленного кресла. Кресло это, а также ещё старый диван, притулившийся к плохо оштукатуренной стенке с рядами самодельных полок, заваленных всяческими запчастями, инструментами и ещё каким-то железным хламом, находились в просторном тёплом гараже соседа и приятеля Андрея, Серёги Шелудько.

— Да ну, ты чего, Андрюха! Посиди ещё, вон водки у нас сколько! Ты чего?

Серёга приподнял со стола семисотграммовую бутылку водки, не опорожнённую ещё и наполнивину, поболтал ею в воздухе. Водка ласково булькнула за толстым прозрачным стеклом. Ещё одна такая, только пустая, бутылка валялась под низеньким колченогим столом, больше похожим на лавку, и время от времени с тихим звоном перекачивалась по деревянному полу, когда её задевали ногами.

Сам Сергей сидел на диване, рядом примостился ещё один мужик — коллега Серёги по работе в автомастерской с редким ныне именем Никодим. Мужики были уже крепко пьяны, но, похоже, расходиться по домам не собирались, так как праздновали получение зарплаты. Андрей Потапов свою получку, вернее, остатки её, отдал своей жене ещё несколько дней назад. Сам он работал совсем в другом месте — был охранником в продуктовом магазине.

В гараж этот Андрей попал не за тем, чтобы напиться — Шелудько уже давно обещал ему притаранить с работы пару флаконов уайт-спирта (вернее — спирита, но все мужики произносят название этого химиката именно как спирт, как им привычнее), которого в их мастерской было, по словам Серёги, «хоть ж...й ешь!».

А этот уайт-спирт, в свою очередь, Андрей обещал тестю, жившему в деревне Опухлинка, за тридцать километров от областного центра. Тестю

Марат Хасанович Валеев — родился в 1951 г. Рос и учился в целинном Казахстане. Окончил факультет журналистики КазГУ им. Аль-Фараби (г. Алма-Ата). Написал и опубликовал несколько сотен иронических, юмористических рассказов и миниатюр, фельетонов. Автор и соавтор свыше десятка сборников юмористических рассказов и фельетонов, прозы и публицистики. Автор публикаций во многих российских журналах и газетах. Лауреат и дипломант ряда литературных конкурсов, в том числе «Золотое перо Руси»-2008 (номинация юмор), Общества любителей русского слова (номинация проза, 2011), «Рождественская звезда-2011» (номинация проза), имени Виталия Бианки (2017). Член Союза российских писателей.

Живёт в Красноярске.

же эта фигня нужна была как растворитель — он собирался не то что-то красить, не то, наоборот, смывать краску.

По словам тестя, в их единственном опухлинском магазине этого уайт-спирта отродясь не было, вот он и попросил зятя в недавнем телефонном разговоре достать его в городе. А когда Андрей, в свою очередь, обмолвился Серёге о просьбе тестя и пожаловался, что никак не может выбрать времени, чтобы сходить в какой-нибудь хозяйственный магазин и купить наконец этот вонючий уайт-спирт и отвезти при случае в Опухлинку, Серёга и сказал, что не надо никуда ходить и тратиться: он притащит пару флаконов с работы.

И вот сегодня вечером он позвонил Андрею из своего гаража и попросил его прийти и забрать уайт-спирт (мы не случайно столько внимания уделяем этому растворителю, так как ему предстоит сыграть в нашем рассказе немаловажную роль).

Андрей заикнулся было, чтобы сосед приволок флаконы к себе домой, а он потом зайдёт и заберёт. Но Серёга и слышать не хотел.

— Приходи в гараж, и всё тут! — орал он в трубку (и менее громко — на тот случай, если жена Андрея рядом: «У нас тут есть!»).

Гаражный массив был всего в паре сотен метров от хрущёвки, в которой проживали друзья, и Андрей, несмотря на недовольство жены, решил-таки сам сходить и забрать у Серёги уайт-спирт. Ну и заодно составить ненадолго компанию Серёге.

Хотел посидеть с часок, а вышло — четыре часа проторчал с мужиками в этом прокуренном насквозь гараже! И когда собрался наконец уйти домой и включил отрубленный — чтобы жена не доставала, — мобильник, увидел с десяток пропущенных от неё звонков. Ага, Верка таки потеряла его и злится! И как бы в подтверждение этой глубокой мысли, телефон тут же задилинькал.

— Ну? — буркнул в трубку Андрей.

— Ты где шляешься? — закричала жена. — Звоню тебе, звоню... Зачем телефон отключил?

— Затем, — неопределённо сказал Андрей. — И...иду уже, иду, не ори только!

С женой у него обычно разговор был короткий: чуть что — посылал её куда подальше. И шла обиженно, и возвращалась снова. Любила она его, что ли? А вот Андрей не мог сказать, любил ли он свою жену, с которой прожил вот уже... вот уже тринадцать лет, и которая родила ему дочь Тайку. Он и женился-то «по залёту» Веры, и долго считал себя обманутым, «подловленным», что и накладывало печать неприязни на отношения с женой.

А вот дочку свою, Тайку, тютелька в тютельку «срисованную» с него, он точно любил, хотя так завуалированно, что Тайка порой не могла понять, есть ли у неё отец, или это какой-то грубый чужой мужик живёт с ними совершенно по непонятной причине.

— Ну, так иди давай, — раздражённо сказала уже потише Вера. — Тут с дочкой такое случилось, а он шляется непонятно где...

— Да чего там с ней могло случиться?

Андрей, хоть и был пьян, но насторожился: дочь свою он по-своему любил, и мог за неё кому угодно отвернуть голову.

— Придёшь, расскажу, — всё ещё сердито пробурчала жена. — Так ты идёшь?

— Иду уж, иду, — отмахнулся Андрей и захлопнул трубку. Главное, что он уяснил для себя — ничего особенного с Тайкой не произошло, какие-нибудь

школьные неприятности, не более того, иначе бы Верка тут же сообщила ему. Но идти всё равно пора, хватит уже трескаться водку. Завтра же заступать на сутки.

– Ну, тогда на посошок, – согласился с его уходом Серёга, разливая водку. – А мы с Никодимом посидим, у нас тут ещё есть. Да, Никодим?

Сосед его уже клевал носом, но при последних словах Сергея проснулся и потянулся за своей стопкой. Андрей проглотил водку, зажевал куском колбасы и, пожав руки остающимся мужикам, стал боком протискиваться мимо Серёгиной «тойоты».

– Андрюха, а что, уайт-спирт не заберёшь?

Надо же, забыл! Андрей чертыхнулся и вернулся обратно к столу. Сергей уже выставил на него две светлых пластиковых бутылки с веселенькими наклейками и тёмными колпачками крышек. Андрей поочередно затолкал их в карманы куртки.

– Может, ещё по стопочке, а? – предложил Серёга.

– Не, не, братуха, мне х-хватит! – энергично затряс головой в вязаной шапочке Андрей. – Завтра ж н-на работу. Ну, спасибо тебе! Если что, тоже об... обращайся!

Он ещё раз пожал руку Сергею и пошёл к выходу. На улице уже стояла морозная туманная ночь, сквозь которую с трудом пробивался жёлтый свет уличных фонарей. Снег бодро поскрипывал под сапогами, редкие прохожие прятали носы в шарфы или прикрывали их перчатками.

Местные синоптики не обманули – ещё утром по телевизору они обещали резкое похолодание, хотя и без того было под тридцать. А сейчас, похоже, ломануло все сорок.

Андрей быстро дошёл до своей панельной пятиэтажки. Взвизгнула открываемая им подъездная дверь без домофона – жильцам подъезда всё ещё никак не удалось прийти к единому мнению, надо ли скинуться на это современное средство защиты от несанкционированного враждебного проникновения.

Одни считали, что надо, другие – что пусть платят те, кто боится грабителей, а этим, другим, бояться нечего, у них всё равно грабить нечего. Эти «другие», в основном, пенсионеры, составляли чуть ли не большинство, и потому подъезд их до сих пор оставался доступным для всех. Что интересно, такая же ситуация была и в трёх других подъездах этой разваливающейся панельки шестидесятых годов постройки по улице Энтузиастов.

И ведь правда – не было ещё случаев ограбления ни одной из квартир их дома. Во всяком случае, последние лет десять. Произойди обратное, может, тогда дело и сдвинулось бы с мёртвой точки. Грабить-то их дом не грабили, но подъезды со свободным доступом облюбовали алкаши и наркоманы, а в последние несколько лет зимой в них гостевали бомжи.

Опять же, большинство жильцов терпимо и философски относились к их присутствию – дескать, от тюрьмы да от сумы не зарекайся, что надо было понимать так: сегодня ты благополучен, но кто знает, что завтра с тобой может произойти, поскольку в нашей стране, где люди – пыль, всякое может случиться, поэтому и надо быть терпимыми к терпящим бедствие.

Но Серёга себя к этому большинству не относил, бомжей ненавидел и нещадно гонял их из своего подъезда. Позавчера он буквально на пинках вынес нестарого ещё бомжа по кличке Борода. Про него было известно, что не так давно был нормальным человеком, но потом у него умерла жена, детей же у них почему-то не было, и Борода пустился во все тяжкие.

Пропил все сбережения, всю обстановку в доме, а потом какие-то ушлые ребята отжали у него и квартиру-двушку в кирпично-монолитной девятиэтажке, которая стояла на этой же улице Энтузиастов, но только через два дома.

Так Борода оказался на улице, стал грязным, вонючим, заросшим – пегая борода у него вымахала с лопату, вот отсюда и кличка образовалась. В свой дом он ночевать не ходил: во-первых, подъезд его был оснащён домофоном. Во-вторых, Борода, похоже, ещё не совсем опустился и боялся, что его узнает кто-нибудь из соседей. Вот он и ошивался поблизости, выбрав для «перекантовки» от морозов эту панельку. Выгонят из одного подъезда – можно прилечь во втором, третьем...

Как только Андрей вошёл в подъезд, в нос ему с мороза сразу шибануло кислым и едким запахом. Так вонял только Борода. Ага, значит, из тех подъездов его шуганули жильцы или раньше него приземлившиеся на ночёвку другие бомжи – постоянной «прописки» у них тут не было, поскольку и в других подъездах находились жёсткие мужики типа Андрея Потапова.

Борода ещё не спал, а сидел под лестницей на какой-то картонке, прижавшись спиной к батарее, и даже в подъездном полумраке Андрей разглядел на его лице страх.

«Ага, сука, боишься! – злорадно отметил про себя Андрей. – Боишься, а всё равно сюда ходишь, заразу распространяешь! Блин, как же тебя отвадить раз и навсегда?»

– Я тебе говорил, не ходить сюда? – зло спросил Андрей, не сводя глаз с пытающегося встать с картонки бомжа. – Говорил?

– Я щас, щас, – лепетал Борода, упираясь грязными, почти чёрными руками в бетонный пол и вставая на карачки. Глухо зазвенела какая-то посудина, отодвинутая ногой бомжа в порванном дутьше – Андрей отстранённо отметил про себя, что такая же небольшая кастрюлька, с нелепыми алыми розочками по синеватой эмали, есть и у них на кухне, Верка в ней обычно варит яйца.

– Сейчас я уйду...

– Конечно, уйдёшь, – процедил Андрей, соображая на предмет, как бы в этот раз окончательно и навсегда отвадить Бородачу от их подъезда, от их дома и двора. Тут старики живут беспомощные, тут дети гуляют во дворе, да его же дочка Тая возвращается, бывает, поздно из музыкалки. А мало ли чего гнездится в пропитых и отравленных мозгах этих бездомных, подзаборных тварей? Вон этим летом в канализационном колодце, совсем недалеко от их дома, обнаружили истерзанный труп девочки-подростка. Правда, кто это сделал, пока не нашли. Да кто ж ещё, кроме этих вонючих скотов, потерявших человеческий облик и живущих, как крысы, в разных норах.

Андрей задел рукой оттопыренный карман куртки. И его внезапно осенило: вот чем он навсегда отпугнёт Бородачу от своего подъезда. А Бородач всё никак не мог выпрямиться: крихтел, стонал, бормотал чего-то – радикулит, наверное, мучил бедолагу.

Андрей, не сводя ненавидящих глаз с бомжа, вытащил бутылку из кармана, с усилием отвернул пробку, подошёл к Бородачу вплотную и стал поливать уайт-спиртом его спину, обтянутую рваной и лоснящейся от грязи болоньевой курткой. Жидкость, пахнувшая керосином, стекала у того со спины на рукава, на бесформенные штаны, и даже, кажется, на сивую лопатообразную бороду, которая сейчас упиралась чуть ли не в бетонный пол.

– Ты что делаешь, а? Зачем? – испуганно забормотал Борода, повернув к Андрею своё заросшее по самые брови лицо. – Что ты, что ты, не надо! Я сейчас встану и уйду. Не надо!

Но охваченный каким-то мстительным, почти кровожадным чувством, Андрей уже не слушал его. Он попятился от Бороды, одновременно нахлопывая в карманах спички. Найдя их, он чиркнул одной спичинкой. И когда она вспыхнула маленьким факелом, швырнул её на пропитанную уайт-спиртом куртку бомжа. Куртка тут же занялась желтоватым пламенем, и языки его быстро расползлись по всей спине, по рукавам, по штанам, загорелась даже борода.

– А-а-а! – хрипло закричал бомж, приняв, наконец, вертикальное положение. – Горю! Горю!

И, беспорядочно колотя ладошками по трещавшей от огня бороде, весь охваченный пламенем, он как-то враскачку и согнувшись побежал к выходу, чуть не задев горящим рукавом прижавшегося к стене Андрея.

Хлопнула дверь, и вопли горящего Бороды стали слышаться тише. Андрей, наконец, испугался того, что сотворил, и торопливо стал подниматься по лестнице к себе на четвёртый этаж.

На втором этаже приоткрылась дверь одной из квартир, из неё наполовину высунулась встревоженная тётка – кажется, Настасья, или Наталья Петровна, завсегда лавошных посиделок у подъезда.

– Что там такое, что за крики?

– Не знаю, – отрывисто сказал Потапов, продолжая в том же темпе подниматься выше.

В дверях своей квартиры он столкнулся с женой. Вера, в тапочках, в накинутом на плечи тёплом платке, держала в руках старенький плед.

– Куда это ты собралась, на ночь глядя? – отдуваясь, с подозрением спросил Андрей.

– О, явился, не запылится, – неприязненно сказала жена. – Вниз иду, хочу этому... как его... Бороде плед старый подарить. Холодно же. А чем это от тебя воняет?

– За какие такие заслуги? – задохнулся от возмущения Андрей, пропускающая вопрос мимо ушей. – Чего это ты так его жалеешь, а?

– А то и жалею. Пока ты где-то водку свою лакал, он сегодня доченьку нашу, можно сказать, спас. Если не от смерти, то от насилия! – с расстановкой произнесла Вера. – Ну-ка пропусти! Схожу к нему, вернусь, и всё расскажу.

– Не ходи, его там нет, – загородил ей выход Андрей. – Картонка его там лежит, кастрюлька твоя стоит (теперь Андрей не сомневался – посудина была из их дома. Значит, эта дура ещё и покормила этого вонючего бомжа!). Ну, чего тут случилось, рассказывай... Блин, и на минуту вас оставить нельзя, обязательно во что-нибудь вляпаетесь...

И Вера рассказала. Всего пару часов назад Тайка, как обычно, возвращалась из музыкальной школы. По дороге ей показалось, что за ней увязался какой-то взрослый дядька. Тайка прибавила шагу, и дядька тот вроде отстал. Он настиг её на третьем этаже. Зажал рот ладонью и потащил наверх, на пятый этаж.

Неизвестно, что он дальше намеревался сделать с их двенадцатилетней дочерью: или затащить её лёгонькое тельце на чердак, или изнасиловать на последней лестничной площадке, а потом задушить. Понятно лишь, что ничего хорошего Таечку не ожидало.

Её спас Борода. Греясь внизу у батареи, он увидел, как за девчонкой на цыпочках поскакал какой-то парень, затем услышал её писк и, не медля ни минуты, пошаркал своими рваными дутышами туда, наверх. Он ничего такого не сделал. Он просто негромко сказал:

– Слышь, ты, оставь её, а то сейчас начну во все двери подряд стучать...

И насильник испугался, опустил полуобморочную Таечку на ступени и также, на цыпочках, как и прокрался, побежал вниз. Борода помог девочке прийти в себя, довёл её до квартиры, а сам спустился обратно, к батарее.

– Вот за это я его и покормила, и плед сейчас хотела отнести, – всхлипывая, закончила свой рассказ Вера. – Так куда же он мог уйти, на ночь-то глядя? Может, ты его опять выгнал, а?

– Нет его там, – упрямо повторил Андрей и заторможено стал раздеваться.

Это что же получается? Этот недочеловек, это бомж вонючий спас его дочь, его кровинушку, а он его – уайт-спиртом полил, и спичкой?..

Андрей скрипнул зубами и потряс головой. Надо было бы выйти во двор, посмотреть, что там с Бородой. Но было уже поздно: он слышал во время рассказа жены, как со двора через всегда открытую кухонную форточку – там они обычно оба курили, и он, и Вера, – почти одновременно прозвучали сирены скорой помощи и вой милицейской машины.

Андрей прошёл в детскую – Тая уже спала, тихонько поскуливая во сне, как маленькая обиженная собачонка, и осторожно поцеловал её в голову.

Когда им в дверь резко и нетерпеливо позвонили, Андрей сам пошёл открывать и безропотно протянул руки для наручников...

ПОЭЗИЯ

Владимир СЕРОВ

ВЛАДИМИР СЕРОВ

Серов Владимир Александрович – родился в Ярославле. Окончил железнодорожное училище №5 по специальности помощник машиниста электровоза. Работал на Северной железной дороге, на Ярославском заводе дизельной аппаратуры по специальности наладчик станков-автоматов и в комбинате спецобслуживания населения. Служба в Советской Армии прошла в Чехословакии. Член Союза писателей России. Автор книг: «Даль моих полей», «Зимующая птица», «Я вновь вернусь под звезды эти...» Постоянный член жюри поэтического конкурса памяти Константина Васильева, член жюри конкурса «Поэтическая весна в Пречистом». Печатался в газетах и журналах Ярославля, Москвы, Крыма и Ростова.

Живёт в Ярославле.

«В себе самом я строил храм...»

Не дойти мне до двери скрипучей.
Жалит капель безжалостный рой.
Я остался, придавленный тучей,
Посредине дороги сырой.

Мчит, пронзая меня колеями,
В никуда дождевая вода.
В доме, хлопая с треском дверями,
Ходит ветер туда и сюда.

И не ищет никто с фонарями,
И никто за окошком не ждёт.
Только хлопает ветер дверями,
Как в кладбищенский колокол бьёт.

Посредине лежу бездорожья.
На конях в непроглядную ночь
Прокатила по мне милость божья,
Чтоб успеть вопиющим помочь.

Дорога

Цветы горели от стыда,
Тянуло горьким ароматом.
Дорога та, что в никуда,
Назад вернулась без солдата.

И трудно в гору до села
Себя дорога поднимала.
Она солдата увела
И с ним вернуться обещала.

Вернулась – пыльная, одна,
От дыма чёрная, в воронках,
Надеждой светят три окна
В ночь, что мрачней, чем похоронка.

Где силы взять, чтоб закричать,
Забиться пылью в окна эти!
Но ей, дороге, отвечать
За всё и вся на этом свете.

«Не ждите сына, старики,
Не привела его, не ждите!»
И развела, как две руки,
Две колеи пустых: «Простите!»

В краю репья, в эдеме для крапивы,
Среди времён, свой исчерпавших срок,
Откуда эта дева, это диво?
Зачем здесь этот утренний цветок?

Фантазии, надеюсь, не лишённый –
Как ни стараюсь, более ни с чем
Не в силах я сейчас сравнить мадонну
Прелестную и юную совсем.

Но красоте вселенского порядка
В подобных неприлично жить местах.
Что здесь она – ошибка, опечатка
В небесной канцелярии листах.

Иль это Русь, пропахшая укропом,
В дугу согнув упругий горизонт,
Пытается, как Ной перед потопом,
Спасти свой самый нежный генофонд?

Пусть даже так, всё ж верится мне слабо,
Что есть на то особенный секрет.
Провинция – не женщина, а баба,
Вплетающая в косы сухоцвет.

А девушка сгребает в копны сено...
 Ни здесь, ни дальше в глубь на полстраны
 Никто не знает бриллиантам цену,
 Никто цветам не ведаёт цены.

«В Париж, в Париж! Карету ей! Карету!».
 Ни что не пробудилось ото сна.
 Лишь эхо прошептало: «...эту, ...эту»,
 И снова наступила тишина.

Пусть будет трижды проклята она!

В подсвечниках по всем углам
 Коптит сырая тьма.
 В себе самом я строил храм,
 Но вышла вновь тюрьма.

И нет ошибок в чертеже,
 Но всё – один итог,
 И я, в который раз уже,
 Воздвиг в себе острог.

А проще бы – построить дом
 И, напиваясь в «хлам»,
 Закатывать пирушки в нём!
 Но я задумал храм.

Что выйдет – то другой вопрос.
 Грань меж миров тонка,
 И говорить о ней всерьёз
 Не стоит. А пока...

Ну а пока, который год,
 В себе хрустальный храм
 Я строю ночи напролёт
 И рушу по утрам.

Из цикла «Признание без капли лжи... Поэт – поэту»

Осенний лес, земная твердь и голубые озёра...

Осень, это чуть-чуть грустно всегда. Ветер треплет золото листьев. Смена сезонов – не ерунда. Приближаются холода. Вытесняют щедрость улыбки и лето. Лето теперь лишь звезда. ОДИНОКАЯ. Вдаль уходит, в печаль неглубокую.

Тучи небесные в красках свинцовых. То ли Небо упало в озёра, то ли озёра влились в Небесные берега. Отражений удивительных блюдца. А прохлады, словно беда. Всё реже балует солнышка луч. Скользит теплом чувств по мыслям и далям. Намечает неслучившимся, словно сбежал на секунду с необъятных, холмистых, земельных круч и качается озорно с невесомых, пугающих туч.

Всё чаще, и весьма зло, на облаках небесных ширь взбаламутит, пересыплет самолётками – вертолётками, семенами-листочками, неслышно шелестящими, спирально падающими, играющими трепетно с дыханием уходящей осени, что кружатся и с нежеланием медленно опускаются на поверхность земную и водную. А Земля ковром игольчатым устлана, сверху украшает сама себя охрой осыпающихся щедро берёз.

В каждом закатном вечере на берегу озёрном дух Жизни и Умирения, необъятности и равновесия, бессмертия и познания.

Перебирают серебристо-седыми, перламутрово-серыми верхушками игл только ели, да сосны густистые указуют, прошивают воздух лесистый и перетекают по масштабности простора лесного.

Голубые озёра от движения ветра меняют окрас свой, то в серебро ударятся, то в гладкость сияющей черноты. Дождь морозящий, мельчайшая изморось слегка морщит, рябит поверхность воды. Короток вечер. А мысли долги и витиеваты. Кружит голову запах пожухлой травы, дым костров и истлевающей листвы.

Татьяна Александровна Летнева – поэт, член Московской городской организации Союза писателей России, Московского Литературного Фонда, член Клуба писателей ЦДЛ, постоянный автор сетевой литературы, участник литобъединений и проектов, литературных студий. Автор множества публикаций в российских и зарубежных литературных изданиях. Лауреат литературных конкурсов. Произведения были отмечены дипломами О. Мандельштама, М. Цветаевой, Ф. Тютчева, памятной медалью «А.С. Грибоедова 1795-1829». Автор книг «Прикосновение к сказке», «Такое трудное понятие Любовь...», «Я птица, песня, звезда и вечность...», «Куликовы были», «Многогочием любви...», «Метаморфозы нежности», «Перекресток тел и души». Работает в жанре переплетений рифмованной и нерифмованной поэзии, стихотворений в прозе.

Живёт в Москве.

Неслучайна красавица, Осень. И линуют глубинностью просинь на озёрной глади чернеющих вод только белые лебеди точками света, словно письма любви оставляют на каплях озёрных.

Трогает уходящая Осень, грустная Осень, тихой, кажущейся спокойной рассудительностью, мудростью... верно, не весна она...

Ну, так что ж, что одна... безнадежно опять влюблена? просят же, полюби себя, уходящая Осень, и свою иную проседь жителя, в ней же столько прожитых вёсен... вот только ветер несносен, слишком торопит... но, скользя, всё ж не смеет снести навсегда вдохновения перья – продолжение надежд от всех строк подмастерья.

Земная Твердынь... Псковская область... Запах судьбы, как полынь... Известковость пустынь... Пропитана щедро солдатской кровью и историей вековых крепостных и церковных Святынь. Полита слезами, как дождями, и пронизана болью людской. И склонили монументы изваянием серебряной краски непокрытую голову памяти незабытой реальности войн.

Всем погибшим за Отечество – вечный поклон.

И контрастом ярчайшим – Природа, величием, красотой и объёмом свободы, неизбежности наготы. И Земля, как оплот, Смерти вечной, пожирания плод и текучести Жизни нестигаемый возрождения плот.

Октябрь, 2016. Псковская область, Опухлики, Чижевщина, Стуколово, Изборск, Печоры, Михайловское, Тригорское, Пушкинские горы.

А в Питере фонтаны

А в Питере фонтаны... и маслянистый бархат тяжёлых, чёрных вод Невы... и ночи белые... и настроение, мурашками по коже, фонтанит радугой туманной грусти, вкрапляясь влагою прохлады... фантазией игры, капелью брызг вдруг звонко перетекая в Любовь к фонтанам.

Она так удивительна, но странна... Особенно, когда на измороси дней и днём, и ночью монотонят размытой акварелью мелодии нервующихся дождей.

Фонтаны Питера и Петергофа... они на карте мира соразмерностью, как кроха, но проникают безгранично холодящей влагой и несравненностью восторга.

Ещё, поверь... Нет ничего прекраснее черты прибрежных набережных... у вод Невы, Фонтанки, Мойки, Малой Невки... возможностью всё по прямой вдруг охватить пристрастным взглядом, в себя вбирая дух столетий, архитектуры и творений Растрелли, Росси...

О, Питер! сердца завоевал музеем металлических, стальных оков, неповторимой чередой... возможно ли считать, перебирать, как чётки?... браслеты несменного соединенья двух берегов... таких устойчивых и чётких... непревзойдённых Питерских мостов.

Мост Львов, и Аничков, Египетский и Поцелуев, Дворцовый, Троицкий, Литейный... перечислять устанешь... их больше пятисот! незыблемым молчанием вошли, как стрелами, иконой семистрельной, в суть вечности железнокаменных красот, как в сердцевину цели. Недаром все свидания на стрелке...

Такое не забыть и не стереть, не смыть. Здесь символично всё! Не быть Неве на мели...

А острова... их сорок два... Васильевский и Декабристов, Крестовский, Петроградский и Елагин... реальностью, как вымыслом мечты, из вод болотных Питер поднимают...

Но... зачем фонтаны в долгие дожди?

За тем, что перемена настроений, так тесно связана с дождём! То есть он, то хмурится свинцовой тучей. То плотно стеной сливает влагу полосой стальной. То сквозь туман, завесу запотевших окон одарит вдруг мерцанием лампы... Казанской Богородицы в ночи... и силой её негаснущей свечи, что бродит тенью Петербургской Ксении, слезами вод, как кровью дел, людских...

Вода везде... у ног, на берегу Невы, в душе и в Небе, в настроении! И в ожерельности ввысь рвущихся фонтанов!

Могу теперь опять сказать, что Питеру и не было, и нет забвенья!

Вода... металл... в несокрушимом переплетении двух полюсов, двух качеств и фактуры.

И цвет, серо-мышинный, дымчатый и пепельный, лучше всего вращает и вливается прозрачностью и музыкой дождя. И Летний сад из кружев кузнецов, узорами железа несёт в себе энергию отцов, творцов, поэтов, несменным духом творческого единенья, нетленную Любовь веков.

Как думаешь, кто смог бы... весь мир религий вдруг собрать на Невском? Свои следы церковных устремлений хранят там уголки уединенья. Да, Бог един! Когда ОН СМОТРИТ В МИР ИЗ ПИТЕРА ГЛАЗАМИ... и оборонной мощью творения Петра.

Одна у нас мечта... одна... жить! и продолжить, укрепляя новаторство и память ГОСУДАРЯ.

А в Питере фонтаны... и маслянистый бархат тяжёлых, чёрных вод Невы... и ночи белые... по венам входят, словно реки, и настоящим, обновлённым прошлым, втекают прямо в сердце...

А Чехов памятью с Небес...

Звенигород. Памятью-любовью к Антону Павловичу Чехову...

Лента Москва-реки глазастей всех... бежит и видит, как пристань цепляется за берег. Вот мостик, где соединения замки влюблённых именами замкнулись и ожидание в молчании хранят. А осень слушает, дыханием листы трепещет, шелестит, перебирает вдохи ветром, словно листает страницы чеховских рассказов.

«Звени, Звенигород, звени!»

Безмолвием разлейся, простором и золотыми куполами переливайся в охру, в шёпот листьев. Какое бабье лето! Какая осень! И время собирать природы урожай. Как тонкий яблочный аромат густую свежесть источает, антоновки бока янтарят, благодарят не только вкусом кисло-сладко-сочным, но летних дней теплом и солнечных лучей – воспоминаний.

Чем глубже восприятие, тем недоступнее касанья. И ощущения барьерностью запрета вмиг заострили чувства.

Не прикасаясь... Пить поцелуи... «Взмахом ресниц, искры глаз приглушая, игры и робость... Трепет волненья, спрятать в себя глубоко. Сладкая тайна. Пить поцелуи. Счастье... Взглядом и вздохом, не прикасаясь...»

Когда-то написалось, а острием сегодня притронулось опять...

Просёлочной неспешно иду дорожкой. К себе или от себя? По сбившейся в тропинку дуновением ветра из влажных, налипших пунктирами – наметками разбросанной мечте – листвой упавшей – по тишине и буйству осенних красок разбуженных желаний.

Крутой откос... и памятью – напоминаем слова коснулись снова сердца. Да, здесь, вписавшийся в пейзаж историей «Обрыв Любви»... несоответствием словосочетаний.

И сердца, и поступков жар. Из вечности печаль любви, разъединённой. Но отчего не радость помнится, беда? И неужели было так всегда? По всей земле разбросаны, как семена – преодоления страданий.

А Чехов памятью с Небес! сидит в Звенигороде рядом с липой. На каменной скамейке. Собачка рядом. Живой! В прохладном камне! В кратком рассказе – главный! И памятью народной, вековой он будоражит воздух. В России его отзвук. Он тростью камня словно пишет снова по судьбе. Короткими, пронзающими смыслом и между строк несказанным и сказанным... души переживаем, такими точными и тихими словами, незримо оставаясь в них, скрываясь светотенью в листьях цветастой осени мятежной, на вид такой спокойной, нежной... Кто это знает, тот строки в листьях собирает, чтобы на белую бумагу их перенести...

«Звени, Звенигород, звени!»

P.S. «Звени, Звенигород, звени» – строка из песни Сергея Косточко.

Сто часов счастья, или Не отрекаются, любя...

Памяти Вероники Тушиновой и Александра Яшина

Бог возлагает тяжесть испытанья на плечи лишь тому, кто вынесет страданье. Уравновесить боль? О, бескорыстие – Любовь! Когда судьба безжалостно стреножит, когда ни красота и ни талант уж не поможет, нить испытаний и забот притянет тот, кто преданности, верности обет возьмёт. Душа любви стихами говорит, и радость, слёзы, искренность – её дыхание! Где лжи, обмана и на йоту не найти. Страдание и радость. По жизни, по судьбе. Везде. Признание. Письмо любви тысячелетием вперёд – в пути! Ему влюблённости свершением и «сумасшедшинкой» расти. Его лишь любящим найти! И ожидание в них вечное!

Два имени, две звёздочки, судьбы две, словно лодочки. Друг к другу – притяжением по глади Неба-озера взаимностью скользят. Без вёсел – душами, стремленьем обоюдности. Слили часы хрупкости из счастья обрётённого. Настойчиво и тайно. Оно лишь на Земле живёт случайно – неслучайно! Но душами и в Небесах переплетается, летит через года, века и расстояния.

По вздоху, по искриночке, лоскутику, заплаточке, по капельке, по льдиночке. Голубоглазой змейкою, цветами нитевидными, слезинкой – предыханием, невидимым старанием. Слетают обоюдностью. Как птицы перелётные. Из сердца к сердцу чуткому, зовутся Верониками, зовутся Александрями, всегда на страже рядышком, защитниками мудрыми. Влюблённым воздаяние. Раз на Земле не сдужилось, запуталось, замучалось, Любовью лишь оправдано их обретенье тайное. Нетленностью мгновения берёзы помнят

встречи те, закутал лес слияние от глаз чужих и мнения и прячет от поспешности людского осуждения.

Сближение судьбы распишется в них будущим, слетит вновь вдохновением, не только повторением... дождём ли, снегом... ветром ли... и Нежность вдруг забрезжится, и прошлое привидится и не сотрётся, сбудется. Свершением Надежд. Душа лишь чудом поиска живёт, летит и трудится.

Сердца сойдутся встречностью и по дорожкам Млечности вернутся светлой памятью... кометами, щитами ли, цветами, самоцветами, защитниками точности... с имён корзины Вечности прольют жемчужин россыпи... словами душ несметными... созвездиями звёздными...

И жар Любви посеется, ветром мечты развеется, ответственностью согреется, теплом надежд поднимется... и оживёт предание, той жаждой ожидания, где истинным свершением Любовь с Любовью встретится!

Таинственная птица, Белла...

(10 апреля День рождения Беллы Ахмадулиной...)

Вздёрнутый нос, прямая чёлка... Словами вышивает длинно, тонко... Витиеватой гладью, коснувшись белого листа и кончиком шатенной пряжи, задумчивою грустью нараспев и с капелькой досады... А подбородок – трамплином – к Солнцу... Не останавливай, не надо!

На миг всего – присела на оконце, с него взлетать – дыханием, как с донца, перетекать гортанно, смаковать слогами и вкусом жемчуга – словами. Как веер, крылья собрала, созвучием втекла душою в душу... Послушай...

Неспешно, казалось бы, несмело, стихи читает тихо, как поёт... Таинственная птица, Белла... Глаза полуоткрыты, незримая душа Любовью не забыта... Нежданностью сразила, теплом – прохладой, как дуновением... чувства остудила, как каплями дождя... воспоминанием омыла, скользя по сердцу, вновь раздумием присела, неравнодушием задела, и прикоснуться вдохновением успела, стряхнув тоску, вспорхнула... полетела!

А с ней и в ней – 20-й век – эпоха! И женственность, и тайна. И благосклонность Бога. Таинственная птица, Белла, нежнейшей памятью с Небес слетела...

Признание без капли лжи...

Поэту, прозаику, переводчику, бесконечному лирику, философу с детской душой... Кириллу Ковальджи.

«Падаешь в пропасть? Переверни картинку. Лети!»

Кирилл Ковальджи

Влюбиться, так просто, влюбиться... Открыть книгу лирики – и это случится... Венок сонетов «Круги спирали», что нет Любви, всё ввали, ввали... Летят слова – остроконечные стрижи – стихи неподражаемы – Кирилла Ковальджи. Как по ступеням входить в родник его души... всё выше, выше... Ты детство, слышишь? И «Зёрна» собирать крупичками восторга, крылатой снова

стать и обрести мечту... Бумажным голубем лететь... к нему, как он к нам – «до востребования» – прямым попаданием – к сердцу... О, как же мир его велик! «Молчанья крик»?! Влюблённый в жизнь и «вечный ученик»... И пить его «поэзии ромашковый настой», того, «кто по канату ходит вниз головой»... «Поэт неизлечим»... «седой, как лунь... в черёмуховом инее пронзительный июнь»!!! Влюбиться, так просто, влюбиться... Открыть книгу лирики – и это случится... Летят слова – остроконечные стрижи – признанием в любви... без капли лжи... непревзойдённому Кириллу Ковальджи!

ПОЭЗИЯ

Алексей СЕРГЕЕВ

Алексей Юрьевич Сергеев – родился в Москве, на Плющихе, рисовал, служил, учился, занимался спортивным туризмом, ездил в фольклорные экспедиции, преподавал живопись; постоянный автор альманаха «Славянские встречи», член МГО Союза писателей России.

Живёт в Москве.

«Лишь молитва оживляет дух...»

Осеннее утро

Печальные листья лежали на мокром асфальте.
Печальное небо текло по верхушкам деревьев.
Всё было подобно вокруг перемешанной смальте,
Всё было подобно шуршанию вымокших перьев.

И в ранней поре затаились дома под дождями.
И в думе Земля ещё грезилась холодом ночи.
И ветры ко городу шли, пробираясь полями,
И где-то за тучами плакали звёздные очи.

Там Ангелы тихо гасили полночные свечи,
В молитвах спешили людские дороги наладить.
И люди вели уже к Небу обычные речи,
И ночи остатки спешили скорее спровадить.

А я всё сидел и смотрел через шторы и стёкла,
И думал про жизнь, наслаждаясь осенним ненастьем.
Душа как бы в слёзах своих вдохновенно промокла.
И стало томление взгляда и мыслью, и счастьем.

Комната

В глубине коммунальной Москвы,
Где так дорог был свой уголок,
Были образы неба живы,
Свят познания русский поток.

Два окна на углу, міра два:
 Что во двор – это листьев слова;
 Что на улицу – даль да мечта,
 Да над городом мысль-высота.

И когда приходила Зима,
 Между окон, в заветном углу,
 Ёлка – сказка живая сама –
 Огоньками светилась во мглу.

И игрушки стояли под ней
 Мирным творчеством радостных дней.
 И подарков таинственный след
 Оставался в безбрежности лет...

Дом был сломан, и нет уж окон,
 Раны новые терпит Москва.
 Но кладу я свой низкий поклон,
 Вспоминая и дни, и слова.

Видно, там, в вожделенном Раю,
 О котором из сердца пою,
 Будут дом, и окошки, и тишь
 В переулке причудливых крыш.

Над вечным покоем

Тишина над кладбищами льётся,
 Как река житейских берегов.
 От кого-то что-то остаётся,
 Кто-то всё проклясть в себе готов.
 Города гостиниц вековые!
 Нет иного дела вам теперь,
 Чем заказы ладить гробовые,
 Не забыв заветнейшую Дверь.
 День дороги – вот, Земля открыта,
 Тает гонор в токе облаков.
 Хорошо, когда душа умыта
 Благодатью Божьей от грехов.
 И не надо горестных рыданий –
 Лишь молитва оживляет дух.
 И светла река воспоминаний,
 И огонь вражды, дай Бог, потух.
 И летит из сердца чья-то правда
 В Высь святую, и спасёт она.

Память песен провожает барда,
 А философа – незримая страна.
 Ну а мы? Ведь камень сердца должен
 Расколоться и увидеть свет:
 Из глубин старинного колодца –
 Звёзд высоких пламенный привет.
 Жизнь молчит, но это только внешне.
 Ныне в мире движутся дела.
 И на нужной стороне бы быть, конечно,
 Чтобы Вечность Счастьем воздала!

Рассказы

Торжество правосудия

– Привет, Стив, как дела, всё о`кей? – воркующим голосом спросила Скарлетт.

– Виделись уже, – буркнул Стивен, не отрывая взгляда от монитора. – Нормально все.

– Время ланча, перекусить не хочешь? – снова спросила девушка.

Стивен пожал плечами.

– Как насчёт китайского ресторанчика здесь, за углом? – не отставала Скарлетт. – Составишь мне компанию?

Стивен наконец отвлекся от компьютера и бросил косой взгляд на своего соседа Патрика: слышал ли тот, что Скарлетт сама его пригласила? Да, явно слышал. Это хорошо. А то обвинят в сталкинге, оправдывайся потом. А могут и харрасмент пришить. Запросто!

– Что-то я и впрямь проголодался, – заявил Стивен, потягиваясь.

– Тебе стоит заправиться, приятель, – подмигнул Патрик и прибавил с кривой усмешкой: – Скарлетт права.

Это подмигивание и усмешка Стиву совсем не понравились. Ишь, весело ему! Конечно, Патрику, с его ориентацией, куда как проще: оформил разрешительную лицензию в Обществе защиты животных и – вперёд. Да и навряд ли какая зверушка побежит в полицию с жалобой. Стивену же – банальному натуралу, приходится всего опасаться. Тем не менее, он поднялся с рабочего кресла, пересёк офисный зал и прошёл в лифтовой холл.

Скарлетт прошмыгнула в лифт одновременно с ним. А больше в кабине никого не было. Вот, чёрт! Стивен прижался к дальней стенке и демонстративно повернулся лицом к зеркалу, вроде как галстук поправляет. Скарлетт из зеркала ободряющее улыбнулась ему:

– Ты чего такой напряжённый, Стив? Мы всего лишь пообедаем вместе. Расслабься! – И легонько хлопнула его по правому бедру.

Александр Юдин – 1965 г.р., москвич. Публиковался в журналах «Изыскания словесности», «Полдень XXI век», «Полдень» (СПб), «Дон» (Ростов-на-Дону), «Бельские просторы» (Уфа), «Север» (Петрозаводск), «Сура» (Пенза), «Юность», «Знание-сила: Фантастика», «Наука и жизнь», «Искатель», «Мир Искателя», «Наука и религия», «Тайны и загадки», «Ступени», «Хулиган» (Москва), «Шалтай-Болтай» (Волгоград), «Космопорт» (Минск), «Я» (США), «Edita» (ФРГ), и др., а также в сборниках «Настоящая фантастика-2010», «Настоящая фантастика-2011» («Эксмо»), «Самая страшная книга-2014» («АСТ»), и др. Автор романов «Пасынки бога» («Эксмо», 2009) и «Золотой лингам» («Вече», 2012, в соавторстве с С. Юдиным).

Живёт в Москве.

Стивена аж холодный пот прошиб.

– Легче, подруга! – воскликнул он, резко обернувшись.

– О, уже и подруга? – игриво заметила девушка.

В ресторане Скарлетт продолжила свои заигрывания: то улыбалась двусмысленно, а то, как бы ненароком, прижималась коленом к его ноге. Как это понимать? Она, что, намекает на возможность интима? А если это проверка? Или провокация? Нет уж, решил Стив, лучше перестраховаться и не обращать внимания на все эти улыбочки и «случайные» прикосновения, ошибка может дорого ему обойтись. Слишком дорого!

После работы Скарлетт снова увязалась за ним, под предлогом, что ей в ту же сторону. В вагоне подземки не отходила от него ни на шаг, буквально прилипла к Стивену.

– Вот я и дома, – облегчённо вздохнул Стивен, когда они подошли к его подъезду, – пора прощаться.

– Что, даже не пригласишь леди на бокал вина? – фальшиво удивилась Скарлетт.

– У... у меня нет вина, – закашлявшись, пробормотал Стив, – я вообще не пью спиртного.

– Сойдёт и кофе.

– Уже поздно, Скарлетт, тебе пора домой, – твёрдо заявил Стивен.

Совершенно неожиданно девушка всхлинула и крепко стиснула ему руку.

– Я замёрзла! Давай, поднимемся к тебе... Прошу, Стиви!

– О, господи, – простонал Стивен. Перед женскими слезами он всегда пасовал. – Ну что с тобой делать? Пошли... Только без глупостей!

– Обещаю! – обрадовалась девушка.

В квартире он сразу зажёл везде где можно свет и раздвинул шторы. В полном молчании они выпили по чашке кофе. Стивен бросил взгляд на часы и спросил:

– Не против, если я включу новости?

– Как хочешь, Стиви.

– Скарлетт... – смущенно поерзав на стуле, промямлил он, – не зови меня так, пожалуйста.

– Как «так»? – подняла брови девушка.

– «Стиви».

– Почему? Тебе не нравится?

– Ну-у... просто... это звучит как-то слишком... чересчур интимно. Мы же с тобой только коллеги, так?

– Не зна-аю, – с дразнящей улыбкой протянула Скарлетт, – сегодня в лифте мне показалось...

– Короче, – ледяным тоном отрезал он, – называй меня Стивеном. Ну или Стивом, о`кей?

– Ладно, ладно, – надув губки ответила девушка. – Какие мы строгие.

Стивен прибавил звук телевизора. Дикторы SBS – яркая блондинка Джозанн Ступид и украшенный благородными сединами Конгус Кин, поочередно вещали, обмениваясь лучезарными улыбками:

– Сегодня утром неизвестный с бензопилой напал на активиста гей-движения «Радужная Вселенная» Гарри Аршлоха. По предварительным данным, причиной нападения стал личный конфликт, не имеющий отношения к общественной деятельности потерпевшего.

– По словам очевидцев, неопрятно одетый мужчина проник в офис «Радужной Вселенной» под видом разносчика пиццы...

Стивен переключился на CNN.

– А сейчас Сьюзен Хильдегард расскажет нам о сексизме, с которым она столкнулась в своей компании, – анонсировал диктор CNN, обращаясь к молодой чернокожей даме. – Как это было, Сьюзен?

– Это было ужасно, – захлёбываясь отвечала женщина, – ужасно! Один из старших менеджеров разместил в рабочем чате объявление, что он... что он неженат!

– Отвратительно, – согласился диктор. – И как же вы поступили?

– Обратилась в отдел кадров с заявлением о сексуальных домогательствах, разумеется. Его уволили.

– В этом ваша ошибка, Сьюзен, – покачал головой диктор, – стоило сразу – в прокуратуру. Тогда бы вашего обидчика не просто уволили, а привлекли к уголовной ответственности.

– Но это ещё не всё! После этого случая другие мужчины компании стали позволять себе...

– Рассказывайте, рассказывайте, – ободрил диктор.

– Позволять себе... Я, право, стесняюсь!

– Ну же, Сьюзен! Все уже позади. Что именно стали они позволять?

Дама глубоко вздохнула и выпалила:

– Пристальные взгляды!

– О, господи, – поразился диктор.

Стивен выключил телевизор, но тут же, словно испугавшись чего-то, включил его снова и принялся лихорадочно щёлкать каналы.

– Что с тобой, Стив? – воскликнула вдруг Скарлетт. – Ты весь мокрый, с тебя так и льёт.

– Вспотел, – пробормотал Стивен. Его действительно бросило в жар, а перед глазами всё плыло и двоилось. – Жарко мне что-то.

Скарлетт положила ему на лоб прохладную ладонь.

– О, дружок! да у тебя температура. Прими-ка ты душ, – предложила девушка, – освежись. А я пока чашки помою.

– Да, пожалуй...

Стив, уже с трудом соображая, направился в ванную.

Только раздевшись и встав под тёплые водяные струи, он осознал, что Скарлетт вовсе не пошла мыть чашки – она по-прежнему была с ним рядом...

Когда всё закончилось, Стивен удовлетворенно выдохнул, провёл рукой по запотевшему зеркалу и увидел в нём отражение заплаканного лица Скарлетт.

– Что-то не так? – испуганно спросил он.

– Не так?! Что-то?! – взвизгнула девушка. – Ты ещё спрашиваешь? Всё не так!

– Но ты же сама... сама пошла со мной в душ.

– А оставил ты мне выбор, проклятый маньяк?! Затащил девушку в ванную, оголился в её присутствии...

– Послушай, Скарлетт...

– Не ори на меня!

– Я раскаиваюсь, правда, но...

– Не смей на меня давить! Ишь, доминантный альфа-самец какой выискался! Ты меня сексуально объективировал. Я тебе не дешёвка какая-нибудь,

не товар, чтобы... Да ты изнасиловал меня, понимаешь?! Понимаешь ты это, мерзавец, сволочь, негодяй? И разве это в первый раз? Маньяк! Ты маньяк, насильник! Тебе лечиться надо... Всё, кончилось моё терпенье, немедленно иду в полицию.

Судья Джон Бургер, полный румяный джентльмен лет шестидесяти, задумчиво массирует лысину. Он был в затруднении, давно уже не приходилось ему рассматривать столь неоднозначного дельца. Смутные сомнения терзали его душу. Хотя, чтобы заронить сомнения в душе самого Джо Бургера, надо было сильно постараться. Не далее как на прошлой неделе он без колебаний признал виновным в сексуальных домогательствах одного весьма состоятельного девяностолетнего паралитика, который взглядом раздевал сестру-сиделку.

Когда судейская лысина сравнялась цветом со щеками, Джон вздохнул и решительно набрал номер своего однокашника по Гарвардскому университету адвоката Рогир ван Эйка.

– Рогир, привет, это тебя Джон Бургер беспокоит, помнишь такого?

– Джон, старина! – жизнерадостно отозвался ван Эйк. – Как можно забыть старину Джона?

– Хо-хо! Я тоже рад тебя слышать. Смотрел вчера игру «Янкиз» с «Кардиналс»?

– Уснул после третьего иннинга – возраст, – вздохнул адвокат. – Да и питчер у «Кардиналс» ни к чёрту не годится... Но ты ведь не для этого мне звонишь, верно, Джон?

– Верно, Рогир. Мне нужен профессиональный совет.

Бургер коротко изложил приятелю обстоятельства дела.

– А в чём проблема? – удивился адвокат. – Виновность этого Стивена сомнений не вызывает?

– Ни малейших. Факт изнасилования в ходе судебного разбирательства доказан полностью. Причём неоднократного изнасилования. Жертва была запугана и не сразу набралась мужества заявить на мерзавца. Этот Стивен, вообще – пещерный сексист и, в придачу, отъявленный гомофоб. А проблема... проблема в том, что по законам нашего штата я обязан осудить его на десять лет минимум.

– И что? Или потерпевшая просит суд о снисхождении?

– Нет, жертва как раз настаивает на изоляции подсудимого от общества.

– Не понял. Так и впаяй ему на всю катушку! Не вижу в том большой беды.

– Беда в том, что он бигендер, точнее, бигендерный андрогин.

– Это, конечно, смягчающее обстоятельство... А бигендер может быть гомофобом?

– Дело не в том! Он, точнее, его тело, сочетает в себе как мужские, так и женские половые признаки. Мужские – подсудимого Стивена и женские – потерпевшей Скарлетт.

– Опять не понял... Постой, постой! Не хочешь ли ты сказать, что Стивен и Скарлетт это одно лицо?!

– В том-то и дело, что юридически они признаны двумя разными, вполне самостоятельными личностями, просто совмещёнными в одном теле. Процедура гражданской легализации обеих лиц осуществлена в судебном порядке,

как положено. Теперь ты понимаешь? Если я упеку этого извращенца Стивена в тюрьму, он же там запросто сможет надругаться над несчастной Скарлетт снова!

– М-да, дилемма, – задумчиво протянул Рогир ванн Эйк. – Послушай, Джон, а он действительно её... в смысле, это возможно физиологически?

– Вполне, – подтвердил судья.

– Ясно... Знаешь, что, Джон? А ты приговори подсудимого, помимо лишения свободы, еще и к химической кастрации. Тогда уж он никак не сможет домогаться своей второй половины.

– А что? Это мысль! – обрадовался Джон Бургер. – Спасибо тебе, Рогир, огромное! Надоумил старика, так и сделаю. Премного благодарен, с меня причитается.

– Пустое, не стоит благодарности. Передавай привет супруге Биллу и детишкам.

– Непременно. А ты поцелуй от меня свою жёнушку Ханнелору. Она, кстати, в порядке? По-прежнему, как живая?

– Разумеется. Ты же знаешь – я каждые полгода повторяю процедуру бальзамирования, чтобы избежать иссыхания кожных покровов или – упаси Господь – мумификации.

– Ну, долгих лет счастья вам обоим, – попрощался судья и с облегчением откинулся на спинку кресла.

Джон Бургер на полном основании мог гордиться собой, ведь он всё же таки разобрался с этим запутанным дельцем! Но самое главное – Зло вновь повержено, а Правосудие – торжествует.

Лёгкий способ

В кабинете сидят двое: человек лет тридцати в строгом деловом костюме – за столом, а напротив него, в низком кресле – мужчина под пятьдесят с помятым лицом и блуждающим взглядом; последний явно нервничает.

Человек в костюме некоторое время пристально смотрит на посетителя, а потом произносит:

– Вы слишком напряжены, Владимир. Расслабьтесь.

– Ладно, – кивает Владимир. – А вас, простите...

– Зовите меня доктором. Полагаю, так будет правильно.

– Как скажете.

– Поверьте, всё будет хорошо, – убеждает его доктор. – Я использую многократно проверенную методику Каррена Алла. Это самый лёгкий способ избавиться от зависимости.

– Угу.

Доктор выкладывает на стол пачку сигарет и коробку сигар, аккуратно расставляет – коробку слева, пачку справа. Пациент наблюдает за этими манипуляциями с недоумением и тревогой.

– Скажите, Владимир, – продолжает доктор, – вы сознательно решили расстаться с этой мерзкой привычкой?

– Да.

– И это действительно ваше решение?

– Абсолютно.

– Что ж, уже неплохо, – кивает доктор. – А с какого возраста вы пристрастились?

– С пятнадцати лет.

– М-да... А помните, кто предложил вам попробовать?

– Первый раз? Отец.

– Родной отец? – поднимает брови доктор, неодобрительно качая головой.

– Поймите правильно, в те времена это не считалось особенным пороком. Даже напротив, свидетельствовало о том, что юноша повзрослел, стал, так сказать, самостоятельным...

– Не стоит оправдывать то, что недостойно оправдания, – останавливает его доктор. – Главное, сейчас вы полны решимости перестать наконец кормить это маленькое чудовище. Давайте так, для наглядности, назовём вашу зависимость.

– Ну не такое уж и маленькое, – замечает Владимир, бросив рассеянный взгляд на коробку с сигарами.

– Конечно, – соглашается доктор, – тут всё зависит от толщины кошелька и личных пристрастий. Хорошо, пусть будет просто «чудовище». Но, согласитесь, это именно чудовище. И оно просит, чтобы его регулярно кормили! Буквально требует: «Покорми меня! Покорми меня!». – Последние слова доктор произносит противным, визгливым голосом капризного ребенка. – А что вы получаете взамен? Задумывались над этим? Постоянный ущерб здоровью, как своему, так и окружающих. Риск в любой момент оказаться прикованным к больничной койке. Возможно, навсегда. И, наконец, просто умереть, не дожив до старости! Согласны?

– Согласен, – неуверенно кивает Владимир.

– А раз так, почему вы не бросили раньше? – резко спрашивает доктор, подавшись вперёд. Теперь он угрожающе нависает над пациентом. – Отчего столько лет потакаете этому чудовищу? Можете назвать причины? Я слушаю, давайте! Давайте!

– Ну, понимаете, – начинает Владимир, – жизнь в городе – сплошной стресс. Да и работа у меня нервная. А эта привычка...

– Зависимость, – поправляет доктор. – И мы договорились именовать её чудовищем.

– Да, да. Так вот с ним я чувствую себя как-то комфортнее, спокойнее, защищеннее даже. Особенно в таком мегаполисе как Москва. И, наоборот, без этого дела вскоре начинаю нервничать, испытывать тревогу, дискомфорт. А то и вовсе впадаю в депрессию... Как-то так.

– А удовольствие от самого процесса испытываете?

– Бывает, – после лёгкой заминки признаётся Владимир.

– Всё правильно, – улыбается доктор. – А теперь слушайте внимательно. Сейчас я вас удивлю. Всё что вы перечислили: и чувство защищённости, и комфорт, и приятные ощущения – всё это лишь иллюзия. Да, да! Реальны только психо- и физиологические неудобства, которые возникают при длительном воздержании. Потому как это симптомы обычного абстинентного синдрома. Или ломки.

– Но позвольте, доктор...

– Не позволяю! Вы хотите избавиться от своей зависимости? Так? А раз так, не перебивайте и верьте всему, что я вам говорю. Иначе эффекта не будет. Припомните-ка, разве до того как заработать свою зависимость вы чаще чем сегодня раздражались, впадали в депрессию? И наоборот, неужели с тех

пор как вы превратились в раба привычки, невротические состояния сделались более редкими? Вот видите! Разумеется, нет! Так вот, на самом деле, потакая вашему чудовищу, вы никоим образом не защищаете себя от стрессов. И удовольствия тоже никакого не испытываете. Вместо этого вы просто снимаете неприятные ощущения, вызванные ломкой. Отсюда – ложное чувство комфорта и всё прочее. То есть практически всякий раз вы приходите в норму. Улавливаете? В норму! Иначе говоря, возвращаетесь в то состояние, в котором нормальный, здоровый человек, не подверженный этому вредному, пагубному пристрастию, пребывает постоянно. Согласны? Согласны?! Ну-ка, в глаза мне, в глаза! Да или нет? Нет или да?!

– Д-да.

– Вот и славно. Теперь добавим немного мотивации, дабы закрепить результат. Вы наверняка почувствовали, что в последние годы отношение общества к вам и вам подобным кардинально поменялось. Вместо терпимости, индифферентности, а порой и снисходительного одобрения – резкое повсеместное осуждение. А то и обструкция. Сегодня это не просто дурной тон. Сегодня это асоциальное поведение. А в публичных местах и вовсе – административное правонарушение. И подобная государственная политика – политика нажима и давления – будет только усиливаться. Скоро уже не останется мест, где бы вы смогли открыто предаться своему пороку. Во всяком случае, в городах и вблизи населённых пунктов. Что вы будете делать тогда? Уверю вас, пройдёт совсем немного времени, и безнаказанно отравлять воздух вы сможете разве что где-нибудь за городом, в пустынной местности. А оно вам надо? Стоит ли ваше чудовище подобных жертв? Подумайте над этим.

Владимир задумывается. В памяти послушно оживают картинки: косые взгляды сослуживцев, соседей по дому и просто прохожих. Он вспоминает, как при его приближении мамыши в ужасе спешат закрыть лица своих детей платочками или марлевыми повязками. Припоминается ему и недавнее выступление какой-то пучеглазой, похожей на рассерженную осу, депутатки от «Конкретной России». Как она тогда говорила? «Мы добьёмся, чтобы рабы этой гадкой привычки повсеместно чувствовали себя гражданами второго сорта. Изгоями! Их не станут принимать на работу. На них начнут смотреть как на латентных убийц. И это справедливо! Ведь по сути они преступники. Они рискуют не только своими жизнями, но и постоянно, ежеминутно гробят наше здоровье! Почему мы это должны терпеть? Почему остальные обязаны по их милости дышать этой гадостью?!»

– Давайте смотреть правде в глаза, – продолжает доктор, – эта пагуба отнимает ваши время, деньги, подвергает риску вашу жизнь и крадёт здоровье окружающих. Известно ли вам, сколько людей в России ежегодно гибнет от, образно говоря, лап чудовища, которому вы верно служите? Я вам скажу: тридцать четыре тысячи! И ещё триста тысяч остаются по вине этого порока инвалидами. Причём, половина из них – невинные, пассивные жертвы. А в масштабах всего мира эта цифра приближается к полутора миллионам. Вдумайтесь в эти цифры. Ведь это же геноцид! А вы – его орудие. Ладно бы вы рисковали только своим здоровьем, так нет, вы подвергаете смертельному риску жизни тысяч и тысяч других людей, не страдающих такой зависимостью. Дети, старики, беременные женщины. Чем они провинились перед вами?

– Довольно, доктор! – просит Владимир, утирая пот со лба. – Я всё понял. Осознал. Проникся. И готов завязать. Навсегда!

– Отрадно слышать, – кивает доктор. – Что ж, сдавайте ключи от вашего чудовища. Кстати, какой оно у вас марки?

– Джип «Гранд Чероки», – отвечает Владимир, дрожащей рукой протягивая ключи зажигания.

– Я лично прослежу, чтобы уже сегодня ваш «Гранд Чероки» пошёл под пресс, – заверяет доктор. – Вот увидите, совсем скоро вы ощутите, что стали свободнее. Теперь не надо тратить деньги на бензин и ремонт, терять время на парковку и стояние в пробках, наконец, волноваться, что кто-то угонит вашего монстра. Свобода! Кроме того, вы избавитесь от иссушающего чувства вины. Ведь в выхлопах вашего джипа – вся таблица Менделеева. И альдегиды всякие с оксидами, и бензпирен, и сажа... Настоящая нацистская душегубка!

– Так-то оно так, – вздыхает Владимир. – Одна беда – от общественного транспорта я изрядно поотвык за эти годы.

– Это беда небольшая! Вы скоро привыкнете. Метро удобнее, быстрее и надёжнее. А главное, метро самый безопасный вид транспорта. Никаких пробок, никаких проблем с парковкой и расходов на бензин. И никаких вредных выхлопов! А если вас смущает запах невымытых тел – эта проблема легко разрешима. Достаточно, прежде чем спускаться в подземку, выкурить сигаретку. – Доктор подвигает Владимиру пачку. – А лучше – сигару. – Пододвигает коробку с сигарами.

– Но я некурящий.

– Ничего, голубчик, закурите. Кстати, при выходе из метрополитена тоже неплохо подзарядиться никотинчиком. Снимает, знаете ли, раздражение и всё такое. Между прочим, вы в курсе, что курильщики практически никогда не страдают старческими недугами, вроде деменции, болезнью Альцгеймера или Паркинсона, ну и тому подобного?

– Нет, – растерянно мотает головой Владимир, – я этого не знал.

– Вот! – Доктор значительно поднимает палец. И с хитрой усмешкой добавляет: – Теперь будете знать. Научный факт... Ну, ступайте, ступайте. Да, и если вас не затруднит, голубчик, попросите там следующего, чтобы заходил.

– Спасибо вам, доктор, огромное!

Владимир встаёт, но у двери внезапно оборачивается и робко спрашивает:

– А если я... если я куплю электромобиль?

– Не советую! Во-первых, так вы никогда не избавитесь от зависимости. Это будет лишь очередная подмена, обманка. Вроде той же электронной сигареты. А во-вторых, Дума постановила распространить на личные электромобили общие ограничения и запреты. Потому как они – скрытая реклама бензиновых авто. Вот так вот!

Супер Марио

«Вот дерьмо!» – выругался Марио. Он споткнулся о трухлявый ствол упавшего дерева, не устоял на ногах и рухнул лицом в красную, устланную гниющими листьями землю. Тяжёлый рюкзак больно стукнул его по затылку. Марио поднялся, яростно отряхиваясь и отплевываясь. «Вонючая сельва», – пробормотал он. Мануэль Марио Боста, в узких кругах Сан-Паулу более известный как Супер Марио, поправил рюкзак, утёр рукавом пот и бросил хмурый взгляд на шагающего впереди Даймона Хьюза.

– С вами всё о'кей? – спросил тот, оглядываясь.

Идущий первым Пио – обнажённый по пояс индеец-проводник из племени синта-ларга – продолжал невозмутимо орудовать тяжёлым мачете, прорубая дорогу сквозь густое сплетение лиан и воздушных корней эпифитов.

Марио лишь раздражённо махнул рукой. Он ни за что бы не поперся с этим чокнутым гринго в самое сердце амазонской сельвы, но другого выхода у него просто не было. Головорезы дона Фулану буквально наступали ему на пятки, да и агенты АНБ прочно сели на хвост. Марио понимал, что совсем скоро либо первые, либо вторые поджарят ему задницу. Пытаясь уйти от преследователей, он забирался всё дальше и дальше вглубь страны. И в конце концов очутился в Тукандейре – забытой богом деревушке гуарани, притулившейся на илистом берегу одного из бесчисленных притоков Амазонки.

Тукандейра – десяток грязных хижин на пальмовых сваях, между которыми бродили куры и несколько тощих свиней, являлась, пожалуй, последним островком хоть какой-то цивилизации; сразу за посёлком высилась плотная, темно-зелёная стена джунглей. Но даже в этой глуши Марио не чувствовал себя в безопасности. Он знал – охотники где-то рядом, их появление лишь вопрос времени, возможно – нескольких дней.

И вот при таких отчаянных обстоятельствах он встретил Даймона Хьюза.

Однажды на закате тот прибыл в сопровождении двух носильщиков и проводника на баркасе, который раз в месяц доставлял в посёлок товары и продукты. Представившись профессором Пенсильванского университета, Даймон рассказал, что приехал в Тукандейру с научными целями. Утром он намеревался отправиться в джунгли, чтобы отыскать дикое и малочисленное племя пираху, живущее где-то на берегах Мэйхи. Но как назло оба его носильщика-гуарани, с которыми он имел неосторожность расплатиться вперёд, напилась и валяются теперь мертвецки пьяные. И, судя по всему, протрезвеют не скоро. А одному проводнику Пио всей поклажи не унести. Марио моментально сообразил, что, пожалуй, это его единственный шанс. Ни боевики дона Фулану, ни тем более агенты АНБ не полезут за ним в погибельные глубины тропического леса. А через неделю другая ситуация, глядишь, изменится. В конце концов, охотники могут сбиться со следа. Да и толстяк Фулану не вечен – братья Очоа давно точат на него зубы. Шансы, конечно, невелики. Но в его положении, по любому, оставалось уповать лишь на чудо.

Под многоярусным пологом тропического леса царило полное безветрие. Это и ещё влажный, насыщенный испарениями воздух делал жару невыносимой. Джунгли кишели жизнью. Между огромных, поросших орхидеями и другими паразитными растениями деревьев с писком порхали стаи крошечных разноцветных попугайчиков. Их более крупные сородичи летали парами, издавая резкие, противные крики. Опасность подстерегала повсюду. В ветвях таились змеи, гигантские пауки-птицееды и множество других смертоносных тварей, под ногами шныряли ядовитые тысячножки-сколопендры. Мириады мух и вездесущих москитов с жужжанием кружили над путниками. Марио как мог отмахивался от назойливых насекомых, с завистью поглядывая на полуобнаженного Пио – тому, кажется, всё было нипочём. Размеренными, отработанными движениями он расчищал путь их маленькому отряду, не обращая внимания ни на удушающую жару, ни на укусы москитов.

Хоть Марио был наполовину араваком, он, подобно многим метисам, смотрел на индейцев с презрением, как на примитивных дикарей. Разве нормальный современный человек станет жить в этом зелёном аду? Куда даже

солнечный свет проникает с трудом! Джунгли он не любил, не знал и боялся их. Прошлым вечером, когда им пришлось вброд преодолевать заболоченный участок сельвы, Марио постоянно мерещилось, что где-то у его ног, в коричневой непрозрачной воде, скользят тугие пятнистые кольца анаконды; когда же он заметил четырёхметрового каймана, нежившегося на плавучем островке и пристально следившего за людьми маленькими, близко посаженными глазками, то едва не обделался со страху. При этом Марио, выросший среди уличных банд в фавелах Сан-Паулу, отнюдь не был трусом. Однако сельва и её обитатели внушали ему безотчётный брезгливый ужас.

Марио снова споткнулся и чуть не упал. Он весь день ощущал какую-то странную сонливость. Это от изматывающей жары, решил он.

Когда стемнело, они разбили привал в корнях сейбы, чей ствол подобно исполинской мачте пронзал лесной полог и, казалось, упирался прямо в небо. Разожгли костёр и вскипятили воду. После ужина каждый занялся своим делом. Пио улёгся в гамак, ловко приладив его между двух древесных стволов, и закурил неизменную трубку, а профессор принялся что-то записывать в маленькую чёрную книжицу.

Марио допил остатки кашасы из фляжки, потряс её над ухом и зашвырнул в обступившую их чернильную тьму. Спать он не хотел; ночные звуки джунглей – немолчное стрекотание, жужжание, щебетание – нервировали его. То и дело раздавались чьи-то леденящие душу крики. Иногда они напоминали хохот сумасшедшего, иногда – плач ребёнка. Чтобы как-то успокоить нервы, он решил поговорить с гринго.

– Значит, вы изучаете жизнь дикарей и... всё такое?

Даймон прекратил писать и с улыбкой взглянул на Марио.

– Совсем нет. – По-португальски он говорил свободно, правда, скорее как европеец. – Я ведь не этнограф, я миколог.

– Кто, кто?

– Микология, – терпеливо пояснил профессор, – это наука о грибах. Вот их-то я и изучаю.

Марио прищурился. Грибы – тема лимонадная. На некоторых из них можно неплохо заработать.

– Выходит, вы разбираетесь в грибах, – хмыкнул он. – А на кой тогда вам сдались эти пираху?

– Собственно, меня интересуют не сами пираху, а шаман их племени. Его зовут Купа. По моим сведениям, он знает, где растут легендарные грибы гумбо. И вот Пио, – гринго кивнул в сторону проводника, – обещал мне устроить встречу с этим Купой.

– Грибы гумбо? – нахмурился Марио. – Не слыхивал про такие. И в чём их ценность? Какой-то особенный кайф?

– Насчет кайфа не знаю, не пробовал, – рассмеялся Даймон. – Хотя всё возможно. Но главное, с ними связано одно любопытное индейское поверье.

– Никогда не интересовался дикарскими сказками, – скривился Марио.

– А напрасно! – оживился учёный. – Согласно этому поверью, гриб гумбо обладает таинственной силой, является источником загадочной власти и даже способен совершенно изменить природу человека, который рискнёт его попробовать. Причём речь идёт не о банальном расширении сознания а ля Кастанеда, а о реальных физических метаморфозах... Разумеется, надо делать скидку на склонность представителей первобытных культур к гиперболизации действительности. Но возможно, гумбо на самом деле способен оказывать

на человеческий организм некое мощное трансмутирующее воздействие. В любом случае, это неизвестный науке гриб. А значит, я стану его первооткрывателем.

Марио понял далеко не всё из сказанного. Однако слова про «власть» и «силу» крепко западали в его сознание. Это были правильные слова. Они грели сердце.

Он долго не мог уснуть, ворочался с боку на бок, его бросало то в жар, то в холод. Забылся он лишь под утро. Ему приснилось, как чудесным образом сделавшись неуязвимым и могучим, вроде Капитана Америка или Хэллбоя, он играючи расправился со всеми врагами, даже с доном Фулану. А потом сам возглавил его бизнес.

Проснулся он весь в поту и совершенно разбитый. Даймон с тревогой посмотрел на его красное от внутреннего жара лицо и поинтересовался, как он себя чувствует. «Проклятые джунгли, – проворчал Марио, со стоном закидывая на плечи рюкзак, – они высасывают меня, высасывают точно пивка».

– Ничего, – обнадежил его профессор, – Пио говорит, что до сада дьявола осталось всего полдня пути. Шаман Купа должен встретить нас там. У него наверняка найдутся какие-нибудь лекарственные снадобья.

– Что ещё за «сад дьявола»?

– Участок леса, на котором произрастает лишь один вид деревьев – дуройя, – охотно пояснил учёный. – Индейцы верят, что в таких местах живёт злой дух Чулячаки. На самом деле всё дело в лимонных муравьях, которые гнездятся в полых стволах дуройи. Муравьи состоят в симбиозе с этими деревьями и строго контролируют, чтобы ничего помимо дуройи там не выросло. Они просто уничтожают всю прочую растительность.

Марио суеверно сплюнул и перекрестился.

К полудню путешественники и впрямь очутились посреди частой колоннады одинаковых невысоких деревьев. Между изумрудных листьев порхали крупные – размером с ладонь – ярко-синие бабочки. Стволы деревьев были свободны от лиан и эпифитов; на земле под их кронами тоже не росло ничего, даже кустика папоротника; лишь слой напоминающих финики плодов устилал красную почву. Отряд остановился.

Из-за стволов дуройи бесшумными тенями выступили трое индейцев: густо покрытый татуировками старик и два вооружённых копьями воина; у всех троих волосы спереди были выстрижены, но оставлены длинными на затылках.

Пио протянул татуированному старику свёрток и что-то спросил на гортанном наречии. Шаман молча принял подарки и так же молча ткнул рукой в сторону Марио. Все посмотрели в том направлении. Марио также опустил взгляд и увидел совсем рядом, буквально в шаге от себя, гриб с мясистой коричневой ножкой и конусообразной багрово-красной шляпкой. Он походил на конский фаллос.

«Гумбо! Это точно гумбо, черт меня подери!» – вскрикнул Даймон Хьюз и кинулся к грибу. Но Марио заступил ему путь, грубо оттолкнул учёного и выхватил короткоствольный револьвер.

– Все отошли, – хрипло скомандовал он. – В сторону... Живо!

Даймон попятился, оторопело глядя в воронёное дуло. «С вами всё о'кей?» – пробормотал он. Один из воинов-пирату занёс копье. Грохнул выстрел, воин подпрыгнул и упал на спину. Второй воин издал возмущённый возглас, но шаман вскинул руку в останавливающем жесте, и тот послушно замер.

– Кто шевельнётся – убью, – срывающимся голосом предупредил Марио. – Это моё... Моё!

– Чулячаки, – едва слышно прошептал Пио, указывая на Марио пальцем.

– Ещё слово и ты труп, – посулил ему Марио.

Проводник медленно опустился на корточки и, обняв колени, застыл с бесстрастным выражением.

– Друзья! – фальшиво-бодрым тоном начал Даймон Хьюз. – Давайте не будем горячиться...

– Замерли, я сказал! Всех положу! – истерично завопил Марио. Лицо его было мокрым от пота. Глаза налились кровью и бешено вращались в орбитах.

– Вы явно больны, приятель, – вновь попытался успокоить его Даймон. – У вас мозговая горячка. Вам следует...

– Захлопни рот, гринго!

– Но что вы собираетесь делать? – скорее с удивлением, чем со страхом поинтересовался профессор.

– Заткнись! Заткнись! Заткнись, задница!

Лихорадочно переводя ствол с одного на другого, он нагнулся, выдернул гриб из земли и жадно сунул в рот. Давясь и морщась, кое-как разжевал и проглотил. Потом, продолжая держать профессора и индейцев на прицеле, попятился и обессилено прислонился спиной к дереву. Его била дрожь.

Сначала ничего не происходило. Ровным счётом ничего... И тут Марио ощутил в животе странный холод. Впрочем, это был приятный холод. Конечности его, напротив, обдало внезапным жаром. Он посмотрел на свои руки и удивленно выдохнул: жилы на них вздулись, мышцы налились силой и бугрились как у культуриста. Волна эйфории захлестнула его сознание. Да! Да! Да! Марио понял: ещё чуть-чуть, и он будет способен ломать деревья и дробить скалы! Он станет настоящим Супер Марио! Отныне никто не будет ему страшен! Ни гориллы дона Фулану, ни ищейки из АНБ. Он всех их сделает!

Марио хотел издать победный клич, но закашлялся – что-то мешало в горле, что-то постороннее. Марио сунул в рот пальцы и вытянул какой-то белесый сгусток, похожий на ком слипшейся паутины. Потом ещё один. И ещё... И ещё.

Он тянул и тянул из себя комки липкой субстанции, но той не становилось меньше. Марио почувствовал, что задыхается. Он уронил пистолет. И с гадливым ужасом обнаружил, что из всех пор его тела выступают тончайшие полупрозрачные нити; эти нити стремительно росли, вытягивались, змеились и, спускаясь вниз, исчезали в лесной подстилке. Вскоре он весь, словно угодившее в паутину насекомое, оказался опутан этими отвратительными белесыми нитями. Целыми пучками они лезли теперь из его рта, носа, ушей и других отверстий. Ещё через несколько секунд глаза Марио неестественно выпучились, вылезли из орбит и – чпок! – двумя белыми шариками шлёпнулись ему под ноги. А из опустевших глазниц брызнули фонтаны паутиных нитей. Марио зашатался и рухнул наземь. Его тело конвульсивно задёргалось, сдуваясь и скукоживаясь точно проколота резиновая кукла.

Через четверть часа место его падения обозначал лишь пологий холмик. Но и он продолжал быстро оседать. Даймон Хьюз и трое индейцев наблюдали за этой метаморфозой в торжественно-мрачном молчании.

Первым не выдержал Даймон:

– Потрясающе! Какой эффективный способ утилизации биомассы. Очень интересно. И перспективно. Но что же легенда? Про власть, про силу... Вымысел?

Пио повторил вопрос шаману. Старик усмехнулся.

– Нет, легенда не врёт, – перевёл Пио его ответ. – Гриб гумбо действительно дарует власть. Полную власть. Но не человеку. А грибу над человеком.

Неугасимая лампада

Зинаида сидела на диване и смотрела на пламя лампадки перед иконой Владимирской Божьей матери, так почитаемой её умершим мужем. В комнате было тихо. Гнетущую тишину изредка нарушал доносившийся с кухни звук старинных французских часов с маятником. Зинаида прислушалась: 12 громких ударов. Полночь. Потеряв счёт времени со смерти мужа, она и сейчас не могла представить себе, сколько часов прошло с отъезда детей.

Сразу после поминок невестка убрала со стола и перемыла грязную посуду – лучший Мейсенский обеденный сервиз на 12 персон, чешские хрустальные рюмки и бокалы, мельхиоровые вилки и ножи – всё, что когда-то приобрели её свёкор со свекровью. Сын пропылесосил квартиру и убрал всю помытую и вытертую насухо посуду в сервант. Считая свой долг выполненным, дети уехали, оставив маму в большом чистом доме наедине с воспоминаниями. А они, как водится, не заставили себя ждать.

Интересная штука память! Чем старше становятся люди, тем меньше они помнят о том, что было вчера, и чаще вспоминают о делах давно минувших дней. Вот и сейчас память унесла Зинаиду лет на сорок назад, когда она, окончив двухгодичные курсы машинописи и стенографии, пришла работать секретарём в одно из объединений при министерстве. Будучи совсем ещё молодой, Зиночка слыла человеком строгим, трудолюбивым и аккуратным, потому начальник её очень уважал, а коллеги даже немного побаивались.

Некоторое время спустя в их объединении появился новый сотрудник. В обеденный перерыв Зина спускалась по лестнице, как вдруг увидела его с сигаретой в руке в окружении двух заядлых курильщиков. «Ну вот и третий... До кучи! Хотя красивый!..» – мечтательно подумала Зина, глядя на его выющиеся чёрные волосы с небольшой проседью, и продолжила свой путь в столовую.

Юлия Геннадиевна Александрова – родилась в 1965 г. в Москве в семье служащих. По окончании в 1987 г. МГПИ им. В.И. Ленина преподавала английский язык в школе. С 2001 г. Старший преподаватель кафедры английского языка на факультете экономистов-международников Всероссийской академии внешней торговли. С 2011 г. имеет звание доцента. Автор шести сборников лирических стихотворений: «Имя моё...» (2006), «Сретенье» (2007), «Воздушный шар» (2009), «Жизнь-река» (2010), «Крылатая мечта» (2012), «Иду по клавишам судьбы...» (2015), а так же трёх сборников прозы – «Букет ландышей» (2009), «Окно в сад» (2011) и «Дневник» (2015). Член Союза писателей России. Живёт в Москве.

Обед в объединении был с 12.00 до 12.45. Многие старались растянуть это время до часа дня, пробежавшись по магазинам в поисках дефицитных товаров, но только не Зина. По ней можно было сверять часы. Поэтому, когда Эдик вошёл в приёмную за пять минут до окончания обеденного перерыва, Зина встретила его милой улыбкой и бланком для подачи заявления на работу. Увидев этот гордый профиль, собранные в пучок волосы и платье с отложным белым воротничком, Эдуард понял, что пропал.

Встречались они недолго. Через полгода Эдик привёл Зину домой знакомиться с родителями. Главной задачей было понравиться его отцу, Сергею Викторовичу, главному редактору крупного московского издательства. До Зиночки ни одна претендентка не смогла пройти это испытание: первая, по мнению родителя, была слишком развязной, следующая, наоборот, казалась ему синим чулком, у третьей не было образования, а четвёртая была с ребёнком... Неудивительно, что Эдуард в свои тридцать пять лет был холостым. Однако Зина приглянулась Сергею Викторовичу настолько, что он предложил молодым жить вместе в их огромной квартире в высотке на «Баррикадной». Эдик был не в восторге от папиной идеи, зато для Зины, которая провела детство в захолустном городке, это предложение показалось манной небесной.

Совместная жизнь со свёкром и свекровью стала особенно актуальной, когда через четыре года родился сын, а ещё через год дочь. Родители Эдика души не чаяли во внуках-погодках и старались во всём помогать молодым. Когда Зина с Эдиком ходили в театр или ездили в гости, бабушка с дедушкой с удовольствием оставались с детьми.

Летом обычно отдыхали в Юрмале. Отдых в частном секторе на Рижском взморье оплачивало издательство. Справедливости ради надо сказать, это была большая экономия денег, особенно когда нет дачи, а детям нужно подышать свежим морским воздухом и набраться сил перед школой. Но если старшее поколение и Зина с детьми бывали там только летом, то Эдик стал навещать в те края и осенью, и весной, и даже зимой. Зина ничего не подзревала, а вот свёкор сразу всё понял. Он вызвал сына на откровенный разговор и сказал: «Позорить своё честное имя я тебе не дам. Не для этого я его зарабатывал. Собирай вещи и уезжай к своей крале. Зина с детьми останется здесь. Если ты ставишь любовную связь выше семьи, это твоё личное дело, но внуки будут расти с нами».

Эдик не возражал, перевёлся из Москвы в их Рижский филиал, собрал вещи и уехал. Развод они с Зиной оформлять не стали. А зачем?! Эдик второй раз официально жениться не планировал, а Зинаида и вовсе была однолюбкой, так что после отъезда мужа она вообще перестала смотреть в сторону мужчин и целиком сосредоточилась на детях – их учёбе и дополнительном образовании: сын всерьёз увлёкся спортом, а дочь – танцами. Да и работу никто не отменял, ведь Зинаида по-прежнему трудилась в министерстве.

Со временем всё поменялось. Сын женился и покинул отчий дом, а вот с дочерью случилось несчастье. В двадцать четыре года она умерла от рака поджелудочной железы, не оставив после себя продолжение. Это горе ужасно подкосило свёкра со свекровью, которые пережили свою внученьку всего лишь на два года, уйдя в один год друг за другом.

И осталась Зинаида одна, став хозяйкой большого дома. Большого, но пустого. Радость как будто ушла оттуда вместе со всей семьёй. Эдик, конечно, звонил из Риги, но приезжал только на похороны. Сначала дочери, потом мамы и, наконец, отца.

Зинаида долго не могла оправиться после таких потерь. К счастью, сын с невесткой и внуки навещали её, и она частенько навещалась к ним. Однако Зинаида всё больше скучала по мужу, хотя и жили они врозь уже лет пятнадцать.

Здоровье стало ухудшаться. Она по-прежнему читала без очков, а вот со слухом начались большие проблемы. Секретарь-референт – лицо министерства, а глухой секретарь – это нонсенс, вот и попросили Зинаиду оформить пенсию по инвалидности. От слухового аппарата она отказалась, и поэтому соседи страдали теперь от громких звуков телевизора и радио, доносившихся из Зининой квартиры. Сын жаловался, что до неё теперь сложно стало дозваниваться, ведь если они с телефоном жили в разных комнатах, то это было делом почти безнадежным.

Однако этот междугородний звонок прозвучал так громко, что Зинаида даже ойкнула. Из Рижской больницы сообщили, что её ослепшего на один глаз мужа в сопровождении медработника отправили в Москву по адресу его прописки. Зинаида всё поняла. Старый, немощный человек стал не нужен своей латышской любовнице, и она благополучно избавилась от него. А Зине ничего не оставалось, как принять блудного супруга, ведь, как ни крути, они были созданы друг для друга: она стала его глазами, а он её ушами.

Так прошло шесть лет. А потом у мужа случился инфаркт. Ушёл он тихо, во сне. Вечером, поцеловав жену, Эдик попросил у неё прощения за всю боль, которую причинил ей в жизни, словно предчувствовал, что больше они не увидятся. Услышав его признания, Зина заплакала и сказала, что не держит на него зла. Вздохнув с облегчением, он помолился перед иконой Владимирской Божьей матери, лёг и уснул. Когда Зинаида проснулась, Эдик был мёртв. Он лежал на спине со спокойным и умиротворённым лицом. В углу напротив иконы горела лампадка, как знак преображения человека под влиянием Божьей Благодати.

ПОЭЗИЯ

Антонина ШМАТКОВА

АНТОНИНА ШМАТКОВА

Антонина Никоновна Шматкова – родилась в Кемеровской области. Окончила СТФГОУ «Кемеровский технологический институт пищевой промышленности». Ветеран труда. Автор четырёх книг стихов и прозы: «Осенний рассвет», «Берег чистой реки», «Здесь короткое лето», «Песчаный берег». Издавалась в коллективных сборниках, в журнале «Огни Кузбаса» и других печатных изданиях. На её стихи написана музыка Кемеровскими композиторами. Член МГО Союза писателей России.

Живёт в Наро-Фоминске.

«Замру на кромке тишины...»

Замру на кромке тишины,
Когда блеснут лучи рассвета,
Когда проталины видны,
Что грезят о начале лета.

А летом бабочки вспорхнут,
Замечутся, расправив крылья,
В садах ромашки зацветут,
Всё запестреет яркой былью.

Дурачась, ветер-озорник
Уже хлопочет у залива.
Он в тень акации проник
И шепчется с плакучей ивой.

Замру на кромке тишины,
Когда блеснут лучи рассвета.
Ах! Только б не было войны,
И не было б суровым лето.

Цветенье за окном черёмух белых
Воспоминания тревожит вновь,
А пение пернатых оголтелых
Вселяет негасимую любовь...

Любовь к полям берёзовой капели,
Любовь к лугам, где огоньки цветут,
И к городу, где в парках карусели,
Ко всем местам, где меня очень ждут.

Там ждут сады в весеннем одеянье,
Знакомые тропинки у ручья.
Туда спешу, как будто на свиданье,
К речушке, что несёт поток журча.

Пора цветенья хризантем,
Весёлость дней в сиянье солнца,
А дождь нахмурился меж тем,
И ветер пляшет у оконца.

Затем закружит снегопад,
Накроет землю пеленою,
Оденет в беленький наряд
И будет ликовать с зимою.

Но и зиме поставлен срок –
Срывая мартовский платок,
Она своё уступит место
Весне-красавице, невесте.

Вновь хризантемы зацветут!
Минуя благодатность лета,
Листок календаря сорвут,
В угоду знаковым приметам.

У порога не встречу, не встречу
Дорогое, родное лицо,
Ну а если в пути письмецо –
Я тогда телеграммой отвечу.

Разыгрались сегодня дожди.
Осень бродит опять по дворам.
Не мешай, осень милая, нам
И с дождями пока подожди.

Ветерок, унеси облака,
Разгони эту хмурь поскорей,
О, печаль моя, ты велика...
Светлый день, мою душу согрей.

Вот и поезд, плацкартный вагон...
Торопи долгожданную встречу.
Я накину косынку на плечи
И с улыбкой спущусь на перрон.

Пора искать дорогу вперёд

Помним ли мы нашу историю?

Прошли памятные исторические события: 100-летние юбилеи Великой Октябрьской социалистической революции, создания Рабоче-Крестьянской Красной Армии, Комсомола. Для многих, особенно бывших советских граждан, это были выдающиеся знаковые события, предопределившие образ жизни, мышления и благосостояния огромной державы, называемой Союзом Советских Социалистических Республик, и её 260-миллионного народа. Юбилеи могли стать поводом для напоминания россиянам о том, что Советский Союз был первым в мире государством рабочих и крестьян, впервые в истории пытавшимся (в муках, страданиях, страшных войнах) построить социалистическое общество. Юбилеи могли напомнить о том, что СССР стал великой державой с самыми передовыми образованием и наукой, сильнейшей экономикой и мощными вооружёнными силами, не очень высоким, но надёжно обеспеченным благосостоянием народа. Наконец, юбилеи могли напомнить, что процессы, происходившие в Стране Советов, изрядно потрянули весь капиталистический мир и активизировали национальное самосознание и освободительное движение в бывших колониях, полуколониях и странах Третьего мира, где проживало больше половины населения Планеты.

Однако ничего такого не произошло. И местные, и центральные СМИ долго и глухо молчали о памятных событиях. По ТВ несколько раз показали очередные киноподелки о том, как кровавая «гэбня» издевалась над бесправными зэками. Наконец, непосредственно в юбилейные дни по Первому каналу был продемонстрирован вроде бы научный фильм «Подлинная история русской революции», в котором довольно скучно сообщалось о неприглядной роли разных гучковых-милюковых-пуришкевичей. Цель такого показа, думаю,

Николай Васильевич Пернай – родился в Бессарабии (Молдавия) 24 мая 1940 г. Окончил исторический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова. Ветеран педагогического труда, отличник среднего специального образования Союза ССР, отличник профессионально-технического образования России, почётный работник начального профессионального образования России, кавалер ордена «Знак Почёта», заслуженный учитель России. Учёный, кандидат педагогических наук. Литератор, автор многих книг и статей, лауреат Национальной литературной премии «Золотое перо Руси» (2014). В настоящее время член Совета старейшин города Братска, лектор.

Живёт в Братске.

достаточно простая: убедить зрителей, что историческая правда о событиях 1917 года не представляет никакого интереса, и нечего носиться с этими революциями. Это плохие события. Ничего хорошего сто лет назад не происходило. Плюньте и забудьте!

На каналах «Россия-1» и «Культура» были показаны художественные сериалы «Демон революции» и «Троцкий». Фильм «Троцкий», созданный как приключенческий триллер, представил во всех ипостасях персонажа, претендовавшего на роль «главного героя революции». Вот он, великий организатор, названивает по телефону в полки, и революционные солдаты по его команде быстро занимают почту, телеграф, вокзалы; вот он неумоимо звонит каким-то рабочим, и те вооружённые выходят на улицы; а вот по его команде вооружённый отряд врывается в Зимний и арестовывает Временное правительство. Кто он? Конечно – это Троцкий. Никакого крейсера «Аврора» и эсминца «Самсон» нет, всем ворушает он один, вождь революции. Не видно ни Подвойского, ни Бубнова, ни Сталина. Ни тем более – Ленина. Всеми делами заправляет Троцкий. Но в один из моментов Ленин всё же появляется. Он сильно растерян, так как выясняется, что дело уже сделано, всё закончено, власть перешла в руки большевиков. Ленин выглядит жалко, но всё же осмеливается сказать Троцкому: «Вождь-еврей в России не сможет продержаться у власти больше месяца». После чего Ленин идёт-таки к трибуне 2-го съезда Советов и объявляет о низложении Временного правительства и взятии власти Советами. Однако следующим за Лениным на трибуну неожиданно выскакивает Троцкий, и Ленин ревниво и с некоторой опаской смотрит на него. Но Троцкий вдруг объявляет, что взятие власти произошло под руководством именно Ленина. И тот с облегчением аплодирует «иудушке»: как же – его приоритет признан.

Изложенное в сериале «Троцкий» нафантазировано довольно лихо, но вовсе не правдиво, а образы Ленина и Сталина вообще даются с изрядной издёвкой. Троцкий-киногерой явно выше этих известных вождей. Сериал пытается убедить нас, что Октябрьский переворот совершил Троцкий – единолично, собственноручно. Все остальные примазались. Ленин – властолюбивый гадёныш, но слабак. Куба – мстительная серая посредственность. А народ – бестолочь и быдло, которым можно управлять только при помощи децимаций ...

Как известно, курс истории России-СССР с 1917 года переписывался неоднократно. Правда, во всех трактовках, советских и постсоветских, роль Ленина как главного вождя и организатора Октябрьской революции никогда не оспаривалась. Было время, когда писали, что самим восстанием руководил Троцкий с соратниками, потом эту роль стали приписывать Сталину. Как было на самом деле, сегодня эту тёмную историю трудно представить во всех подробностях. Последние публикации (Л.Г. Ивашова, А.И. Фурсова и других серьёзных исследователей) свидетельствуют, что решающее значение в Событиях сыграли перешедшие на сторону большевиков бывшие царские военные разведчики и генштабисты. Они-то и командовали захватом узловых объектов и революционными солдатами. Впоследствии, в феврале-марте 1918 года, именно эти офицеры создавали отряды Красной Гвардии и регулярной Рабоче-крестьянской Красной Армии (РККА). И они, бывшие царские офицеры, работали во взаимодействии со Сталиным и Дзержинским.

Сериалу «Троцкий» на протяжении многих ноябрьских вечеров вторил на канале «Культура» некий Феликс Разумовский, то ли историк, то ли артист, вещавший то, что ему закажут. Разумовский настойчиво доказывал, что Октябрьская революция – это разнузданная, вышедшая из берегов, неуправляемая смута, а Ленин – никакой не вождь. Он самозванец! Как Гришка Отрепьев, Лжедмитрий, провозгласивший себя царевичем Дмитрием.

Снова и снова вещун Разумовский врал о «преступных» деяниях Ленина и его поделельников. Создали ВЧК, но не для наведения порядка, а якобы для разрушения всей тысячелетней культуры, нажитой Россией. Для революции нужны деньги. Большие деньги. Где их взять? Можно в банках. И в банки направляются для экспроприации надёжные люди. Ещё, конечно, – у буржуев. Как? Реквизировать, прямо по месту жительства, и этим, не покладая сил, занимается «чрезвычайка». Все деньги и награбленное добро приносят Ленину, и он пишет записочки, и проверенный приятель (ещё по дореволюционным годам) Ганецкий выдаёт мешками деньги и драгоценности разным тёмным типам. При этом огромные средства направляются за границу для поддержки революций в других странах.

В следующие вечера шёл рассказ с картинками о том, как советская власть давила крестьян и уничтожала русскую деревню. «Можно ли было обойтись в 1919 году без продотрядов?» «Можно! – уверял Разумовский. – Но легче было хлеб у крестьян отобрать. Большевики избрали привычный путь экспроприации». То, что продразвёрстка была введена задолго до революции ещё Николаем Вторым, – молчок.

По рассказам Разумовского, Ленин из своего кабинета слал бесчисленные телеграммы открытым текстом: «Расстреливать, расстреливать и расстреливать, никого ни о чём не спрашивая». Ещё было рассказано о том, как большевики, и лично Ленин, уничтожали цвет нации – интеллигенцию. У Ленина по жизни было якобы две роли: первая – роль вождя мирового пролетариата, доброго заступника обездоленных людей, вторая – роль пахана, руководящего разбойничаящими шайками с маузерами. Вот так-то!

Надо отдать должное Разумовскому: его враньё выглядело правдоподобно, оно было безупречно по стилю, языку, подбору образов и метафор и производило на несведущих людей сильное впечатление. Удручающе сильное! Однако чтобы решиться на такое бессовестное обгаживание отечественной истории, нужно не просто обнаглеть до крайней степени. Нужны большие деньги. И кто-то богатенький такие деньги давал.

Всё это происходило в дни 100-летия Октябрьских Событий.

Нет ни стыда, ни совести у этих людей, создателей книг, фильмов и телепередач, историков, политиков и артистов, грубо извращающих историю нашей страны! Один священник сказал о них: «Лицемеры снимают маски». Похоже, что это так. И лицемеры чувствуют свою силу и безнаказанность.

Как любые революции, и Февральская, и Октябрьская были трагедией для нашего народа. Однако нельзя не признать, что при всех жертвах, которые последовали за этими революциями, после 1917 года кардинально изменилось направление развития всего человечества.

Великий англичанин Бертран Рассел писал: «Можно полагать, что наш век войдёт в историю веком Ленина и Эйнштейна, которым удалось завершить огромную работу синтеза – одному в области мысли, другому – в

действии... Государственные деятели масштаба Ленина появляются в мире не больше чем раз в столетие, и вряд ли многие из нас доживут до того, чтобы видеть равного ему». Эти слова были написаны без малого сто лет назад. И были забыты.

Оценивая, как гражданин своей родины, события 100-летней давности, известный историк академик А.О. Чубарьян обратил внимание на следующие обстоятельства: «Ленин для удержания власти, в отличие от либералов Временного правительства и либералов-меньшевиков, проявил готовность пойти на любые крайние, в том числе, насильственные меры... Он был плохим марксистом, но гениальным прагматиком... Ленин сумел сохранить и укрепить государственность в России... Кроме того, он перевернул мир. Мир после Ленина стал другим. Достаточно вспомнить, как рухнула мировая колониальная система».

Сегодня всё больше молодых пытливых умов стали глубоко вникать в наше историческое прошлое. Несмотря на вопли жириновских-пивоваровых-разумовских, призывающих осудить «преступную деятельность» Ленина, выкинуть его труп из мавзолея и уничтожить подчистую памятники Ленину, имеющиеся во многих городах, в последние годы находится всё больше трезвомыслящих учёных, общественных деятелей и писателей, которые стали копать всё глубже, всё больше проясняя многие скрытые до недавнего времени исторические факты и всё чётче осмысливая суть происходивших событий. Так, молодой писатель-публицист Лев Данилкин посвятил более пяти лет скрупулёзнейшему исследованию феномена В.И. Ленина в русской и мировой истории, по итогам которого написал почти 1000-страничное повествование под названием «Ленин: Пантократор солнечных пылинок». Изучение материалов многочисленных источников позволило автору сделать нетривиальные выводы: «Работа, произведённая Лениным... кажется сверхъестественной. Никто и никогда ничего не делал за столь короткое время... Штука в том, что Ленин не просто принял управление от предыдущей власти – но умудрился руководить расплывающейся, разрушающейся, выгорающей страной, одновременно перепридумывая заново и выстраивая на ходу, на полной скорости новый аппарат управления, не имея ни заранее составленного плана, ни специальных знаний, ни квалифицированных кадров, и в ситуации, когда внешние противники изводят его саботажем, а товарищи и коллеги – говорильней, дискуссиями». Главный же вывод Л. Данилкина прост и однозначен: «Ленин останется Лениным – революционером, сумевшим построить с нуля структуру, которая смогла захватить власть в период революционного хаоса. Превратить этот хаос в нормально функционирующее государство – и стать моделью для перехвата власти в государствах Третьего мира».

В дни 100-летнего юбилея Красной Армии вместо рассказов о драматическом и героическом пути её формирования, о её легендарных командирах и полководцах транслировался многосерийный показ так называемого Ледового похода Добровольческой армии (позднее прозванной Белой) в феврале – апреле 1918 года под водительством «национального героя» генерала Л.Г. Корнилова.

Вековой юбилей Комсомола, правда, сопровождался перечислением величайших деяний советской молодёжи, массовками с ритуальным пением комсомольских песен и... полным забвением имён героев-комсомольцев.

Зато 100-летний юбилей А.И. Солженицына, «величайшего» писателя всех времён и народов, знатока «как нам обустроить Россию», крупнейшего антисоветчика, диссидента и идейного могильщика Советского Союза, был отмечен с небывалым размахом: были и многословные хвалебные статьи и передачи, и многочисленные юбилейные красочные шоу, и открытие величественного памятника в центре столицы в присутствии первых лиц государства.

Президент В.В. Путин и многие видные общественные деятели призывают нас, граждан России, к примирению между «красными» и «белыми». Но разве допустимо мириться с теми, кто вызывающе плюёт тебе в лицо? Какое примирение может быть с теми, кто чернит историю твоей страны, унижает твоих предков, гадит на всё, что было создано при социализме?

Кто и как развалил наш «единый и могучий» Советский Союз?

Мы, россияне, – уникальный народ. Внешне мы мало отличаемся от других, особенно, от европейцев. Но есть у нашего народа одна черта, которая всё же отличает нас от других. Эта уникальная черта – доверчивость. Мы безоглядно доверчивы. Наши друзья и недруги хорошо знали об этой нашей особенности. Друзья верили русичам и знали, что в трудных делах они не подведут. А враги тоже нередко входили в доверие наших предков и не раз и не два в течение многих веков обманывали их; сегодня они с успехом обманывают нас.

Самый большой обман, которому поддались почти все мы, бывшие советские люди, произошёл в течение 1980-х годов, в ходе так называемой перестройки, и в ходе ельцинско-гайдаровско-чубайсовских приватизаций и «реформ» в 1990-ые – начале 2000-х годов. Постепенно, не спеша, пользуясь доверчивостью и безграничным терпением нашего народа, наши постоянные враги, американские и западноевропейские спецслужбы, при поддержке предателей из высших партийных структур СССР, диссидентов (вроде А.И. Солженицына), «инакомыслящих» учёных (вроде А.Н. Яковлева, Т.И. Заславской, А.Д. Сахарова) и при попустительстве большинства здравомыслящих граждан сумели убедить значительную часть советских людей в необходимости реформирования СССР, построения якобы социализма с «человеческим лицом», расширения гласности и «плюрализма» мнений, развития рыночных отношений.

Советская власть воспитала нас в духе доверия. Когда большевики, едва окончив на Тихом океане свой поход, пообещали всех мужиков и баб поголовно сделать грамотными, те только дивились. А что вышло? К середине 1920-х годов почти вся страна умела читать и писать. Когда страшный враг навалился на нас в 41-м, Сталин сказал: «Наше дело правое, враг будет разбит, победа будет за нами!» Трудно было поверить в победу, когда под немецким сапогом оказались и Украина, и Белоруссия, и всё Черноземье, и пол-Кавказа, и промышленный Центр. Но Сталину поверили и одержали Победу.

А потом Хрущёв в 1962 году пообещал: «Нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме». Немногие, конечно, в это поверили. Однако обещания Хрущёва оказались обманом.

В том, что людям постоянно хочется улучшить, а потому и реформировать свой быт, образ жизни, нет ничего плохого. Мы гордились могуществом нашей страны, её космонавтами, учёными, балетом. Но жили в основном небогато.

Всё что надо для нормального существования было практически у каждого. И колбаса в холодильниках была у всех, правда, одного сорта. Но когда где-нибудь в Югославии или Финляндии те счастливики, кому удалось побывать «за бугром», видели в магазинах по 20-30-40 сортов колбас и джинсы в продаже (без очереди!), нам тоже захотелось, чтоб и у нас так было. Вот почему многие легко поверили тем, кто стал уговаривать нас перестраиваться. Вся беда оказалась в том, что основная масса россиян под перестройкой понимала новые возможности социализма, совершенствование того, что у нас уже было. А «прорабы перестройки» Горбачёв, Яковлев, Гайдар, Ельцин и другие имели в голове, но никому о том не говорили, совсем другие намерения: передел социалистической собственности, передачу её в частные руки, демонтаж социалистических основ хозяйствования, и под видом развития рыночных отношений переход к капиталистическому способу производства и установлению господства олигархического капитала. Но «перестройщики» не раскрывали свои истинные планы и долго уверяли народ, что занимаются реформированием.

Прошло более 30 лет. Реформирование страны не закончилось. Каждый год приносит что-то новое. Но мы по-прежнему не можем до конца понять, что же с нами происходит? Куда мы идём? А главное: почему жизненный уровень большей части народа (именно трудящегося народа) не только не улучшается, а по многим параметрам ухудшается?

Что же произошло со страной?

В процессе горбачёвской перестройки, приведшей к краху СССР, не было никаких признаков тяжёлого экономического кризиса, который толкнул бы трудящихся на баррикады. Кризис был создан самой властью, её верхушкой, начавшей демонтаж советской хозяйственной системы в 1988 году, а годом позже – и политической системы.

Атака на социализм началась в период «плюрализма мнений», и исходила она от идеологических изданий, в том числе и теоретического органа ЦК КПСС журнала «Коммунист». Один из главных идеологов перестройки, академик, член Политбюро ЦК КПСС А.Н. Яковлев впоследствии признавался: «Избрали простой, как кувалда, метод пропаганды “идей” позднего Ленина. Задача была такая: авторитетом Ленина ударить по Сталину и сталинизму, доказать несостоятельность всего того, чего достигла наша страна в 30-40-е и последующие годы, доказать, что в последние годы жизни Ленин завещал нам совсем не этот путь, а путь – кооперации и государственного капитализма».

В условиях привычной зажатости, мощной цензуры, господства марксистских идеологических штампов в СССР, мы, советские люди, приветствовали расширение гласности, возможности получения информации по вопросам, которые раньше были для нас недоступны. Центральные газеты и журналы, телевидение наперебой стали печатать различные запретные материалы, стало модным слушать разные «голоса» («Голос Америки», «Свободная Европа» и проч.) и читать «самиздатовскую» продукцию, в печатании которой, как выяснилось, всё большее денежное участие принимало ЦРУ.

Многие из тех, кто причислял себя к так называемым шестидесятникам, постепенно, шаг за шагом переходили на антисоветские позиции. Вот поэт

Евгений Евтушенко (настоящая фамилия Гангут), кумир шестидесятников писал: «Я ходил вместе с мамой и отцом на демонстрации и просил отца поднять меня повыше. Я хотел увидеть Сталина. И я страшно завидовал тем моим ровесникам, которым выпала честь подносить букеты цветов Сталину». Но прошло время, и Евтушенко стал ненавистником не только Сталина, но и всего советского.

Смена правящей верхушки в ЦК КПСС, приход к власти Горбачёва в 1985 году позволили антисоветской элите перейти к открытым агрессивным действиям против СССР. Я, например, хорошо помню критичные статьи известного философа А. Ципко в начале 1980-х. В них была поначалу острая деловая и конструктивная критика. Но шли годы, и чистый «ленинец», «романтик» Ципко переродился в последовательного борца с советской системой. Он констатировал, что эта борьба была успешной и привела «к разрушению первичных условий жизни миллионов людей». Что же это за успех? Сегодня мы уже точно знаем, к чему привело разрушение условий жизни народа: за последнюю четверть века «избыточная» смертность (превышение показателей смертности над показателями рождаемости) унесла жизни примерно 13,3 млн. россиян.

Одной из авторитетных фигур перестройки был известный философ (в молодости приятель Горбачёва) Мераб Мамардашвили. Он считал советский строй антижизнью. Его статьи дышали открытой ненавистью к «совкам». Он писал: «Что мы видим вокруг себя, в наших грязных домах, пустых магазинах и в наших людях, лица которых сведены звериным оскалом? Насилие, садизм, отсутствие законности копились десятилетиями и не находили себе выхода, поскольку существовала монополия государства на насилие и беззаконие». Много, о чём писал знаменитый философ, заставляло задуматься, но нам не хотелось верить, что он, Мамардашвили, не наш попутчик и, тем более, не наш человек. И только со временем, глубже вчитываясь в то, что в горбачёвское время Мамардашвили печатал во многих журналах большими тиражами, мы начинали понимать, что он – наш настоящий и притом матерый враг. Россию он считал каким-то бескультурным образованием. «Русские, куда бы ни переместились – в качестве казаков на Байкал или Камчатку, их даже занесло на Аляску... – куда бы они ни переместились, они рабство несли на спинах своих. А американцы несли с собой другое – Великую хартию». Он же сравнивал неопрятных русских и аристократоподобных грузин: «На стол я (грузин) стелю скатерть, а не газету. Русские готовы есть селёдку на клочке газеты. Нормальный невыродившийся грузин на это не способен...» И вывод: «Мы должны отделиться... Хватит вместе страдать и вместе жить в дерьме».

Это писал ведущий учёный страны! И многие читали его. Читали с болью и мыслью о том, что раз такое печатают, наверное, хотят, чтобы мы как можно быстрее избавились от «родимых пятен» прошлого. И встали на путь истинный. Но только сегодня видна до конца истинная цель таких писаний, а именно: в очередной раз заставить нас, россиян, пережить унижение за своё якобы позорное прошлое, снова почувствовать себя лапотниками, алкашами, серой массой бесшабашной бестолочи.

Ещё одна знаменитая дама, много сделавшая для формирования анти-советской идеологии, академик Т.И. Заславская. Она охотно выступала с научными докладами, её часто печатали и показывали по телевизору. Она

говорила очень убедительно, как бы с болью за общее дело, и призывала каждого «честного» человека начать непримиримую борьбу с социалистическим образом жизни.

В деле поношения советского жизнеустройства особенно отличились известные учёные: экономисты А.Г. Аганбегян, Г.Х. Попов, Н.П. Шмелёв, Е.Г. Ясин, социолог А. Мигранян, историк Ю. Афанасьев, советник Президента России Г. Старовойтова. Главным инструментом их скрытой, а затем и открытой, борьбы с советской властью была ложь. Академик Яковлев прямо об этом писал позднее, в 2003 году: «Для пользы дела приходилось и отступать, и лукавить».

Перестройка и реформы 1990-х годов были представлены обществу как модернизация советской экономики. Это была заведомая ложь: на самом деле никакой модернизации не было, а был настоящий демонтаж, причём грубый, в форме разрушения крупнейших объектов промышленности и сельского хозяйства. Власти следовали тайному плану и привели к уничтожению почти половину экономического потенциала страны.

В течение многих лет «перестройщики» настойчиво повторяли тезис о неэффективности нашего колхозно-совхозного сельского хозяйства. Академик Аганбегян, например, утверждал, что в сельском хозяйстве СССР имеется невероятный избыток тракторов и что реальная потребность в них в 2-3 раза меньше того, что есть. В СССР, считал академик, тракторов производится в 4,8 раза больше, чем в США, но при этом наше хозяйство сильно отстаёт от американского. Враньё впечатляло и действовало безотказно. Не только простые люди, но и многие крупные специалисты слушали Аганбегяна и дивились, как мы, русские, дошли до такой жизни. А на самом деле в тот момент (1988 год) в сельском хозяйстве СССР тракторов на гектар пашни было в 16,5 раза меньше, чем в ФРГ, в 12 раз меньше, чем в Италии, и даже в 6,5 раза меньше, чем в Польше.

Широко тиражировался миф о том, что до революции при Столыпине Россия кормила Европу. Например, академик Яковлев утверждал, что столыпинская Россия собирала урожай, равный совокупному урожаю Канады, США и Аргентины. Это заведомая ложь. Экономические результаты реформы Столыпина изучены сегодня досконально, и они свидетельствуют о том, что реформа не удалась. В самом урожайном 1913 году было собрано зерна суммарно: в США – 6,4 млрд. пудов, Канаде и Аргентине – 7,9 млрд. пудов, а в России – только 5,3 млрд. пудов. А по производству зерна на душу населения Россия (30,3 пуда на душу) отставала ещё больше: Аргентина – 87,4 пуда, Канада – 121 пуд на душу.

Любимый многими академик Д.С. Лихачев (его ещё называли «совестью народа») с преувеличенной скорбью писал о том, что «год от года в стране падал уровень культуры». А то, что страна, в которой было 75% неграмотных, под властью большевиков стала самой читающей в мире, это – как: падение или повышение уровня культуры?

Известные учёные Шмелёв и Заславская договорились до того, что благом, которое требовалось внедрить в нашу экономику, была провозглашена безработица. Шмелёв писал: «Сегодня в нашей промышленности 1/3 рабочей силы является излишней», т.е. этих людей надо сделать безработными, тогда под страхом увольнения остальные будут стараться работать продуктивнее.

После ухода в тень Горбачёва и прихода к власти Ельцина продолжили начатое «младореформаторы». Действовали они более дерзко и нагло, чем «перестроечники», но ещё более тщательно скрывали свои истинные цели. Как стало сегодня понятно, целью гайдаровского правительства в 92-м были вовсе не рыночные реформы – они служили только прикрытием. Отпустив цены и открыв дорогу гиперинфляции (до 1000% и даже 1500%), правительство, по сути, организовало массовое уничтожение тысяч предприятий и поголовное обнищание населения.

Изо всех СМИ лились оды и хвалебные песнопения частной собственности. Была развёрнута колоссальная кампания по мифотворчеству о том, что частная собственность священна и неприкосновенна. Яковлев писал: «Только частная собственность через действие закона стоимости непрерывно повышает производительность труда и создаёт материальные блага в изобилии». В течение последних десятилетий мы безуспешно экспериментировали с частной собственностью и пришли к закономерному результату: повышения производительности труда не произошло. Был развеян ещё один старый миф.

Параллельно проводилась тихая работа по приватизации бывшей государственной собственности. Не буду сейчас напоминать о том, что проекты приватизации в СССР разрабатывались в США, о том, что такие организаторы перестройки, как А. Чубайс, Е. Гайдар, В. Потанин, В. Мау, В. Ясин, П. Авен, А. Шохин, Б. Фёдоров и другие прошли курс обучения в лондонском Институте экономических проблем, а главные «приватизаторы» А. Чубайс и Е. Гайдар прошли спецподготовку в Гарвардском университете (США), о том, как нас обманули, вручив каждому ваучер на 10 000 руб. Вскоре ваучеры обесценились из-за гайдаровской гиперинфляции; люди не знали, как их использовать эффективно, потому вкладывали в расплодившиеся «чековые фонды», которые вскоре просто исчезли. Никто сегодня не может толком объяснить, почему наибольшее число ваучеров оказалось в руках будущих олигархов, и почему в течение очень короткого времени крупнейшие предприятия были скуплены за бесценок березовскими-гусинскими-вексельбергами-прохоровыми-ходорковскими-чёрными и др. Какие можно придумать правовые основания, чтобы отдать комсомольскому работнику Кахе Бандукидзе машиностроительный супергигант «Уралмаш» за смехотворную цену – одну тысячную не стоимости завода, а стоимости его годовой продукции? А братья Чёрные (граждане Израиля) купили Красноярский алюминиевый завод, заплатив за него в 300 раз меньше его стоимости.

Много, очень много вопросов по грабительской приватизации, однако никто сегодня не хочет на них отвечать. А Президент В.В. Путин несколько раз твёрдо заявлял, что итоги приватизации не подлежат пересмотру.

Уже в 1987 году был дан сигнал к свёртыванию плановой социалистической системы. В принятом тогда законе СССР было записано: «Контрольные цифры... не носят планового характера». То есть дальше сама собой разумелась – «свободная» (не плановая) рыночная (т.е. капиталистическая) экономика. В те времена и в тех условиях «свободной» могла быть только анархически, стихийно развивающаяся экономика.

В 1980-х годах, несмотря на перестройку, экономика СССР была всё ещё необычайно сильной. И тогда под видом ликвидации убыточных предприятий

(всего их было около 1% по стране), убыточных колхозов и совхозов (их тоже был 1%) началась не только деиндустриализация, а разорение народного хозяйства страны. В течение двух десятилетий были уничтожены тысячи предприятий, колхозов и совхозов. Обоснование было такое. Яковлев: «Тьма убыточных предприятий, колхозов и совхозов, работники которых сами себя не кормят, следовательно, паразитируют на других». Шмелёв: «Наиболее важная экономическая проблема России – необходимость избавления от значительной части промышленного потенциала, которая... либо вообще не нужна, либо нежизнеспособна».

«Реформаторы» торопились: их конечными целями было разрушение социалистической экономики, а заодно и разрушение «единого и могучего» Советского Союза и превращение нового государства, России, в сырьевой капиталистический придаток Запада. Но они о своих конечных целях НАМ не сообщали. И только тогда, когда дело было сделано, пошли признания. Горбачёв только в 1999 году признался: «Целью моей жизни было уничтожение коммунизма».

Пока мы молча, не очень понимая или даже совсем не понимая, взирали на то, что происходит, дело было сделано: сегодня наша страна дрейфует по воле либеральных волн и ветров на волнах капиталистического океана.

Что мы имеем сегодня?

В результате капиталистических псевдореформ объём выпускаемой продукции страны составляет сегодня около 2% от мировой валовой продукции (против 8% СССР). В 2000 году по ВВП Россия занимала 7-8 место, в 2015 году – только 15-е, а по темпам прироста ВВП – 180-е место из 190. ВВП России за 25 лет увеличился только на 11% (в Китае за это же время – в 13,5 раз). Объёмы производства сократились по всем показателям, кроме нефти и газа.

В России упорно насаждают чуждые нам мировоззрение и систему ценностей ради одной цели – любыми способами удержать власть и деньги, захваченные в 90-е годы. Мобилизованы все средства, для того чтобы убедить нас в открытости системы госуправления, однако на самом деле многие представители различных, в том числе высших, эшелонов власти, потворствуют коррупции и разрушают систему законности, уничтожая в народе хоть какую-то уверенность в будущем.

Итак, теперь мы, кажется, твёрдо установили, кто виноват в гибели советской жизни: «вашингтонский обком» и наша «пятая колонна».

Но давайте посмотрим на процесс более критично: а МЫ, бывшие советские люди – что, совсем непричастны к трагедии?

Думаю, что в какой-то мере, всё же причастны. Причастны хотя бы потому, что многое из того, что произошло, было нами ожидаемо. Многого хотели мы сами, но никак не ожидали, что нас так грубо «кинут».

Мы, конечно, не знали и не могли знать ни тайных конечных целей горбачёвых-яковлевых-чубайсов-ельциных, ни даже просто оценить калейдоскопическое мелькание разноречивых событий. И сегодня каждый захочет откреститься: я ни в чём не виноват, с предателями и бандитами не сотрудничал. Но мы видели, как на наших глазах правящие лица принимали законы, среди которых было немало явно антинародных, мы видели, как разоряется и слабеет наша держава и ухудшается жизнь народа, мы в Братске видели, как на наших глазах уничтожались и подвергались варварскому разграблению

подразделения «Братскгэсстроя», комбинат «Братскжелезобетон», завод «Сибтепломаш», Братская швейная фабрика, все совхозы Братского района и другие предприятия в радиусе 100 км от наших глаз, мы видели, как гибнет наш народ от наркотиков и пьянки, мы много чего видели ...

Однако по большей части МОЛЧАЛИ, потому что боялись, или понимали, что в одиночку с таким валом зла не совладать.

За годы реформ выросло целое поколение россиян, которые почти ничего не знают о бывшем Советском Союзе, для них это – «империя зла».

Наша беда в том, что многие годы мы топчемся на месте и не можем выйти на нормальный путь развития. Мы не очень верили в хрущёвский коммунизм, обещанный к 1980 году, жестоко и, как позже выяснилось, необоснованно критиковали брежневский экономический застой, снисходительно переживали горбачёвскую перестройку, но не предполагали, что результаты ельцинского контрреволюционного переворота и последующих антинародных реформ окажутся столь убийственными для нас. Однако коллективное сознание нашего общества, не приемлющее происходящих изменений, к сожалению, так и не выработало оптимальной *теории развития и всенародного движения вперёд*. Цели этого движения нам тоже неизвестны. И не родился новый Вождь, который указал бы чётко и внятно, что нам делать и как жить.

Прошли почти три десятка лет, и мы, ещё не до конца понимая, что происходит и в каком направлении продолжается дрейф нашей страны в капиталистическом мире, почти поголовно испытываем чувство несправедливости всего происходящего. Мы начинаем понимать, что наш дрейф пора заканчивать. Пора выбирать собственный курс и включать двигатели на «полный вперёд».

Что же делать? Рано или поздно, по-видимому, нам придётся создавать альтернативную капитализму цивилизацию. Что именно? Возможно, интегрированное – вбирающее в себя лучшие достижения капитализма и социализма, – конвергентное социалистическое общество? Вполне может быть, это предлагают многие умные высокоучёные люди. Стоит подумать.

Что нужно для развития России?

Любая система, в том числе государственная, жизнеспособна только тогда, когда она пребывает в движении и развитии, когда движение постоянно подкрепляется импульсами силы. Замедление движения, стремление к покою (дабы без хлопот, тягот и забот жить да поживать) ведёт к угасанию жизни и умиранию системы.

Характерными чертами СССР были: всеобщее непрерывное развитие, постоянное преодоление трудностей; системный (комплексный) подход к планированию народного хозяйства, обороны, культуры, образования, здравоохранения, науки, благосостояния и социальной защищённости всех граждан; обеспечение системного развития всего запланированного; мощный потенциал, достаточный для поддержания относительно безбедного уровня жизни людей; непобедимость в условиях враждебного окружения. Главный секрет страны – в непрерывном комплексном развитии большинства жизненно важных форм бытия.

Страна Советов – первый в истории человечества эксперимент по построению в масштабах огромного государства общества всеобщего равенства и благополучия на основе всеобщего непрерывного системного развития. СССР достиг колоссальных успехов, став крупнейшей индустриально развитой державой и добившись впечатляющих результатов в социальном обеспечении населения и в сдерживании угроз новой мировой войны.

Однако надо признаться, что большевики, построив величайшую и сильнейшую державу, сделали не всё, что было в их силах. Они не сумели усвоить и перенести на почву социализма всё то лучшее, что было наработано при капитализме и до него. Например, если при социализме сохранялось товарное производство, то не нужно было ограничивать свободу обмена товарами, т. е. рыночную торговлю и предпринимательство, но и то, и другое надо было взять под контроль народа, заставляя и коммерсантов, и предпринимателей в полную силу работать на общество. То же самое – с разрешением частной собственности. Но под контролем.

Если бы перестройку вели грамотно, с оглядкой на благо Отечества и народа, то без сомнения в Советском Союзе на основе конвергенции могло бы возникнуть новое интегральное общество. Дело ведь шло именно к этому. Основа была: общегосударственная собственность на стратегически важные средства производства, на землю, её недра, воды, леса; плановость снизу доверху и сверху донизу (которую просто надо было совершенствовать); договорная дисциплина (которую требовалось упорядочить и ужесточить); жёсткая вертикаль и выборность органов советской власти снизу доверху (которая нуждалась в дальнейшей демократизации). Всё это создавало реальные предпосылки для безболезненного построения *конвергентного социалистического общества*, в котором не было бы отчуждения трудящихся от собственности (в том числе – и от обезличенной общегосударственной и колхозной собственности), напротив, вместе с хозяевами они стали бы совладельцами предприятий, осуществлялась бы подлинно советская власть, ответственная перед народом. Но главное, в интегральном советском обществе можно было бы добиться, чтобы всё большая часть национального дохода отчислялась на неуклонное улучшение благосостояния народа, в том числе через общественные фонды потребления.

Горбачёвская псевдоперестройка и грубая узурпация власти Ельциным оборвали поступательное развитие СССР и исключили возможность создания новой модели конвергентного (интегрированного) общества.

Мы зашли слишком далеко. Компрадорская буржуазия, господствующий олигархат, набирающая силу «пятая колонна» и подчинённое им чиновничество сегодня не склонны к конвергентным реформам. И всё же, надежда на возрождение России есть.

Сегодня настал момент выбора: либо мы продолжаем, как стадо травоядных, безмятежно пощипывая травку, тихо двигаться к пропасти, к которой нас ведут, либо мы, наконец, задумаемся и изменим свой путь. Настала пора каждому из нас сделать свой прогноз и выбор будущего нашей страны и определить свои пути участия в его развитии. Мы предлагаем один из вариантов – путь к интегральному (конвергентному) обществу.

Мы рассматриваем возможное будущее *интегральное (конвергентное) общество* как общество *высокоразвитого народовластия, самоуправления и социальной справедливости, общество, состоящее из людей разных*

*классов и слоёв: рабочих, крестьян, интеллигенции, предпринимателей, общество, в котором Человек становится главной целью социального развития, в котором уважается Личность каждого человека и любая форма собственности. Наиболее подходящий политический строй для нынешней России, скорее всего, – социалистический. Это общество должно строиться на лучших методах хозяйствования, управления и самоуправления, руководствоваться лучшим опытом социального обеспечения населения, достигнутого разными странами, как капиталистическими, так и социалистическими. Экономической основой этого общества должны быть коллективные формы собственности (кооперативная, государственная, колхозная); но могут развиваться и предприятия с частными формами собственности в условиях свободной конкуренции. Целью производства должно стать всё более полное удовлетворение материальных и духовных потребностей **всех граждан России**.*

«Справедливое общество должно принять людей такими, какие они есть» (Джон Гэлбрейт).

ПОЭЗИЯ

Анатолий УВАРОВ

Анатолий Васильевич Уваров – родился 3 апреля 1928 г. в селе Кезьмине Сурского района Ульяновской области. Полковник в отставке. Ветеран Великой Отечественной войны, Вооружённых сил СССР, Атомной энергетики и промышленности Российской Федерации. Член Союза писателей России. Академик русской народной поэзии XXI века. Награждён орденом «Знак Почёта», медалями «За воинскую доблесть», «За трудовое отличие», Золотой Есенинской медалью, Большой серебряной медалью Гумилёва, медалями Ивана Бунина, «А.П. Чехов 1860-1904», Генерала А.А. Брусилова, «Победители» (награждён Общероссийским общественным движением «РОССИЯ ПРАВОСЛАВНАЯ») и многими другими правительственными и ведомственными наградами. Автор книг стихов и прозы: «Кезьминское поле» (2003), «С Отчизной сердце моё слилось» (2008), «Годы-вехи» (2011), «Село Кезьмино. Книга памяти» (2011), «Шифровальщик» (2013, 2014), «Мысли, чувства и воспоминания русского поэта – шифровальщика» (2017).

Живёт в Москве.

«Все хлебом Пахаря согреты...»

О пахарях в полях

Обняв ладонью лоб усталый,
Мы мыслим о судьбе людей:
Об их истории немало
И о величии вождей,

О музыкантах и поэтах,
О полководцах и царях,
Но забываются, при этом,
Трудяги-пахари в полях...

И забывается отважный,
Начальный сущностью своей,
Их труд крестьянский, очень важный
Для жизни и судьбы людей.

И музыканты, и поэты,
И полководцы, и цари –
Все хлебом Пахаря согреты
И светом трудовой зари!

Посурье – Гимн Отчему краю

Достойную славу Посурью пою,
Любовь и признание ему воздаю:
Его необъятным зелёным просторам,
Полям и лесам, деревенькам и сёлам,
Чудесным картинам с Никольской горы,
Течениям дивным прекрасной Суры!
И всё это – наша родная Земля,
И к ней мы стремимся, безмерно любя!

Часовня на Никольской горе с видом на реку Суру и лесное Присурье.

Вид с реки Суры на Никольскую гору и часовню.

Привев:

Волжское приволье и река Сура,
Русское раздолье – отчие края,
Кезьмино родное, Никольская гора,
Сердце – лишь с тобою, Родина моя!

От древних событий до наших времён
Здесь слышится шелест российских знамён.
Здесь люди – и в будни, и в свой юбилей –
Гордятся историей древней своей,
Гордятся победами в славном труде
И подвигом доблестным в страшной войне!
Гора и Сура – это символы наши,
И нет на Земле их дороже и краше!

Привев:

Волжское приволье и Присурья край,
Мою благодарность щедро принимай!
Родины просторы, русская земля –
Славься ты вовеки, Родина моя!

